
PG
3228
.E1
S5
1921
v.1
IMS

СЛАВЯНЕ и ВОСТОКЪ.

Сборникъ подъ редакціей
В. Е. Бѣлановичъ-Зубова
и А. Е. Котомкина.

№ 1.

ПРАГА
1921.

Типографія „Грюнхутъ", Praha V., Maiselova ul. č 17.

ИЗЪ ГИТАНДЖАЛИ.

РАБИНДРАНАТЪ ТАГОРА.

Развѣ ты не слыхалъ Его тихихъ шаговъ.
Онъ идетъ въ вереницѣ бѣгущихъ вѣковъ,
Каждый часъ, каждый мигъ, какъ неясная тѣнь,
И въ ненастную ночь и въ сіяющій день.

Много пѣсенъ я пѣла, но въ каждой изъ нихъ,
Въ заунывныхъ и радостныхъ пѣсняхъ моихъ
Тихій голосъ звучалъ: „Онъ идетъ, Онъ идетъ,
Его сердце тоскуя и радуясь ждетъ“.

. . . Левъ Толстой, выросшій въ условіяхъ западной культуры, проклялъ ее со свойственной ему страстностью, отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ и обратился на Востокъ, чтобы поклониться Лао-цзы и Менъ-цзы, признавъ только въ ихъ мудрости подлинные отсвѣты неба. Въ этомъ знаменательномъ паломничествѣ Толстой готовъ былъ дойти до тѣхъ крайностей, которыя казались непосильными даже и для самого Востока. — „Есть малоизвѣстный китайскій философъ Лао-цзы“ — пишетъ Толстой — „ученіе котораго утверждаетъ, что люди избавились бы отъ всѣхъ бѣдствій личныхъ и общественныхъ, если бы они соблюдали недѣланіе. И я думаю, что онъ совершенно правъ. Меня всегда поражало то удивительное, утвердившееся въ Западной Европѣ мнѣніе, что трудъ есть что - то вродѣ „добродѣтели“...

Такъ ренегатствовалъ Толстой, плѣнившись безвоздушными вершинами, гдѣ Востокъ нашелъ свою усладу и свою погибель. Къ этимъ нежилымъ вершинамъ тянулся Левъ Толстой, въ нихъ искалъ отдыха отъ тѣхъ бурныхъ ферментовъ, подъ вліяніемъ которыхъ жизнь вокругъ него пѣнилась, переливалась черезъ край, низвергаясь куда - то мутными каскадами. Помню, когда я былъ въ „Ясной“ и мнѣ посчастливилось долго говорить съ Толстымъ, до глубокой ночи, меня поразило, что всякое случайно оброненное упоминаніе о странахъ Востока заставляло его загораться, и онъ становился огневымъ, какъ въ минуты вдохновенія. Въ этотъ вечеръ онъ вообще горѣлъ — возбужденіе отъ лихорадки, которую онъ захватилъ купаясь по утру, поднимало мысли, и безъ того могучія, но воодушевленность замѣтно возрастала, когда мелькалъ Востокъ. Туда, только туда бѣжалъ геній Запада, тамъ искалъ просвѣта и „нечаянныхъ радостей“.

А въ это время геніальный индусъ Рабиндранатъ Тагоръ ренегатствовалъ на Западъ. Онъ, правда, не измѣ-

нилъ своей родной Индіи. Онъ зналъ, что истинная свобода начинается только съ той минуты, когда „человѣкъ почувствуетъ отголосокъ ритмическихъ ударовъ душевной жизни всего міра въ своей собственной душѣ“... Онъ еще настаивалъ, что надо искать „мѣста встрѣчи души человѣка съ душой міра“ и „измѣрять свою величину не по внѣшнему образу, а по своей связи въ безконечномъ, по покою звѣзднаго неба и вѣчно текущаго ритмическаго хоровода твореній“. Но тотъ же Тагоръ, не скрываясь, привѣтствовалъ сказочную трудоспособность Запада, его перебразовывающую силу“. Когда человѣкъ расчищаетъ джунгли, съ ихъ вредными міазмами, и создаетъ садъ, тогда красота освобождается отъ ея безобразной оболочки и въ этомъ перевоплощеніи природы проявляется душа человѣка въ полномъ расцвѣтѣ“. „Съ помощью науки мы пріобрѣтаемъ власть: паръ и электричество замѣняютъ нервы и мускулы“... „Кто такъ погрязъ вь неправдѣ, что осмѣлится назвать неправдой все это — и эту цивилизацію развивающагося человѣчества и это вѣчное усиліе человѣка достигнуть побѣды своихъ силъ, пройдя всю пучину горя, всѣ высоты радости, преодолѣвъ безконечныя препятствія внутри и извнѣ“...

Толстой, завороженный Востокомъ и провозгласившій, вслѣдъ за Лао-цзы, бездѣятельность, какъ основу непорочной жизни, и Тагоръ, предавшій свои родныя джунгли, чтобы вмѣсто нихъ, подъ вліяніемъ бурнаго Запада, возникло, какое-то предпріятіе, — въ частности; можетъ быть, и садъ, какъ того хочетъ Тагоръ... Это указывало, что Востокъ, сознавая свою историческую ошибку, томится въ бездѣйствіи и готовъ измѣнить своей дремотной неподвижности, а Западъ, задыхаясь отъ вѣчной суеты, ищетъ просвѣта въ духовности и созерцательныхъ настроеніяхъ Востока. Два генія бѣжали изъ своихъ странъ, но если бы они встѣтились въ пути и выяснили, что каждый изъ нихъ искалъ обѣтованную землю какъ разъ тамъ, откуда другой бѣжалъ, то, несомнѣнно, въ ихъ недоумѣніи былъ-бы единственный спасительный исходъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ явился бы и свѣтлымъ откровеніемъ: оба они остались бы на мѣстѣ встрѣчи, въ серединѣ своихъ путей, между Востокомъ и Западомъ, чтобы на этой пограничной чертѣ воздвигнуть общій храмъ...

———

Не гордись.

Не гордись передъ Бѣлградомъ
Прага, Чешскихъ странъ глава,
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва.

Вспомнимъ — мы родные братья,
Дѣти матери одной:
Братьямъ -- братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой.

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ,
Не скорби, кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ.

Испытанья время строго,
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь.
Много милости у Бога,
Безъ границъ его любовь

Пронесется мракъ ненастный
И, ожиданный давно,
Возсіяетъ день прекрасный:
Братья станутъ за одно.

Всѣ велики, всѣ свободны --
На враговъ -- побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной.

СНЫ.

Я живу въ одномъ изъ уголковъ Чехіи, извѣстномъ своимъ здоровымъ воздухомъ, красивыми окрестностями и вѣковымъ тихимъ паркомъ, окруженнымъ кольцомъ скалъ.

Гдѣ-то немолчно шумитъ водопадъ, наполняя жизнью прозрачныя воды ручьевъ и каналовъ.

Цвѣтутъ каштаны, цвѣтетъ сирень, дремлютъ старыя липовыя аллеи.

И далеко-далеко синѣютъ покрытые сосновыми лѣсами массивы горъ.

* * *

Меньше чѣмъ въ километрѣ отъ города бѣлѣетъ цѣлый рядъ лагерныхъ построекъ, выросшихъ нѣсколько лѣтъ назадъ, послѣ начала міровой войны.

Свидѣтелемъ странныхъ явленій, свидѣтелемъ страннаго стеченія обстоятельствъ является этотъ лагерь.

Онъ выстроенъ при австрійскомъ императорѣ.

Выстроенъ для галиційскихъ поляковъ, бѣжавшихъ въ глубь Австро-Венгріи отъ наступленія русскихъ армій въ 1914 г.

Австрія ихъ водворила къ Чехамъ.

Русскія арміи очистили Галицію.

Поляки ушли.

Ушли — и на ихъ мѣсто пришли русскіе, — русскіе плѣнные солдаты изъ Германіи и Австріи, иначе говоря тѣ русскіе, отъ которыхъ бѣжали въ 1914 году галиційскіе поляки.

Умолкли боевые выстрѣлы на западномъ фронтѣ.

Волны человѣческой крови, пролитой въ Европѣ, прорвали всѣ плотины и смыли короны императоровъ Россіи, Германіи и Австріи.

Открылась на берегу Сены конференція мира, заговорили о Лигѣ Націй, нѣсколько разъ переѣхалъ Атлантическій океанъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ.

Былые бойцы великой русской арміи пріютились въ лагерѣ, выстроенномъ въ Чехіи для тѣхъ, кто когда-то бѣжалъ отъ ихъ оружія.

Бѣгутъ часы и дни, наступила весна, зацвѣли каштаны.

И въ лагерь, гдѣ часть бараковъ занята русскими, начали приходить новые люди.

Приходятъ галичане-украинцы, отходящіе подъ ударами оружія поляковъ.

Они приходятъ въ лагерь, встрѣчаются съ русскими, и... селятся въ особыхъ дальнихъ баракахъ:

Мы — украинцы, они москали.

Серьезнаго вида неизвѣстный человѣкъ бродитъ около лагеря, разглядываетъ среди встрѣчныхъ солдатъ крестьянъ Минской, Гродненской, и Могилевской губерній, долго бесѣдуетъ съ ними и въ результатѣ убѣжденно заявляетъ:

— Помните-же, что вы — бѣлоруссы; русскіе одно, бѣлоруссы — другое...

И будущіе граждане новой державы смущенно отходятъ прочь, совершенно обезкураженные новымъ откровеніемъ.

Равнодушно смотрятъ не все происходящее бѣлыя постройки лагеря.

Не все ли имъ равно.

Выстроены онѣ на славянской землѣ, для славянъ, бѣжавшихъ отъ славянъ, живутъ въ нихъ теперь славяне, отъ которыхъ въ свое время бѣжали славяне, приходятъ новые славяне, бѣгущіе отъ славянъ, славяне даютъ пріютъ бѣгущимъ отъ славянъ славянамъ.

Кое-кто изъ не славянъ втихомолку радуется, самодовольно потираетъ руки.

И еще-бы не радоваться.

Есть у славянъ друзья, способные разобраться въ событіяхъ пережеваемыхъ дней, но есть и враги, учитывающіе каждую мелочь.

Стоитъ ли только вамъ радоваться, господа враги.

* *
*

Пряный и чистый воздухъ, плывущій съ горъ, успокаиваетъ мысли, наполняетъ усталое сердце покоемъ и навѣваетъ легкіе, красочные, чарующіе сны...

Нѣтъ словъ, напоминающихъ тяжелое прошлое, не повторяется въ нихъ и кошмарная явь текущихъ дней.

О новомъ и прекрасномъ разсказываютъ сны, навѣянные чистымъ воздухомъ горъ.

Цвѣтутъ каштаны и липы, цвѣтетъ сирень, быстро бѣгутъ прозрачныя воды ручьевъ и каналовъ.

Навѣянный чистымъ воздухомъ горъ, ко мнѣ не разъ слеталъ сонъ о великой и прекрасной Славіи, о великой странѣ объединенныхъ въ неразрывный союзъ славянъ — великой странѣ, пространствомъ отъ береговъ Тихаго океана, до Сѣвернаго и Чернаго морей.

Не разъ мнѣ уже снится великая и прекрасная Славія...

Снится такой, какой я видѣлъ ее въ старой Прагѣ, изображенной на стѣнной фрескѣ обширныхъ сѣней городской ратуши.

О, если бы сбывались сны, навѣянные чистымъ воздухомъ горъ.

КРАЙ ПРАВОГ ДУНАВА.

— „Тамо далеко...“

Снова долетѣли до моего слуха эти слова, эта полная красоты и тихой грусти мелодія.

Долетѣли совершенно случайно — изъ устъ мимолетнаго гостя Чехіи, русскаго воина, совсѣмъ недавно оставившаго Бѣлградъ.

И выплыли изъ тумана картины прошлаго, — недавняго прошлаго, но такого прошлаго, отъ котораго не мало воды утекло.

— „Тамо, далеко край правог Дунава...“

Сколько непритворной тоски и горя звучало въ этой пѣснѣ, когда я ее услышалъ впервые.

. . . .

Я пріѣхалъ изъ Парижа въ С. Рафаэль, одинъ изъ прибрежныхъ городковъ Юга Франціи, находвшійся въ нѣсколькихъ километрахъ отъ древнихъ аренъ Фрежюса.

Здѣсь, въ кошмарные дни войны и кров325аваго безумія, носившагося по Европѣ, вдали отъ орудійныхъ выстрѣловъ, находили себѣ временный пріютъ и отдыхъ многіе изъ страдальцевъ боевыхъ полей.

Сюда, такъ же какъ и въ другіе пункты Ривьеры, стекались раненые, изувѣченные и инвалиды, искавшіе исцѣленія подъ небомъ благославеннаго края земли.

Былъ вечеръ, я сидѣлъ на скамьѣ набережной Феликс-Мартэн, слѣдя за нѣжнымъ наплывомъ морскихъ сумерокъ.

И вдругъ, гдѣ-то, совсѣмъ близко зазвучала пѣсня. Пѣло нѣсколько молодыхъ голосовъ, голосовъ твердыхъ, увѣренныхъ, но полныхъ какой-то особенной величавой грусти.

Я вслушался внимательнѣе и вскорѣ съ радостью различилъ въ пѣснѣ знакомыя. славянскія слова.

„Тамо далеко, далеко,
Край правог Дунава.
Тамо іе село моіе
Тамо моіа Србиіа...“

Пѣли три молодыхъ инвалида-серба, сидѣвшихъ на сосѣдней скамейкѣ. Двое изъ нихъ были совершенно слѣпы, третій не имѣлъ ноги. Французъ-санитаръ привелъ ихъ изъ сосѣдняго госпиталя на берегъ лазурнаго моря. Только безногій калѣка могъ созерцать его голубыя дали, такъ какъ для двухъ остальныхъ и море, и краски заката, и панорама морскихъ Альпъ были такою же тьмою, какъ и вся окружавшая ихъ жизнь.

Имъ были оставлены на утѣху только звуки.

И въ этихъ звукахъ, звукахъ своихъ собственныхъ голосовъ, они старались выразить все, что пережили въ недавнемъ прошломъ, и что пережили теперь, вмѣстѣ со всею своею бѣдною родиной.

Тою родиной, которой въ ту минуту у нихъ не было, не было потому, что всю ее цѣликомъ заняли вражьи полки.

Не осталось клочка земли, принадлежавшей сербамъ отъ границы до границы наложили на нее нѣмцы свой желѣзный кулакъ.

Остались только сыновья своей страны, остался вооруженный народъ Сербіи, шагъ за шагомъ отступавшій среди жестокаго боя подъ напоромъ неизмѣримо сильнѣйшихъ враговъ, занимавшихъ маленькую, поставленную въ ужасныя условія самообороны, землю.

Невеселые дни и годы перенесли народы міра за время великой, небывалой войны.

Всѣ пять лѣтъ — одна сплошная кровавая трагедія, одинъ тяжкій кошмаръ.

Но, несмотря на всю необъятную величину хаоса человѣческихъ страданій, исторія не забудетъ эпизоды подвиговъ отдѣльныхъ народовъ, жуткую красоту которыхъ не сотрутъ никакіе вѣка.

Къ такимъ эпизодамъ несомнѣнно будетъ отнесенъ однимъ изъ первыхъ — эпизодъ Сербіи.

. . . .

Было рѣшено раздавить, уничтожить, стереть въ порошокъ маленькое славянское государство, и громадныя

массы нѣмецкаго огня и желѣза поплыли съ сѣвера на холмы и равнины сербовъ.

Какъ одинъ всталъ на защиту своей родины и свободы сербскій народъ. Сурова, тяжела и неблагодарна была борьба.

Что можно было сдѣлать рядамъ честныхъ бойцовъ съ надвигавшимися на нихъ полчищами бронированныхъ кулаковъ.

Отрѣзанные отъ союзниковъ, окруженные врагами и измѣной, обливавшіеся кровью, одни за другими оставляли сербы родные города и деревни со своими близкими, женами и дѣтьми.

— Скоро вернемся — ободряли они другъ друга. — Насъ выручатъ союзники, насъ выручитъ наша великая сестра Россія.

Но врагъ былъ силенъ.

Все дальше и дальше отступала армія защитниковъ, поливая сербскую землю кровью и слезами.

Быстро мчались кошмарные дни. И наступилъ день самаго горькаго, самаго страшнаго испытанія.

Не оставалось больше ни одного клочка сербской земли, и въ урочный часъ изнеможенные бойцы за ея свободу принуждены были отступить за ея границы.

Сербская земля осталась въ рукахъ враговъ.

. . . .

— Нашъ крестный путь шелъ черезъ Албанію, черезъ ея лѣса и скалистыя ущелья — разсказывалъ мнѣ съ тоскою сербъ-инвалидъ на набережной Феликс-Мартэн... — Съ нами уходилъ король Петръ, съ нами шли всѣ, кто только могъ носить оружіе и за нами же неотступно слѣдовалъ голодъ, горе, болѣзни и смерть... Мы шли къ морю. Печальнымъ было наше движеніе днемъ, и еще печальнѣе и страшнѣе были наши ночи, ночи приваловъ среди скалъ, гдѣ, что ни шагъ — змѣя, гдѣ, что ни часъ — смерть отъ истощенія и лихорадки... Ярко пылали, зажженные въ темнотѣ дикихъ ущелій костры. Мы засыпали около этихъ костровъ, скованные усталостью, и никого не удивлялъ на утро обгорѣлый трупъ товарища, свалившагося за время своего каменнаго сна въ огонь. Вставало солнце и мы продолжали нашъ путь къ берегамъ моря, все дальше и дальше уходя отъ родной земли, гдѣ осталось все близкое и дорогое.

— Мы вернемся, мы освободимъ нашу Сербію, — говорили сербскіе воины. — Врагъ силенъ, но любовь къ

родинѣ сильнѣе. Намъ помогутъ союзники, намъ поможетъ наша дорогая сестра, Великая Россія. И усталые, изможденные, мы переплывали морскія волны, увозя съ собою любовь къ Сербіи, надежду на пришествіе лучшихъ дней и вѣру въ Бога и въ свое правое дѣло.

. . . .

Очаровательна природа острова Корфу и вѣчно улыбается голубая даль Адріатическаго моря.

Но что могутъ сдѣлать красоты природы для исцѣленія души, охваченной обидой и тоской.

Здѣсь, залѣчивая раны и отогрѣваясь подъ южными лучами солнца, стали набираться новыхъ силъ уцѣлѣвшіе ряды героевъ.

Изъ пятисотъ тысячъ защитниковъ родины, собранныхъ подъ знамена, достигло Корфу не болѣе полутораста тысячъ.

Гдѣ были триста пятьдесятъ!

Во всякомъ случаѣ, не въ городахъ и селеніяхъ Сербіи, гдѣ остались однѣ женщины и дѣти, и не въ австрогерманскомъ плѣну, гдѣ процентъ сербскихъ плѣнныхъ былъ весьма ничтоженъ.

Они легли на поляхъ Ядора, Колубавы, Космы и Рудника; тридцать девять тысячъ молодыхъ сербовъ погибло отъ голода въ одной только Албаніи, оставшись, въ большинствѣ случаевъ, лежать безъ погребенія среди ущелій и каменныхъ глыбъ и являясь добычею шакаловъ.

Но вѣра не гасла.

Остатокъ героической арміи крѣпъ и готовилъ себя на новое, славное дѣло.

И среди лихорадочныхъ приготовленій къ новой борьбѣ за освобожденіе родины, въ рѣдкіе часы отдыха, съ цвѣтущихъ береговъ Корфу впервые начала летѣть черезъ волны Адріатическаго моря полная вѣры и тоски пѣсня:

„Тамо далеко, далеко,
Край правог Дунава.
Тамо іе село моіе
Тамо моіа Србиіа“...

И снова пошли въ неравный бой уцѣлѣвшіе сыны героическаго народа, храня въ сердцахъ неугасимые свѣточи вѣры, надежды и любви.

И еще одно великое испытаніе встало на ихъ пути. Въ самыя тяжкія и болѣзненныя минуты ихъ усилій, нежданно заболѣла грознымъ и долгимъ недугомъ ихъ сестра и старый другъ — Великая Россія.

Рухнули цѣлые замки надеждъ, и еще выше подняли головы самоувѣренные враги.

Но ни одного упрека не неслось изъ сербскихъ рядовъ въ сторону охваченной недугомъ сестры. Сербы знали цѣну Россіи, знали истинную душу ея народа и по достоинству оцѣнили ея гигантское значеніе въ общемъ дѣлѣ побѣды надъ желѣзнымъ кулакомъ.

. . . .

Встало солнце Сербіи. Уцѣлѣвшіе бойцы за свободу своей страны и народа снова вошли въ свои селенія, очищенныя отъ враговъ.

Вошли — и первыми изъ славянъ вспомнили свою Великую, но больную сестру.

Привѣтъ и тебѣ, изстрадавшая, но воскресшая во славѣ страна героевъ. Привѣтъ тебѣ, старый другъ Россіи, сербскій народъ.

У ПАМЯТНИКА МЕДИЦИНСКИМЪ ЧИНАМЪ, ПОГИБШИМЪ ВЪ ВОЙНУ 1877-78.

Съ тяжелой думою, съ безвыходной тоскою
Смотрю на памятникъ, — онъ съ надписью простою, —
Но буква каждая, какъ пламенемъ горитъ,
Весь именами онъ до верху испещренъ, —
Въ своемъ безмолвіи такъ много говоритъ.
Простыя имена! О, сколько здѣсь именъ! . .

* * *

Невольно чудится, что камни оживаютъ:
Гдѣ были имена, тамъ люди воскресаютъ,
Встаютъ и падаютъ . . . Ползутъ со всѣхъ сторонъ.
Ихъ крики слышатся, мольбы, предсмертный стонъ.
О, сколько теплыхъ тѣлъ! Ихъ груда наростаетъ.
По нимъ. къ ногамъ моимъ ручьями кровь стекаетъ . . .

* * *

Средь страшной груды тѣлъ и мертвыхъ, и живыхъ
Носилки и бинты кровавые зажаты,
Походные ножи, комки намокшей ваты,
Осколки чугуна съ окоповъ земляныхъ . . .

* * *

Какое множество здѣсь изступленныхъ лицъ
Людей, измученныхъ безсонными ночами,
Въ одеждѣ ангеловъ съ багряными крестами
Врачей и фельдшеровъ, сидѣлокъ и сестрицъ.
И ночи страшныя, и жуткій бредъ вокругъ . . .
Чу! Похоронный звонъ подъ пѣнье злобныхъ вьюгъ . . .
И тѣни грозныя свиваются въ туманъ,
На выступахъ вершинъ сѣдѣющихъ Балканъ.

ВЪ МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА.

Посвящается Ив. Мырквичка.

Какая смѣсь цвѣтовъ и красокъ сочетанье! . .
Вся жизнь Болгаріи, вся радость и страданье
Исторія и бытъ Болгарскаго народа —
Глядятъ на зрителя живыми съ полотна.
Рукой художника искусно создана
И красками отражена природа . . .
Въ суровой красотѣ величественныхъ горъ
И въ зелени лѣсовъ, и въ бархатѣ долинъ
Набросковъ бытовыхъ и жизненныхъ картинъ —
Повсюду чувствуешь величье и просторъ.

* * *

Здѣсь мирно за сохой шагаетъ селянинъ,
И преданныхъ воловъ лѣниво понукаетъ,
Тамъ видѣнъ съ плясками веселый хороводъ,
Движенье, смѣхъ и жизнь, и молодость сверкаетъ,
Молебны служитъ здѣсь, надъ нивами, народъ
И въ Радоницынъ день творитъ поминовенье
Усопшихъ сродниковъ, и скорбное моленье
Застыло на устахъ страдающихъ вдовицъ,
Со стономъ у крестовъ въ слезахъ упавшихъ ницъ . . .
А тамъ за чарками сошлись два селяка
И оба веселы и пляшутъ трепака . . .
И множестно картинъ изъ быта и природы
Смѣняетъ рядъ другихъ, когда за жизнь свободы
Народъ Болгаріи и долго и упорно
Боролся съ турками . . . Вотъ здѣсь — одинъ изъ нихъ
Свой держитъ ятаганъ и пробуетъ проворно
Стальное лезвіе, чтобъ рѣзать христіанъ
И, кажется, при томъ поетъ корана стихъ.
Здѣсь бѣженцевъ толпа за поискомъ покоя
Скрывается въ горахъ отъ злобныхъ мусульманъ.
Тамъ страшный янычаръ творитъ насилье злое
Надъ беззащитными . . . Вотъ дальше подъ напоромъ
Дверь хаты падаетъ . . . Предъ изступленнымъ взоромъ
Болгарокъ молодыхъ вдругъ турокъ предстаетъ . . .
Ихъ вопли чудятся, и стонъ, и страшный гнетъ,
Что выстрадалъ народъ съ неволею турецкой.
Болгарка тамъ сидитъ предъ колыбелью дѣтской
Съ малюткой на груди и съ ужасомъ глядитъ
Она на голову убитаго отца,
Отца дѣтей своихъ . . . И душу леденитъ
Картина ужаса и муки безъ конца . . .

БѢЛЫЙ ОРЕЛЪ.

Католическое кладбище, находившееся подъ охраной Викентія Турека, было расположено уединенно, на далекой окраинѣ города, пріютившагося на берегу громадной восточно-азіатской рѣки.

Почти ни одна живая душа не заглядывала въ это унылое мѣсто вѣчнаго покоя; живые здѣсь появлялись тогда, когда происходило погребеніе мертвыхъ — и они также быстро исчезали, какъ и появлялись, оставляя свѣжій могильный холмъ на полное попеченіе Викентія.

Старецъ жилъ одиноко, не имѣя, на многіе сотни верстъ кругомъ, ни одного близкаго и ни одного друга.

Ровно шестьдесятъ лѣтъ назадъ пришелъ онъ съ береговъ Вислы къ берегамъ Байкала двадцати-лѣтнимъ юношей, пылкимъ и непримиримымъ повстанцемъ; пришелъ не одинъ — съ нимъ пришли въ Сибирь многіе сотни юношей далекой Польши, унесшихъ съ собою въ сибирскую глушь свой страстный и мятежный порывъ.

Угрюмые, истомленные, но гордые и полные вѣры въ правоту своего дѣла, они не роптали, не падали духомъ и, разселяясь на чужбинѣ, продолжали жить надеждой и мечтой:

„Наступитъ день, Бѣлый Орелъ воспрянетъ, воскреснетъ Польша и мы увидимъ нашу Вислу, наши свободные Краковъ и Познань, наступитъ день".

. . . .

Но дни шли, шли десятки лѣтъ и бѣлый орелъ все еще не взлеталъ и мечта оставалась мечтою, такою же, какою она была въ жаркіе дни повстанія, угасшаго подъ властью пуль и штыковъ.

Тѣсный кругъ юношей началъ рѣдѣть.

Въ поискахъ менѣе тяжкой работы и болѣе сытнаго хлѣба, они разбредались въ разныя стороны, бѣжали въ

Китай и Японію, стремясь впослѣдствіи добраться до какого-нибудь европейскаго порта, откуда виднѣе и ближе была любимая отчизна.

Побѣги удавались рѣдко — а если удавались, то еще строже становился надзоръ надъ другими и съ каждымъ годомъ все прочнѣе осѣдали бывшіе повстанцы въ разныхъ мѣстахъ сибирской ссылки, превращаясь изъ пылкихъ юношей въ серьезныхъ, молчаливыхъ и замкнутыхъ мужчинъ.

Бѣжали годы; короткое сибирское лѣто чередовалось съ долгою, суровою зимой.

И только изрѣдка, встрѣчаясь другъ съ другомъ, вспоминали они все дальше отходившее отъ нихъ прошлое, картины и ландшафты далекой отчизны и пожимая одинъ другому руки тихо говорили:

„Что-же, скоро? Когда же этотъ день наступитъ“?

Но орелъ не взлеталъ и опять бѣжали безконечной стезей, похожіе одинъ на другой дни, мѣсяцы и годы.

. . . .

На десятомъ году ссылки въ убогій уголъ Викентія неожиданно вошла женщина, молодая спокойная, любящая женщина, ставшая его женой и подругой и освѣтившая тихимъ свѣтомъ его одинокіе дни.

Она была изъ стана враговъ, эта тихая подруга польскаго повстанца — была русскою дворянкой изъ Твери, точно также какъ и Турекъ, высланной въ Сибирь за политику и „хожденіе въ народъ“.

Но непобѣдимый свѣтъ любви русской народницы и польскаго повстанца былъ такъ силенъ, что когда, на пятидесятомъ году жизни, Викентій неожиданно потерялъ свою вѣрную сибирскую подругу, весь міръ, долгое время казался ему сплошнымъ мракомъ и этотъ мракъ уже не могли разогнать его мысли о свободной отчизнѣ и Бѣломъ Орлѣ.

Викентій Турекъ не зналъ, куда дѣваться отъ тоски и горя.

Онъ не могъ оставаться на старомъ мѣстѣ ссылки, устроилъ себѣ переѣздъ въ еще болѣе отдаленныя области и, переселяясь изъ мѣста въ мѣсто, уже сѣдымъ старикомъ попалъ въ тотъ унылый городъ, гдѣ на глухой окраинѣ было расположено католическое кладбище.

Настоятель костела, которымъ былъ молодой ксендзъ, годившійся старому польскому патріоту во внуки, вспомнилъ о свободной ваканціи кладбищенскаго сторожа и

найдя Викентія вполнѣ подходящимъ для занятія этой должности, предложилъ старику поселиться въ пустовавшей сторожкѣ.

И опять побѣжали для Турека новые годы — совсѣмъ особые годы молчаливой и ровной жизни среди высокихъ крестовъ, то выроставшихъ надъ новыми могилами, то, постепенно разрушавшихся отъ времени и непогодъ.

Викентій почти не выходилъ за ограду и никогда не бывалъ въ городѣ, такъ какъ тамъ ему рѣшительно нечего было дѣлать.

Изо дня въ день онъ обходилъ свое кладбище, стучалъ палкою по казавшимся ему непрочными крестамъ дѣлалъ указанія рывшимъ могилы китайцамъ и сердился на противныхъ манджурскихъ собакъ, прибѣгавшихъ на погостъ, растаскивать выбрасываемыя могильщиками полуистлѣвшія человѣческія кости.

Кончивъ обходъ, Викентій шелъ въ сторожку, дѣлалъ могильные кресты и выводилъ на дощечкахъ надписи; но на семидесятомъ году жизни онъ уже не могъ владѣть молоткомъ и рубанкомъ, пересталъ дѣлать кресты и надписи и пересталъ, по обычаю польскихъ повстанцевъ, брить подбородокъ и щеки, такъ какъ одряхлѣвшая рука плохо владѣла не только рубанкомъ, но и бритвой.

Большая сѣдая борода закрывала ему почти половину груди, дѣлая польскаго ссыльнаго похожимъ на обыкновеннаго русскаго старика.

Только на ногахъ Викентій по прежнему стоялъ твердо и по прежнему аккуратно обходилъ онъ ряды могилъ, сердито постукивалъ палкой по приходившимъ въ ветхость крестамъ и сердился на тѣхъ же противныхъ собакъ, никогда не забывавшихъ кладбища.

Къ этому времени сѣдой Викентій уже опять не могъ назвать себя одинокимъ.

У него неожиданно появился другъ — настоящій, неподкупный искренній другъ, почти никогда не покидавшій старика, занимавшій его своими бесѣдами и приносившій Викентію изъ города хлѣбъ, картофель и соленую кэту.

Этотъ неизмѣнный другъ былъ старымъ могильщикомъ китайцемъ, носившимъ имя Кван-тая.

Такъ же какъ и Викентій, не былъ Кван-тай уроженцемъ или постояннымъ жителемъ Восточной Сибири и такъ же какъ и старый польскій повстанецъ пришелъ этотъ

человѣкъ изъ далека, изъ Южнаго Китая, откуда, много лѣтъ назадъ его выгнала суровая судьба.

Онъ уже давно появился здѣсь въ качествѣ бродячаго бѣглеца, такъ какъ на его отдаленной родинѣ шла междуусобная рѣзня, выбрасывавшая цѣлыя волны бѣженцевъ на сѣверъ къ границамъ Сибири, къ сопкамъ Манджуріи и въ холодную Корею.

Кван-тай самъ участвовалъ въ этой рѣзнѣ, чуть было не попалъ подъ ножъ палача и въ результатѣ очутился на рыбныхъ промыслахъ Амура, гдѣ добывалъ себѣ хлѣбъ, разставляя рыболовныя сѣти въ студеной водѣ.

Мѣняя по нѣсколько разъ въ годъ мѣста и характеръ работы Кван-тай постепенно добрелъ до кладбища, гдѣ служилъ сторожемъ Викентій и поступивъ къ нему могильщикомъ, въ самый короткій срокъ сдѣлался самымъ искреннимъ и преданнымъ другомъ старика.

. . . .

У обоихъ, какъ у Викентія, такъ и у Кван-тая, не было никого на бѣломъ свѣтѣ, оба были одиноки, за плечами обоихъ лежала длинная, полная тоски и скитаній, жизнь.

Но прошли годы — и оба они и полякъ и китаецъ, почти перестали вспоминать прошлое, сдѣлались къ нему равнодушными, и смотрѣли на весь міръ глазами кладбищенскаго сторожа и могильщика.

Случалось, что Викентій и Кван-тай цѣлыми днями просиживали на скамьѣ около ограды и вели долгіе спокойные и самые содержательные разговоры на странномъ, для нихъ однихъ понятномъ языкѣ. Языкъ этотъ былъ смѣсью русскаго, польскаго, манджурскаго и южнокитайскаго, но оба пріятеля такъ привыкли къ этому нарѣчію, что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ дружбы и ежедневныхъ разговоровъ полякъ вставлялъ въ свою рѣчь китайскія и манджурскія, а китаецъ польскія и русскія выраженія и слова и оба они изъ многочисленныхъ бесѣдъ другъ съ другомъ давно взаимно составили себѣ опредѣленное понятіе о тѣхъ отдаленныхъ краяхъ, откуда каждый изъ нихъ въ свое время былъ выброшенъ по волѣ рока на глухое католическое кладбище, разбитое у береговъ восточно-азіатской рѣки.

Китаецъ зналъ, что гдѣ то далеко стоятъ Варшава и Краковъ, что въ Варшавѣ есть старый королевскій замокъ, что поляки не засѣваютъ свои поля рисомъ и гаоляномъ,

что они не курятъ опіума и такъ же какъ русскіе не признаютъ Конфуція и Будды.

Викентій же былъ хорошо знакомъ съ нравами и обычаями китайскаго юга, зналъ о томъ, что въ Китаѣ также не мало несправедливости и горя, что и въ Китаѣ есть люди, умѣвшіе любить и ненавидѣть, зналъ, что воды Янцикіанга священны и желты, и что сѣвернѣе Формозы бѣдные китайцы ежегодно гибнутъ цѣлыми сотнями на рыбной ловлѣ, которая даетъ милліоны гонконгскихъ долларовъ богатымъ купцамъ.

И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ прочнѣе становилась дружба двухъ стариковъ, сведенныхъ капризнымъ рокомъ съ разныхъ концовъ земли на уныломъ кладбищѣ.

Нежданно, когда меньше всего думали объ этомъ Викентій и Кван-тай, католическое кладбище зажило новою жизнью и потребовало отъ стариковъ усиленнаго вниманія и ежедневной работы.

Все чаще и чаще сталъ звучать среди его холмиковъ и крестовъ голосъ ксендза и чуть ли не ежедневно старый Кван-тай долженъ былъ брать въ руки заступъ, чтобы готовить могилы для новыхъ пришельцевъ.

Потокъ мертвыхъ, приносимыхъ на кладбище, все росъ, и росъ...

Гдѣ-то далеко на Западѣ шла война—страшная война европейскихъ народовъ, кровавая и жестокая, уносившая въ другой міръ милліоны молодыхъ и сильныхъ людей.

И войну отдаленной Европы, творившую свое жестокое дѣло за берегами Вислы, на склонахъ Карпатъ и поляхъ Аргоны, страннымъ образомъ чувствовало заброшенное на восточной окраинѣ Азіи католическое кладбище, отдаленное отъ этихъ полей и склоновъ десятками тысячъ верстъ.

Въ Сибирь вливался неудержимый потокъ незнакомыхъ, измученныхъ и растерянныхъ людей.

Шли плѣнные австрійцы и германцы—пестрая смѣсь чуть ли не всѣхъ національностей Западной Европы, скрывавшая подъ однообразною походною обмундировкою поразительное разнообразіе нравовъ, нарѣчій, характеровъ и душъ.

За плѣннымъ эльзасцемъ шелъ итальянецъ изъ Фіумэ и Ровенны, за ними шелъ полякъ изъ подъ Кракова и Познани, шелъ чехъ изъ Праги и Лютомышля словакъ изъ подъ Ужгорода, сербъ изъ Сараева и хорватъ изъ Загреба.

И гуще всего, неудержимѣе всего была эта струя славянъ, струя одного и того же великаго народа, раздробленнаго исторіей на отдѣльные лагери, очутившіеся подъ властью разныхъ государствъ.

. . . .

Невзгоды плѣна, суровыя зимы и дувшіе со стороны Монголіи и Манджурскихъ сопокъ вѣтры, то знойные, то студенные какъ ледъ, дѣлали свое дѣло: отправляли ни одного славянина сначала въ лазаретъ, а изъ лазарета на кладбище.

И старому Викентію уже не было времени болтать съ неменѣе старымъ Кван-таемъ, такъ какъ кладбище росло и то и дѣло приходили новые заказы на рытье могилъ для умиравшихъ въ окрестныхъ лагеряхъ поляковъ, чеховъ и хорватовъ.

Старики готовили могилы, получали рубли, іены и шанхайскіе доллары за свою работу, въ изобиліи сыпавшіеся въ ихъ ветхіе карманы и положительно не находили времени, чтобы пофилософствовать за кладбищенской оградой.

. . . .

Прошло четыре года войны. Викентій и Кван-тай продолжали жить и работать.

Китаецъ уже никогда не разставался съ полякомъ-сторожемъ и прочно засѣлъ въ его сторожкѣ, разстеливъ въ углу соломенную цыновку для спанья и какъ одинъ, такъ и другой попрежнему никуда не выходили съ кладбища.

Да и куда имъ было идти — людямъ могилъ и надмогильныхъ крестовъ, неимѣвшимъ ничего общаго съ живымъ міромъ, незнавшимъ ни одной страсти и привычки, способной увлечь кого нибудь изъ нихъ за кладбищенскую ограду.

Когда то, еще въ первые годы дружбы, Кван-тай грѣшилъ по части опіума и раза три возвращался изъ городскихъ притоновъ въ Викентію едва волочившимъ ноги, разбитымъ и больнымъ.

Но повстанецъ сумѣлъ быстро отучить своего помощника отъ пристрастія къ этому грустному наслажденію Востока и даже нашелъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы прогуляться палкою по его желтымъ и костлявымъ бокамъ.

Одинокій китаецъ любилъ голубыя грезы опіума и готовъ былъ купаться въ нихъ къ теченіи всего остатка своей убогой жизни.

Но разумныя внушенія Викентія отбили у Кван-тая охоту къ пагубному увлеченію и спустя нѣкоторый срокъ онъ не только забылъ о тайныхъ курильняхъ, но и самъ ругалъ молодыхъ китайцевъ, имѣвшихъ подозрительно сонные глаза и отвисшія губы, съ которыхъ стекала клейкая, густая слюна.

„Моя мало мало не будетъ фу-фу опія . . . говорилъ старый Кван-тай Викентію. „Пока старый капитана живетъ, старый Кван-тай не будетъ фу-фу. Умретъ капитана, старый Кван-тай будетъ фу-фу и тоже скоро уйдетъ за капитаномъ“.

. . . .

И вдругъ это наступило зимой — наступилъ день, необычный для Викентія день когда его спѣшно посѣтилъ ксендзъ, сообщившій старику удивительную новость.

Бѣлый Орелъ воспрянулъ, Отчизна встала изъ мертвыхъ.

Священникъ въ краткихъ словахъ разсказалъ Викентію объ европейскихъ событіяхъ, о развалѣ имперій, о возрожденіи свободной Польши, сбросившей съ себя оковы многихъ годовъ. Совершилось то, о чемъ мечталъ Викентій шестьдесятъ лѣтъ назадъ, во имя чего онъ шелъ подъ конвоемъ черезъ всю Сибирь въ далекую ссылку и проживалъ кладбищенскимъ сторожемъ католическаго кладбища на берегахъ восточно-азіатской рѣки.

— „Отчизна встала“ — сказалъ ксендзъ. Она ждетъ васъ Викентій и встрѣтитъ съ тѣмъ почетомъ, какой заслужили ея старые герои и мученики за свободу. Она васъ помнитъ, Викентій.

. . . .

Весь міръ перевернулся въ глазахъ Кван-тая, когда Викентій сообщилъ ему о своемъ предстоящемъ отъѣздѣ на родину.

Китаецъ отлично представлялъ себѣ смерть Викентія, такъ какъ это рано или поздно должно было наступить здѣсь же, въ оградѣ кладбища, какъ могла наступить и его собственная смерть ибо люди рѣдко живутъ болѣе ста лѣтъ какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, но отъѣздъ старика въ какую то невѣдомую даль казался китайцу настолько нелѣпымъ, что онъ положительно растерялся.

— Нельзя Кван-тай, замѣтилъ своему другу Викентій, я долженъ ѣхать, потому, что Бѣлый Орелъ ожилъ. Я долженъ...

Китаецъ долго молчалъ, о чемъ то раздумывая.

— Хорошо, капитана, сказалъ онъ грустно. Ты долженъ ѣхать — это правда... Вѣдь для чего нибудь мучаются всю свою жизнь люди... Ты всю жизнь мучился, чтобы теперь ѣхать и тамъ умереть.

И еще помолчавъ нѣсколько, тихо добавилъ:

— Но я никуда не поѣду, капитана... Ни въ Тяньдзинь, ни въ Гонконгъ, ни въ южныя свои области... Я останусь здѣсь, потому, что мнѣ незачѣмъ ѣхать... Но я буду... я буду курить безъ тебя опіумъ, капитана... Мнѣ скучно безъ тебя, но послѣ хорошей трубки я буду видѣться съ тобою и слушать твои разсказы о свиданіи съ твоей родиной, о Варшавѣ и другихъ городахъ и деревняхъ, о Бѣломъ Орлѣ, вылетѣвшемъ на свободу. Ты мнѣ разскажешь, о своей родинѣ, о томъ, какъ выглядитъ онъ, этотъ воскресшій Бѣлый Орелъ.

. . . .

Наступилъ день — и за Викентіемъ дѣйствительно явились посланные.

На нихъ были польскіе мундиры и на шапкахъ съ квадратнымъ дномъ блестѣлъ бѣлый орелъ, долгіе годы не появлявшійся подъ солнцемъ.

Это были польскіе легіонеры, собравшіеся въ Сибири и державшіе теперь свой путь на родину, намѣреваясь плыть черезъ Молакскій проливъ и тропическія моря.

— Пора, старый рыцарь, сказали они. Черезъ два мѣсяца увидишь Польшу. Пора...

Кван-тай не могъ проводить своего сѣдого друга до морского берега, такъ какъ до этого берега нужно еще было ѣхать сотни верстъ черезъ Манджурію.

Польскіе легіонеры увезли Викентія на громадномъ автомобилѣ и когда этотъ автомобиль скрылся за городскими постройками, Кван-тай возвратился въ опустѣвшую сторожку, осмотрѣлся, вытащилъ изъ за печки маленькую сумочку съ накопленными рублями и долларами, и направился въ сторону города, навсегда бросивъ кладбище, гдѣ теперь ему уже не хотѣлось ни жить, ни работать...

Денегъ у Кван-тая было достаточно. Ровно столько, сколько нужно для того, чтобы дожить въ синихъ грезахъ опіума до смерти.

А смерть эта была отъ него уже не такъ далеко, и старый Кван-тай совершенно не безпокоился о своемъ будущемъ.

. . . .

На пароходѣ, который уплывалъ отъ Дайрана черезъ Гибралтаръ къ Гданьску, Викентію отвели лучшую каюту, съ мягкой и удобной койкой, особое мѣсто за столомъ, гдѣ обѣдали генералы и офицеры и особое кресло на палубѣ, съ надписью, гласившей о томъ, что его не имѣетъ права занимать никто, кромѣ ветерана, Викентія Турека.

Внимательная сестра милосердія и особый фельдшеръ были приставлены къ Викентію, дѣлавшіе все возможное, чтобы ветеранъ доѣхалъ до родины здоровымъ и живымъ.

. . . .

День этотъ насталъ. Викентій доѣхалъ не только до Гданьска, но и до самой Варшавы, гдѣ восемьдесятъ лѣтъ назадъ раздался его первый крикъ.

Освободившаяся отчизна сдѣлала все, что-бы устроить стараго патріота съ найбольшимъ удобствомъ и почетомъ.

Его помѣстили въ большомъ, свѣтломъ, хорошо обставленномъ домѣ, въ чистой комнатѣ, смотрѣвшей своими окнами въ садъ, гдѣ росли тѣнистые, зеленые каштаны.

Пріѣзжали офицеры изъ Замка и Бельведера, пріѣзжали красивыя и нарядныя польки изъ благотворительныхъ обществъ, наперебой старавшіеся оказать Викентію какую-либо услугу.

У него появилось новое, хорошо сшитое платье, а сѣдые его волосы покрывала красивая военная шапка съ серебрянными голунами и бѣлымъ орломъ, особая шапка, установленная для всѣхъ старыхъ повстанцевъ.

При видѣ этой шапки всѣ встрѣчные солдаты вытягивались въ струнку и отдавали Викентію честь, какъ настоящему генералу.

. . . .

Послѣ своего пріѣзда въ Варшаву, Викентій шесть дней безвыходно сидѣлъ въ пріютѣ и только на седьмой рѣшилъ выйти на городскія улицы, покинутыя имъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ.

Онъ вышелъ, цѣлый день бродилъ по городу и возвратился въ богодѣльню только къ закату солнца.

На слѣдующее утро онъ ушелъ снова и опять исчезалъ до вечера — и это стало повторяться каждый день, такъ, что администрація богодѣльни могла видѣть Викентія только въ ночное время.

Старикъ бродилъ, дѣлалъ громадные концы изъ одного квартала въ другой и показывался на совершенно противоположныхъ концахъ города.

Многимъ изъ варшавянъ уже примелькалась сѣдая фигура повстанца, и они съ удивленіемъ замѣчали его то бродившимъ около Фары и на Краковскомъ Предмѣстьѣ, то на Лешно и около фортовъ Цитадели, то поднимающимся отъ Вислы по Маріенштадту.

Старикъ блуждалъ, возвращался въ пріютъ, опять уходилъ блуждать и съ каждымъ днемъ лицо его дѣлалось угрюмѣй, онъ все рѣзче отвѣчалъ на вопросы пріѣзжавшихъ навѣстить богодѣльню благотворительницъ и отказывался отъ всѣхъ предлагаемыхъ услугъ.

Только старшая надзирательница, знакомая съ психологіей возвратившихся въ Польшу сибирскихъ ссыльныхъ, не задавала Туреку никакихъ вопросовъ и любовно замѣчала:

— Ничего, дѣдушка, погуляйте еще, можетъ быть и встрѣтите... Теперь лѣто, ходить легко и пріятно. Сразу нельзя найти, но терпѣніе все побѣждаетъ. Пану Туреку нечего учиться терпѣнію... Встрѣтите, дѣдушка, встрѣтите...

. . . .

А Викентій только и жилъ мечтой объ этой встрѣчѣ.

Онъ обрѣлъ то, старый повстанецъ, чего не имѣлъ шестьдесятъ лѣтъ назадъ — обрѣлъ свободную отчизну, Бѣлаго Орла на малиновомъ полѣ, милліоны гражданъ воскресшей изъ мертвыхъ страны.

Его окружали заботы и уваженіе — отчизна какъ могла платила дань своимъ богатырямъ.

Но у Викентія не было теперь другого — не было ни единой близкой души, знавшей повстанца въ тѣ времена, когда онъ шелъ вмѣстѣ съ другими — юношами за свободу Бѣлаго Орла и Красавицы-Варшавы.

Восемьдесятъ лѣтъ — большіе годы, и многіе ли изъ его сверстниковъ и сверстницъ могли дожить до этихъ лѣтъ.

А если и могли, то какъ они узнаютъ теперь другъ друга послѣ такой долгой разлуки.

Узнаетъ ли онъ, восьмидесятилѣтній Турекъ, подъ морщинами и сѣдыми прядями волосъ веселыя и юнныя лица, улыбавшіеся ему когда-то среди каштановъ Саксонскаго сада и Уяздовскихъ аллей.

И сердце Викентія стала наполнять тоска.

Онъ все чаще и чаще сталъ вспоминать оставленнаго за тридесять земель своего единственнаго новаго друга

Кван-тая и иногда старый китаецъ мерещился ему какъ на яву.

— Навѣрно сидитъ въ курильнѣ... думалъ Викентій, — Ну, ужъ и задамъ я ему, когда увидимся.

И вдругъ Турекъ неожиданно успокоился, пересталъ дѣлать свои безконечные круги по городу, и если уходилъ изъ богодѣльни, то всегда къ одному и тому-же излюбленному мѣстѣ.

Онъ сталъ ходить на кладбище, къ древнимъ Повонзкамъ, гдѣ среди зеленыхъ деревьевъ разбросаны сотни тысячъ памятниковъ и крестовъ.

Викентій ходилъ тамъ вдоль могилъ, подобно тому, какъ дѣлалъ это въ Сибири, по привычкѣ постукивая палкой по крестамъ и испытывая ихъ прочность.

Такъ дѣлалъ онъ день, два и вдругъ, къ вечеру третьяго, вернулся въ богодѣльню преображеннымъ, поразившимъ старую надзирательницу своею веселостью.

Викентій Турекъ нашелъ — нашелъ то, что тщетно искалъ по Варшавскимъ улицамъ.

Онъ нашелъ надмогильный памятникъ съ надписью, указывавшей на мѣсто погребенія своего друга дѣтства, ушедшаго въ вѣчность около двухъ лѣтъ назадъ.

И, какъ ребенокъ, обрадовался Викентій этому памятнику, какъ будто бы передъ нимъ былъ не поросшій мхомъ камень, а живой юноша, съ которымъ онъ всего наканунѣ видѣлся на площади Трехъ Крестовъ.

Спустя нѣкоторый срокъ онъ нашелъ вторую надпись, вторую могилу — могилу дѣвушки съ золотыми волосами, волновавшей въ свое время его восемнадцатилѣтнюю кровь.

По датѣ, стоявшей на ветхомъ памятникѣ, она умерла давно, умерла молодой, не перемѣнивъ, въ силу замужества, своей фамиліи.

Почему она не вышла замужъ.

Не потому ли, что ждала его возвращенія изъ ссылки, такъ же вѣря въ воскресеніе Бѣлаго Орла, какъ вѣрилъ онъ въ теченіе шестидесяти лѣтъ.

И эта мысль утѣшала и радовала Викентія — и онъ стоялъ передъ поросшимъ мхомъ камнемъ улыбающійся и помолодѣвшій, какъ будто бы вмѣсто камня видѣлъ прекрасную женскую фигурку съ лицомъ, окаймленнымъ прядями золотистыхъ волосъ.

Онъ сталъ ходить на кладбище ежедневно, совершен-

но забывъ городъ живыхъ и сдѣлавшись постояннымъ обитателемъ древнихъ Повонзокъ.

Только среди могильныхъ холмовъ могли ровно и спокойно бѣжать его мысли, и только здѣсь онъ не чувствовалъ себя одинокимъ и чужимъ; такъ настоящая жизнь, новая и живая, бѣжала мимо него и уже ничѣмъ не ласкала его душу.

. . . .

Если Вамъ удастся быть въ Варшавѣ и заглянуть на Повонзки, гдѣ такое множество чарующихъ произведеній искусства, гдѣ такая поразительная, успокаивающая нервы тишина — постарайтесь не пропустить и замѣтить Викентія Турека, ибо онъ, несомнѣнно, по прежнему бродитъ по дорожкамъ кладбища, подходитъ къ могильнымъ крестамъ и, по старой привычкѣ сторожа-ссыльнаго, постукиваетъ палкою по ихъ основаніямъ.

Иногда, утомленный и пригрѣтый солнцемъ, садится Викентій Турекъ на одну изъ кладбищенскихъ скамеекъ и тихо дремлетъ.

Въ эти минуты мысли стараго повстанца улетаютъ далеко отъ Варшавскихъ Повонзокъ — на противоположный конецъ свѣта, гдѣ осталось другое кладбище съ рядами длинныхъ и бѣлыхъ, лично имъ сдѣланныхъ крестовъ.

— Ты куришь Кван-тай — бормочетъ старикъ во снѣ. — Ты глупъ, пріятель, глупъ какъ гнилое бревно... Я тебя снова побью, дрянной курильщикъ. Посмотри, на что похоже твое лицо и какъ отвисли твои слюнявыя губы... Брось Кван-тай, прошу тебя старикъ... Брось опіумъ, другъ.

И онъ видитъ во снѣ своего стараго друга — единственнаго друга, какого Викентію Туреку уже не пріобрѣсти никогда, нигдѣ...

На чужбинѣ.

Живетъ и движется чужой, огромный городъ.
Съ тоскою на него гляжу я изъ окна...
А тамъ... Тамъ льется кровь, страданье, смерть и
голодъ.
Россія борется безсильна и одна...

И чуждымъ кажется мнѣ шумный этотъ городъ
Вся эта пестрая, блестящая волна
Людей. Имъ далеки и смерти страхъ и холодъ.
И наша бѣдная, усталая страна...

———

САТАНИСТЫ.

Драма въ 6 картинахъ изъ жизни въ Ташкентѣ въ 1918-19 г. г.
По матеріаламъ и при содѣйствіи участницы событій
М. Г. ГРИШИНОЙ написалъ

АЛЕКСАНДРЪ КОТОМКИНЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МАРІЯ ГРИГОРЬЕВНА ГРИШИНА — 29 лѣтъ, жена офицера, предсѣдательница Союза Русскихъ женщинъ.

ГРИША — ея сынъ 10 лѣтъ, кадетъ.

МАРУСЯ ПОЛИВКИНА — 16 лѣтъ, бойкая, кокетливая, жизнерадостная, окончила 4 класса Ташкентской гимназіи.

МАТЬ МАРУСИ ПОЛИВКИНОЙ — 60 лѣтъ, простая малограмотная женщина.

ВѢРА РУДЭ — 22 лѣтъ, жена прапорщика военнаго времени, брошена мужемъ, живетъ у Гришиной, ведетъ хозяйство.

ГЕНЕРАЛЪ ГОРДѢЕВЪ — 50 лѣтъ, сѣдой высокаго роста, энергичный.

ГЕНЕРАЛЪ КОНДОРОВЪ — 55 лѣтъ, средняго роста, коренастый, большіе сѣдые усы, сѣдая голова, бритый, энергичный, твердой воли.

ЛАПШИНЪ
ЗОРИНЪ
ЯКУБОВЪ
НАЗАРЬЯНЦЪ — армянинъ } молодые офицеры.

ЖУКОВСКІЙ — 55 лѣтъ, маленькій, вѣжливо-вкрадчивый, бритый, сѣдой, стриженая голова, усы сѣдые стриженые.

МОТЫЛЕВЪ — священникъ 40 лѣтъ, высокій, худой.

МИХѢЕВЪ — профессоръ.

ЧАГАДАЕВЪ — сынъ грузинскаго князя Чагадаева — 15-ти лѣтній реалистъ въ формѣ.

СОМОВЪ — конторщикъ на фабрикѣ.

ДОРОЖКИНЪ — 40 лѣтъ, маленькій, коренастый, присюсюкивающій, подпрыгивающій; лицо въ угряхъ, тре-

угольникомъ, въ широкомъ пиджакѣ и брюкахъ. Съ портфелемъ, на боку револьверъ, съ челкой на лбу грязножелтаго цвѣта, черезъ жилетку большая золотая цѣпь, на указательномъ пальцѣ кольцо. Бывшій клоунъ цирка Юпатова въ Ташкентѣ, нынѣ комиссаръ по обыскамъ и реквизиціямъ. Агентъ Чрезвычайной комиссіи.

АВЕРКІЕВЪ — 30 лѣтъ, въ пиджакѣ поверхъ косоворотки, съ револьверомъ и портфелемъ, предсѣдатель районной комиссіи по обыскамъ и реквизиціямъ,— агентъ Чрезвычайной комиссіи.

ХАЯ-ЛЕЯ — 24 лѣтъ, маленькая, худая еврейка, стриженная, въ пенснэ, съ револьверомъ, видный членъ партіи коммунистовъ, — жена предсѣдателя Ташкентскаго Исполкома Филькенштейна, слѣдователь Чрезвычайной комиссіи, завѣдующая „Домомъ маленькихъ коммунистовъ".

ТОЛКАЧЕВЪ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ — 26 лѣтъ, коротконогій, съ большой головой, вихрастый, нахмуренный взглядъ исподлобья. Въ лаковыхъ сапогахъ со шпорами въ галифэ и красной шолковой рубахѣ, подпоясанной поясомъ съ кистями сзади до колѣнъ, поверхъ ея разстегнутый френчъ, на одной рукѣ золотой браслетъ, въ ухѣ большая золотая женская серьга, въ рукахъ нагайка, подъ мышкой портфель. Изо всѣхъ кармановъ торчатъ револьверы и бомбы. Бывшій матросъ, — каторжникъ за убійство, освобожденный въ 1917 г. правительствомъ Керенскаго, нынѣ комиссаръ Ташкентской тюрьмы. Всегда пьянъ.

ЕЛИСѢЕВЪ, ПЕТРЪ СТЕПАНОВИЧЪ — 30 лѣтъ, длинный, съ маленькимъ лицомъ изрытымъ оспой, съ копной вьющихся волосъ; въ грязномъ солдатскомъ хаки, въ грязныхъ сапогахъ и фуражкѣ, хриплый голосъ. Бывшій помощникъ машиниста, — теперь предсѣдатель летучей комиссіи разстрѣловъ и первый комендантъ арестованныхъ.

КИРИЛЛОВЪ — 35 лѣтъ, худой, лисьяго вида, въ офицерской формѣ безъ погонъ, бывшій артиллерійскій офицеръ, осужденный за растрату въ арестантскія роты и амнистированный правительствомъ Керенскаго, нынѣ завѣдующій юридическимъ отдѣломъ Чрезвычайной комиссіи.

ѲОМЕНКО — 25 лѣтъ, малороссъ съ большими усами, одѣтъ съ претензіей на щегольство — въ черной тройкѣ и вышитой косовороткѣ, съ золотой цѣпью и кольцами. Бывшій швейцаръ гостинницы „Національ“ въ Ташкентѣ, нынѣ предсѣдатель Чрезвычайной комиссіи (Туркчека).

ѲЕДОРЪ КОЛЕСОВЪ — 22 лѣтъ, одѣтъ спортсменомъ, воображаетъ себя диктаторомъ, кутила и взяточникъ, падкій до женщинъ. Бывшій конторщикъ службы пути 16 участка Ташкентской жел. дороги, нынѣ предсѣдатель Центральн. Исполнительнаго Комитета (Туркцика). Всегда съ секретаремъ.

ЛЕПА — 30 лѣтъ, латышъ, франтоватый, бритый съ закрученными усами. Бывшій маляръ, теперь предсѣдатель Верховнаго Трибунала. Впослѣдствіи за кражу вещественныхъ доказательствъ на судѣ, переведенъ на должность завѣдующаго хозяйствомъ въ общежитіи Турцика.

ЛАНКОРАНСКІЙ — 38 лѣтъ, латышъ, рыжій. Раньше — портной, теперь завѣдующій хозяйствомъ Чека.

ТОБОЛИНЪ — неопредѣленнаго возраста, крещенный еврей, маленькій, чистенькій, съ большими очками — въ смокингѣ, съ цвѣткомъ вь пѣтлицѣ, съ университетскимъ значкомъ, съ женщинами разыгриваетъ джентельмена, ранѣе чиновникъ контрольной палаты, нынѣ Предсѣдатель Совѣта народныхъ комиссаровъ (Турксовнаркома).

БОРОВЕРЪ — 35 лѣтъ еврей, въ пенснэ, ранѣе шапочникъ, нынѣ товарищъ предсѣдателя Чека, хриплый голосъ, говоритъ съ акцентомъ.

ВЕРШИНИНЪ — 22 лѣтъ, бывшій телеграфистъ, съ косымъ проборомъ, видъ дэнди, считаетъ себя, Шерлокомъ Холмсомъ, завѣдуетъ Секретно-оперативной частью Чека и всѣми сыщиками.

СИДОРОВЪ — 23 лѣтъ, студентъ университета юридическаго факультета, нынѣ комиссаръ Юстиціи.

ЛОБОВЪ — сыщикъ Чрезвычайки.

ЯНКЕЛЬ БЕРСУДСКІЙ — 23 лѣтъ, еврей, прапорщикъ времени Керенскаго, бывшій комиссаръ штаба округа, присланный правительствомъ Керенскаго для переорганизаціи штаба. При большевикахъ былъ

назначенъ предсѣдателемъ Чрезвычайной комиссіи, нынѣ членъ ея.

БѢЛОУСОВЪ — 24 лѣтъ, матросъ, хриплый голосъ, свирѣпый видъ, съ револьверомъ на шнуркѣ, сифилитикъ — агентъ Чека, присланный въ Ташкентъ центральной властью Р. С. Ф. С. Р. Его обязанности — избивать арестованныхъ, насиловать и заражать женщинъ.

ФЕДЕРМЕССЕРЪ — 35 лѣтъ, еврей средняго роста, полный, важный, въ военной формѣ. Бывшій слесарь — теперь главнокомандующій Туркестанскимъ военнымъ округомъ.

ГРИКМАНЪ — неопредѣленнаго возраста, еврей, замѣститель Ѳоменко послѣ убійства послѣдняго во время возстанія.

ЯКУБОВА — мать офицера Якубова — 72 лѣтъ, высокая, полная, стриженная, разбитая параличемъ старуха, съ трясущейся головой, еле двигающаюся съ клюкой.

НЕФЕДОВЪ — 45 лѣтъ. Тюремный надзиратель, служившій при Царскомъ Правительствѣ. Теперь усердный помощникъ Толкочева. Испитый, съ лысиной. Въ формѣ надзирателя съ револьверомъ.

ЗЫКИНА — 36 лѣтъ. Надзирательница — жена сапожника.

АКУЛИНА СИДОРОВНА — комиссарша.

ИГАМЪ-ХАДЖИ — 50 лѣтъ, сартъ.

СОСѢДКА.

КИРГИЗЪ.

МАДЬЯРЪ.

РАБОЧІЙ.

КРАСНОАРМЕЕЦЪ.

ЧЕКИСТЫ.

КОНВОЙНЫЕ.

Арестованные, красноармейцы, женщины, мадьяры, китайцы, нѣмцы.

Дѣйствіе происходитъ въ Ташкентѣ въ 1918/19 годахъ.

КАРТИНА I.

Комната въ домѣ сарта. По стѣнамъ и на полу ковры, по серединѣ комнаты скатерть, вокругъ нея одѣяла и подушки. На скатертѣ подносъ съ чашками, кишмышемъ и лепешками. Сартъ — куритъ кальянъ. Пауза. Слышенъ стукъ въ дверь. Сартъ открываетъ дверь.

САРТЪ. Не бойся таксыръ. Моя караулъ кругомъ поставилъ, за версту большевикъ почуетъ. (*Входятъ Кондоровъ, Гордѣевъ, Якубовъ, Михѣевъ, Лапшинъ и Зоринъ*).

ЛАПШИНЪ. Жуковскаго нѣтъ еще. Пора бы.

ЯКУБОВЪ. Интересно съ какими вѣстями онъ пріѣхалъ на этотъ разъ? (*Сартенокъ вноситъ нѣсколько подушекъ. Пришедшіе располагаются вокругъ скатерти. Кондоровъ на двухъ подушкахъ посерединѣ*).

ГОРДѢЕВЪ. Съ чѣмъ бы не пріѣхалъ Жуковскій, а намъ надо что нибудь предпринимать. Мы вотъ съ апрѣля стоимъ на мертвой точкѣ.

ЯКУБОВЪ. Ко мнѣ на дняхъ приходилъ Фрейбергъ и говорилъ о своемъ отрядѣ военноплѣнныхъ, намекалъ, что онъ могъ бы помочь перевороту.

ЛАПШИНЪ. Конечно въ исключительную пользу „Фатерлянда“. Никто не сомнѣвается, что нѣмцы изъ Бреста извлекутъ всѣ возможныя выгоды. Я имѣю достовѣрныя свѣдѣнія, что декретъ Совнаркома о націонализаціи туркестанскаго хлопка имѣетъ цѣлью вывозъ послѣдняго въ Германію. Первой же опорой для осуществленія нѣмецкихъ плановъ являются военноплѣнные, которые организованы во всѣхъ городахъ Туркестана. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и Фрейбергъ — одинъ изъ крупныхъ нѣмецкихъ агентовъ.

ГОРДѢЕВЪ. Да, этотъ человѣкъ — себѣ на умѣ. Я лично не совсѣмъ доволенъ, что ему такое довѣріе оказываетъ организація.

ЛАПШИНЪ. Во первыхъ его ввелъ въ организацію Жуковскій, во вторыхъ его необходимо было обезвредить участіемъ въ нашей организаціи. На всякій случай. Съ этой же цѣлью я предложилъ бы принять также и военнаго комиссара прапорщика Осипова (*всѣ удивлены*). На дняхъ отъ рабочихъ нашихъ мастерскихъ я узналъ, что у Осипова съ главковерхомъ Федермессеромъ вышелъ конфликтъ. Осиповъ не хочетъ дѣлить съ этимъ евреемъ военныхъ лавровъ и ругаетъ его „слесаришкой". Какъ извѣстно Федермессеръ бывшій желѣзнодорожный слесарь. Раздоръ этотъ видимо будетъ углубляться. Я бы рекомендовалъ использовать его.

МИХѢЕВЪ. Какія у Васъ данныя, что Осиповъ хотѣлъ бы войти въ нашу организацію?

ЛАПШИНЪ. Данныя имѣются, и если правленіе мнѣ поручитъ, я берусь подготовить переговоры съ нимъ.

КОНДОРОВЪ. Это мы еще имѣемъ время обсудить. Въ слѣдующее наше собраніе Вы, капитанъ, сдѣлаете подробное сообщеніе. Тогда увидимъ, а сегодня правленіе имѣетъ специальный вопросъ — докладъ Жуковскаго.

ЛАПШИНЪ. Слушаюсь.

КОНДОРОВЪ (*важно и спокойно*). Вы знаете, господа, зачѣмъ мы собрались. Жуковскій долженъ принести условія англичанъ и они опредѣлятъ моментъ выступленія. По мѣстнымъ условіямъ мы должны сдѣлать все, чтобы его ускорить. Среди рабочихъ мы имѣемъ существенную поддержку, но они устали ждать и волнуются. Во всякую минуту возможна провокація или просто измѣна наиболѣе неустойчивыхъ, а ужъ въ такомъ случаѣ спасти положеніе отъ чекистовъ — будетъ невозможно.

ЗОРИНЪ. А я думаю отъ вооруженнаго выступленія надо по возможности воздержаться. Пусть народъ самъ все переживетъ и тогда онъ встанетъ самъ за себя, самъ скажетъ свое слово большевикамъ.

МИХѢЕВЪ. Что Вы, батенька, съ луны свалились?! Неужели до сихъ поръ еще думаете, что словами можно испугать этотъ уголовный интернаціоналъ. Бросьте, наконецъ, Вашъ ителлигентскій лепетъ.

ЗОРИНЪ. Я вѣрю, что какъ самъ народъ сбросилъ царизмъ, такъ онъ справится и съ большевизмомъ, а

наше дѣло — пробуждать сознаніе массъ путемъ пропаганды. Только такимъ оаразомъ мы можемъ побѣдить большевиковъ.

МИХѢЕВЪ. Чудакъ человѣкъ! „Народъ“! Гдѣ онъ, народъ то? Можетъ быть Вы говорите о той толпѣ, что еще вчера лежала на брюхѣ передъ царемъ, а сегодня носится съ красными тряпками и оретъ „Интернаціоналъ“? Нѣтъ, простите, я не согласенъ считать это за народъ. Народъ, сударь мой, безмолвствуетъ во всѣ вѣка.

ЛАПШИНЪ. Охота Вамъ, господа, спорить, Зоринъ, какъ типичный русскій интеллигентъ, все еще грезитъ о „завоеваніяхъ и завѣтахъ мартовской революціи“ (*хлопаетъ Зорина по плечу*). Ничего, братъ мы не завоевали кромѣ Всечека. Ну а что касается завѣтовъ, такъ вотъ вамъ единственный — сбросьте большевиковъ и впредь думайте только о родинѣ.

ЗОРИНЪ. Пусть такъ, но я продолжаю вѣрить въ русскій народъ, несмотря ни на что!

МИХѢЕВЪ. Вѣрьте себѣ на здоровье! Большевикамъ Ваша вѣра не опасна. Она не помѣшаетъ превратить Россію въ пустынное, безкрестное кладбище.

ГОРДѢЕВЪ. Бросьте, господа. И безъ пропаганды всѣ видятъ, что дѣлается вокругъ. Къ чему только большевики не притронутся со своей національизаціей — все гибнетъ. Промышленность зачахла, рабочіе разбѣгаются, орошеніе разрушается, сады и хлопковыя плантаціи пропадаютъ, торговли въ краѣ почти нѣтъ. На глазахъ у всѣхъ богатѣйшій край превращается въ развалины. Да и что можетъ сдѣлать напуганное терроризованное населеніе противъ вооруженныхъ до зубовъ, организованныхъ разбойниковъ? Попробовало мусульманское населеніе Коканда и Бухары протестовать и что же? Старый Кокандъ большевики снесли огнемъ тяжелой артиллеріи, а Бухара испытала такой погромъ, передъ которымъ блѣднѣетъ всякій Мамай. А о расправахъ съ русскимъ населеніемъ уже говорить не стоитъ. Всѣ мы подъ Чрезвычайкой ходимъ. (*Слышенъ стукъ въ дверь. Сартъ отпираетъ. Входитъ Жуковскій*).

ЖУКОВСКІЙ (*тихо и вкрадчиво*). Простите, простите, господа, опоздалъ!? (*здоровается*).Чуть чуть не нарвался на красный обходъ. Большой крюкъ пришлось дать.

МИХѢЕВЪ. Здравствуйте, здравствуйте. Ждемъ Васъ, какія вѣсти, чѣмъ порадуете?

ЖУКОВСКІЙ (*тихо и таинственно*). Вѣсти хорошія. (*оглядывается*) Могу быть совэршенно откровеннымъ?

КОНДОРОВЪ (*спокойно*). Всѣ свои, говорите.

ЖУКОВСКІЙ. Я прямо изъ Мешхеда. Англичане уже тамъ. Я привезъ Вамъ отъ нихъ опредѣленнѣйшія условія.

КОНДОРОВЪ. Ну и что же они предлагаютъ? Если все тоже, что и раньше, то не стоитъ и говорить.

ЖУКОВСКІЙ. Нѣт, нѣтъ, нѣтъ! совсѣмъ не то. Теперь для нихъ самихъ этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ. Чрезвычайно! (*Вынимаетъ карту, разстилаетъ на коврѣ, всѣ его окружаютъ*). Смотрите. Весь Афганистанъ кишитъ сейчасъ нѣмецкими шпіонами... Эмиръ уже нѣсколько разъ объявлялъ мобилизацію. По всему Сейстану звенитъ нѣмецкое золото. Во всякую минуту возможно возстаніе пограничныхъ кочевыхъ племенъ, а за нимъ и выступленіе Персіи въ союзѣ съ Германіей и Турціей. Такимъ образомъ англичане должны направлять свои войска изъ Индіи вдоль границъ Сейстана къ Туркестану вмѣсто того, чтобы посылать ихъ на месопотамскій фронтъ противъ Турціи, гдѣ англійскія силы совсѣмъ таки слабы! Вмѣстѣ съ тѣмъ они опасаются, съ утерей вліянія на Персію и Афганистанъ, подставить подъ удары большевиковъ и нѣмцевъ, самое чувствительиое мѣсто — Индію. Вы понимаете, насколько теперь важна для англичанъ поддержка антибольшевиковъ въ Туркестанѣ. Они предлагаютъ намъ деньги, снаряжежение и артиллерію, а когда мы выгонимъ большевиковъ, то англичане, для закрѣпленія порядка введутъ немножко своихъ войскъ въ Туркестанъ.

КОНДОРОВЪ. Да позвольте, вѣдь это все тѣ-же весеннія условія. (*Среди окружающихъ волненіе, протестующіе голоса: „Это невозможно!“*)

МИХѢЕВЪ. Господа, не горячитесь, выслушайте до конца.

ЖУКОВСКІЙ (*съ жестами протеста*). Да нѣтъ же, нѣтъ! Я не сказалъ еще самого главнаго: управленіе краемъ остается въ русскихъ рукахъ. Во главѣ станетъ извѣстный русскій генералъ, герой міровой войны. Мы ни чѣмъ не рискуемъ, господа. Англичанамъ нужны только спокойствіе и порядокъ въ Туркестанѣ!

ЯКУБОВЪ. Ну я думаю, что кромѣ спокойствія и порядка, англичане не откажутся и отъ нашего хлопка!..

ЖУКОВСКІЙ. Я сказалъ уже, что англичанамъ не до хлопка теперь. Положеніе сейчасъ у нихъ критическое и если мы ихъ сейчасъ не используемъ, то врядъ ли дождемся болѣе благопріятнаго момента. Въ случаѣ нашего согласія на ихъ условія фирма Высоцкаго въ Самаркандѣ будетъ производить отъ ихъ имени для насъ всѣ денежныя операціи. (*Пауза, всѣ молчатъ...*) Съ деньгами и съ англійскимъ оружіемъ успѣхъ обезпеченъ, кромѣ этого изъ Сибири идутъ хорошія вѣсти. По англійскимъ свѣдѣніямъ по всей сибирской магистрали большевики свергнуты чешскими войсками совмѣстно съ русскими добровольческими отрядами и тамъ формируется Сибирская армія! Въ Оренбургѣ вы конечно знаете — Дутовъ съ казаками. Въ Забайкальѣ Атаманъ Семеновъ...

ГОРДѢЕВЪ. Ну на это надѣяться не приходится. — Тысячная даль!

ЖУКОВСКІЙ. Здѣсь я принялъ кое какія экстроординарныя мѣры. В частности имѣлъ разговоръ съ начальникомъ кадра милиціи Рукуйджо. Онъ обезпечиваетъ нейтралитетъ милиціи во время переворота. (*Возгласы удивленія.*) А за участіе кадра проситъ 50.000 рублей. Вотъ все, господа, что я имѣлъ вамъ сообщить. Теперь предоставлю вамъ обдумать отвѣтъ. Въ ближайшіе дни я долженъ возвратиться въ Мешхедъ. (*Пауза.*)

ГОРДѢЕВЪ. Что же долго думать, ясно, что условія англійскаго штаба въ такомъ видѣ нами приняты быть не могутъ. Англичанъ въ хозяева вмѣсто большевиковъ намъ не надо.

ЯКУБОВЪ. Да, аппетиты у джентельменовъ изрядные!

МИХѢЕВЪ. Ну, подумаемъ, обмозгуемъ, господа...

САРТЪ. Мы все это хорошо понимай. Моя говорятъ — пишись большевикъ Моя не хочу писаться большевикъ — моя сартъ. Говоритъ не хочишь писаться большевикъ все отбирай, и жена отбирай. Русска слободка канчать нада!

КОНДОРОВЪ. Да, дѣло слишкомъ серьезно. Я полагалъ бы необходимымъ доложить общему собранію и тогда только рѣшать окончательно. (*Стукъ въ дверь*).

ЯКУБОВЪ. Кто то изъ нашихъ (*идетъ въ двери, открываетъ*) Это, Гришина, моя квартирная хозяйка. Войдите.

ГРИШИНА. (*Торопливо входя*) Простите, господа. Я пришла предупредить васъ. Сейчасъ арестованъ Фрейбергъ. (*Всѣ поражены. Вскакиваютъ съ мѣстъ, голоса: „Что вы говорите?! Не можетъ быть?!“*)

ЛАПШИНЪ. Чертъ возьми, опять продали!

ГРИШИНА. Подробности еще не знаю. Мнѣ только что сказали. Я побѣжала сюда. Вспомнила, что у васъ сегодня собраніе.

ЗОРИНЪ. Ахъ, Боже мой! Боже мой!

КОНДОРОВЪ. Господа, отчаиваться пока еще нѣтъ причны. Мы не знаемъ почему Фрейбергъ арестованъ. Можетъ быть у нихъ тамъ, что нибудь личное. Но осторожность необходима.

САРТЪ. У меня ночуй, таксиры. Моя честный мусульманинъ.

КОНДОРОВЪ. Спасибо, Имамъ хаджи. Мы знаемъ, что ты нашъ другъ... Въ старомъ городѣ, конечно, безопаснѣе. Вы, господа, оставайтесь здѣсь до завтра, а я пойду... предупредить надо остальныхъ.

ЛАПШИНЪ. Вотъ уже совсѣмъ не Вамъ. Арестуютъ — все дѣло пропало.

ГОРДѢЕВЪ. Конечно, Вамъ нельзя показаться въ городъ... Я пойду... давайте адреса.

ЗОРИНЪ. И я пойду, неужели такъ вотъ и схватятъ? Кстати я и адреса наизусть знаю.

ЛАПШИНЪ. Ну, вотъ втроемъ достаточно. Все равно мнѣ надо жену предупредить, а утромъ мы вернемся съ вѣстями, есть ли чего опасаться.

ГРИШИНА. Господа, возможно что ваши квартиры оцѣплены уже чекистами. Тогда возвращайтесь сюда и ждите отъ меня подробностей. Мнѣ, какъ женщинѣ легче узнать.

ЛАПШИНЪ. Ну, Богъ не выдастъ; зачѣмъ впередъ загадывать

ГОРДѢЕВЪ. Идемте, господа.

КОНДОРОВЪ. Завтра ждемъ! Съ Богомъ! Въ добрый часъ!.. (*Гордѣевъ, Лапшинъ, Зоринъ и Гришина уходятъ*).

ЗАНАВѢСЪ.

КАРТИНА II.

Квартира Гришиной. Обстановка средняго интеллигента. Двѣ двери. На стѣнахъ портреты военныхъ и Гришиной. На столѣ стоитъ кипящій самоваръ и чайная посуда. Гришина и Вѣра пьютъ чай.

ГРИША. Вѣра, скорѣй собирай, а то я опоздаю на фабрику. Тамъ ждутъ меня съ хлѣбомъ. Да получила ли ты сегодня махорку?

ВѢРА. (*Укладывая въ корзинку хлѣбъ и нѣсколько пачекъ махорки*) На всѣхъ вотъ только и дали. Съ разсвѣтомъ стала въ очередь. Всѣ бока отмяли, едва выбралась. А хуже всего бабы, такъ въ драку съ каждымъ и лѣзутъ. Въ шляпкѣ лучше и не показывайся. Вмѣстѣ съ волосами сорвутъ.

ГРИШИНА. Въ случаѣ, если безъ меня придутъ Якубова съ Михѣевымъ спрашивать, скажи, что давно уже не живутъ у насъ, а куда выѣхали — неизвѣстно.

ВѢРА. Сегодня, сказывали, будутъ муку и рисъ по домамъ искать.

ГРИШИНА. Надо спрятать.

ВѢРА. Муку я спрятала, а рису всего фунтовъ съ десять. Думаю не надо.

ГРИШИНА. Спрячь, отберутъ и послѣднее. Хлѣба выдаютъ по восьмушкѣ, на ней не проживешь. (*Вбѣгаетъ Маруся Поливкина*).

МАРУСЯ (*весело*). Марья Григорьевна, душечка, здравствуйте! (*цѣлуетъ Гришину*). А что я вамъ скажу! только чуръ секретъ...

ГРИШИНА. Ну какой тамъ еще секретъ, говори.

МАРУСЯ. А никому не скажите? Честное слово?

ГРИШИНА. Какъ можно, коли секретъ (*Маруся шепчетъ на ухо Гришиной*). Что ты болтаешь... Осиповъ... Военный комиссаръ?

МАРУСЯ. Ну да... Мы вчера съ нимъ гуляли, онъ и сказалъ, что безумно, безумно меня любитъ, и сказалъ, что сдѣлаетъ мнѣ предложеніе. Будетъ на автомобилѣ катать!.. (*Кружится, распустивъ юбку колоколомъ*).

ГРИШИНА (*улыбаясь*). Какая ты невѣста. Тебя еще за уши драть надо. (*Беретъ корзинку и хочетъ итти*).

МАРУСЯ. Что вы, что вы! Мнѣ уже 16 лѣтъ. За мной всѣ ухаживаютъ. (*Поетъ приплясывая*).

Ночка темна, я боюся.
Проводи меня, Маруся!
Провожала, жалко стало,
Проводила — все забыла!

(*За сценой шумъ и голоса*).

ГРИШИНА (*испуганно*). Къ немъ идутъ. Маруся, уходи скорѣе. (*Маруся убѣгаетъ въ боковую дверь, потомъ выглядываетъ*).

МАРУСЯ. Отъ мамы поклонъ... (*Скрывается. Входитъ Аверкіевъ, сопровождаемый красноармейцемъ и рабочимъ. Всѣ съ винтовками и револьверами за поясами.*)

АВЕРКІЕВЪ (*оглядывая комнату*). Гнѣздо контр-революціи! И краля тутъ себя повѣсила... Ахъ ты шлюха офицерская... Пощупаемъ сейчасъ тебя... Ну, что стоишь? Открывай сейчасъ сундукъ!

ГРИШИНА. Господа, что вамъ надо и кто вы такіе?

АВЕРКІЕВЪ. Господамъ пулю въ лобъ пущаютъ.. Привыкла съ господами то возжаться... Товарщи пришли... (*указывая на себя пальцемъ; важно*). Предсѣдатель районной комиссіи по обыскамъ и реквизиціямъ! (*ставитъ винтовку на полъ*). Открывай, говорятъ, а то прикладомъ получишь.

ГРИШИНА (*открываетъ сундукъ*). Вамъ все вынимать изъ сундука?

АВЕРКІЕВЪ (*отталкивая Гришину*). Вались отсюда... Сами можемъ!.. (*вытаскиваетъ бѣлье, фотографическій аппаратъ, дѣтское пальто, женскія юбки и т. п. растягиваетъ на свѣтъ, лучшее откладываетъ, а похуже — бросаетъ въ сторону*).

ГРИШИНА. Послушайте, товарищъ, Вы ищете съѣстное, а это мои юбки . . .

АВЕРКІЕВЪ. Молчи стерва! Нафорсилась! теперь моя жена носить будетъ (*вынимаетъ кусокъ черного шелку*).

ГРИШИНА. Вы берете у меня послѣднее. Я вамъ этого не дамъ (*Хватаетъ шелкъ*).

АВЕРКІЕВЪ. А, ты противъ насъ! Ты контр-ре-волю-ціонерка. Мы у тебя нашли ма-те-ріалъ!

ГРИШИНА (*раздраженно потрясая выброшеннымъ*). Въ этомъ вы нашли контр-революцію?!...

ВѢРА (*тихо Гришиной*). Не перечьте имъ, хуже будетъ. (*Гришина бросаетъ вещи, отходитъ и садится на диванъ*).

АВЕРКІЕВЪ. Такъ то лучше будетъ. Молчи и не препятствуй! (*Роется въ сундукѣ, потомъ встаетъ и начинаетъ открывать шкафы и столы, выбрасывая оттуда всякую домашнюю рухлядь*) Куда ты офицерскую банду спрятала?

ГРИШИНА. Не прятала никого.

АВЕРКІЕВЪ (*идетъ въ другую комнату*). А вотъ мы сами посмотримъ! (*красноармейцу*) Товарищъ! (*красноармеецъ идетъ за нимъ, оба уходятъ въ другую комнату. Оттуда слышатся ругательства и стукъ падающихъ предметовъ*).

ГРИШИНА. Что вы дѣлаете? Никого у меня нѣтъ!

АВЕРКІЕВЪ (*выходя, держитъ въ одной рукѣ офицерскіе брюки, въ другой шпору, торжествующе*) А это что?!

ГРИШИИА. Это моего покойнаго мужа.

АВЕРКІЕВЪ (*машетъ шпорою передъ лицомъ Гришиной*). Не вертись! все равно отвѣчать будешь!.. (*красноармейцу и рабочему, указывая на стѣны*). Ну-ка, товарищи, попробуй, нѣтъ ли тамъ оружія? (*красноармеецъ и рабочій протыкаютъ штыками стѣны и ковры*) А я ка пощупаю кишки у этой барской забавы! (*ударяетъ штыкомъ въ подушку дивана рядомъ съ сидящей Гришиной, слышится металлическій звукъ*) Ага!.. тутъ что-то звенитъ... Поверни ка, товарищи! (*отталкиваетъ Гришину прикладомъ*) Ну ты, шмара, уходи! (*Красноармеецъ и рабчій перевертываютъ диванъ*).

КРАСНОАРМЕЕЦЪ (*равнодушно*). Ничаво нѣту.

АВЕРКІЕВЪ Попрятала... вонъ сколько ихъ тутъ!

(*указывая на портреты*) Бѣлогвардейская банда!.. Къ стѣнкѣ васъ... (*подойдя къ портрету стараго генерала*) Ахъ ты морда твоя буржуйская! Мало бы тебя къ стѣнкѣ. Повѣсить тебя за ноги и крутить... и крутить, пока не околѣешь. (*разбиваетъ прикладомъ стекло у портрета*).

ГРИШИНА (*въ негодованіи*). Какъ вы смѣете отца старика оскорблять?! (*подбираетъ осколки*).

АВЕРКІЕВЪ (*беретъ со стола письменный серебрянный приборъ и разсматриваетъ*). Ишь, народнымъ добромъ пользуется! (*кладетъ въ карманъ*). Это не ваше, а наше... народное... (*хватаетъ съ краснаго угла старинный образъ Спасителя.*) А это что еще? долой поповскія выдумки! (*хочетъ выбросить въ окно*).

ГРИШИНА (*бросаясь къ нему*) Хамъ! безбожникъ! (*вырываетъ образъ и ставитъ обратно*).

АВЕРКІЕВЪ (*свирѣпѣя*). А, такъ ты народной власти не признаешь? Къ стѣнкѣ стерва!.. (*выхватываетъ револьверъ*).

ГРИШИНА (*кричитъ*). Гриша! Гриша! (*Вбѣгаетъ Гриша, за нимъ идетъ Дорожкинъ*).

ГРИША. Мама, а я клоуна привелъ!

ДОРОЖКИНЪ (*Аверкіеву*). Те, те, те! Аника - воинъ! Остановись!

АВЕРКІЕВЪ (*опуская револьверъ*). Товарищъ Предсѣдатель... Она реквизиціи препятствуетъ...

ГРИША (*Дорожкину*). Помните, вы въ циркѣ поѣздъ представляли, а я вамъ цвѣты подарилъ. Мы съ мамой...

ДОРОЖКИНЪ (*расшаркиваясь передъ Гришиной*). Же ву при, мадамъ... Цвѣты вашего восторга вѣчно цвѣтутъ въ сердцѣ артиста! (*прижимаетъ руку къ груди. Аверкіеву*) Товарищъ... Позвольте вамъ выйти вонъ.

АВЕРКІЕВЪ. Она контръ-революціонерка. (*Хватая со стола дѣтскій кинжалъ*). И вотъ оружіе. По декрету за это самое — смерть на мѣстѣ!

ГРИША. Отдай... Это мой кинжальчикъ. Мнѣ папа съ Кавказскаго фронта прислалъ.

АВЕРКІЕВЪ. Товарищъ камиссаръ, ее полагается въ Чека отвести!

ГРИШИНА. За что?.. Меня же оскорбили, да еще въ Чрезвычайку?

ДОРОЖКИНЪ (*потирая руки*). Такъ-съ ловко... бы-

строта и натискъ . . . Шахъ и матъ королю (*Гришиной*). Пардонъ, мадамъ, но вамъ придется пройтится на Аулі-эатинскую 5.

ГРИШИНА (*садится*). Не пойду, никуда не пойду я съ вами.

АВЕРКІЕВЪ. Заставимъ ! . . (*собираетъ вещи и передаетъ красноармейцу и рабочему*).

ДОРОЖКИНЪ. Вы сейчасъ же возвратитесь, королева. Даю вамъ слово, честное, благородное слово свободнаго артиста, а принцъ здѣсь останется . . . вотъ съ этой церберой (*указывая на Вѣру, та отварачивается*).

АВЕРКІЕВЪ (*нагруженный вещами*). Нечего тутъ . . . пошла !

ГРИШИНА. И вещи мои въ Чрезвычайку ?

ДОРОЖКИНЪ. Суровый законъ необходимости ! Реквизиція на предметъ ликвидаціи хлѣбнаго голода ! . . (*хохочетъ.*)

ГРИШИНА. Грабежъ ! . . среди бѣла дня грабятъ !

АВЕРКІЕВЪ. Не ори ! . . Не испугались. А ты гдѣ взяла ? Не твое беремъ . . . народное . . . Сказано : грабь награбленное . . .

ГРИШИНА (*махнувъ рукой, Вѣрѣ*). Посмотри за Гришей (*Гришѣ*). Я скоро вернусь, сынокъ. Ты далеко не бѣгай ! (*Цѣлуетъ сына, креститъ и идетъ къ двери*).

АВЕРКІЕВЪ (*нагруженный вещами, красноармеецъ и рабочій идутъ за ней*).

ДОРОЖКИНЪ (*Задерживается въ дверяхъ и дѣлаетъ сальтомортале*). Хорошая птичка ! (*уходитъ*).

ЗАНАВѢСЪ.

КАРТИНА III.

Одна изъ комнатъ Чрезвычайной комиссіи въ Ташкентѣ. По серединѣ столъ и стулья. Сзади стола во всю стѣну красный плакатъ съ надписью: „Чрезвычайная Комиссія“ и „Смерть врагамъ пролетаріата“, съ изображеніемъ серпа и молота, скрещенныхъ и окруженныхъ буквами Р. С. Ф. С. Р. По стѣнамъ портреты Карла Маркса, Ленина и Троцкаго, и надпись „Бей поповъ, кулаковъ и буржуевъ“ съ карикатурными изображеніями царя, купца и священника. На переднемъ планѣ Ѳоменко, Кириловъ, Елисѣевъ, Федоръ Колесовъ, Бороверъ, Тоболинъ, Хая Лея и Лобовъ, чекисты, красноармейцы и мадьяры. Всѣ вооружены винтовками, револьверами, бомбами. Арестованные — около 30 человѣкъ, среди нихъ 4 женщины.

ЕЛИСѢЕВЪ (*чекистамъ*). Отвести эту буржуазную сволочь въ подвалъ! Тамъ допросимъ! (*Распоряжается, чекисты постепенно выводятъ арестованныхъ. Остаются женщины*).

ХАЯ ЛЕЯ (*куритъ, женщинамъ*). Вы нарушили декретъ о запрещеніи частной торговли. Вы спекулянтки! (*Входитъ Дорожкинъ и Гришина*).

ДОРОЖКИНЪ. Вотъ-съ вашему вниманію сія прекраснѣйшая особа (*Гришиной съ реверансомъ*:) Мамзель!.. пардонъ, мадамъ, же ву при! Не стѣсняйтесь будьте, какъ дома. (*Отходитъ къ женщинамъ и любезничаетъ*).

КИРИЛОВЪ. Наконецъ то! Мы давно ужъ въ виду имѣли.

ХАЯ ЛЕЯ (*близоруко смотритъ на Гришину*). Пожалуйте, пожалуйте сюда. (*Гришина подходитъ*). Покажите руки! ладони, ладони! (*записываетъ*). Бѣлоручка, классъ нетрудящихся. (*Гришиной*) Принадлежность къ партіи?

ГРИШИНА. Я ни къ какой партіи не принадлежу.

ХАЯ ЛЕЯ (*записываетъ*). Саботажъ влати. (*Гришиной*) Гдѣ вы обучались?

ГРИШИНА. Во Владимірской губернской гимназіи.

ХАЯ ЛЕЯ (*записываетъ*). Буржуазная школа царско-поповскаго режима. (*Гришиной*). Семейное положеніе?

ГРИШИНА. Вдова, сынъ десяти лѣтъ.

ХАЯ ЛЕЯ. Какъ? Вашъ сынъ при васъ? Почему вы не отдали его въ домъ маленькихъ коммунаровъ?

ГРИШИНА. Зачѣмъ? Онъ мой собственный сынъ, не подкидышъ.

ХАЯ ЛЕЯ (*записываетъ*). Пропитана буржуазными предразсудками. (*Гришиной*). Развѣ вы не знаете, что всѣ дѣти гражданъ Р. С. Ф. С. Р. должны получить коммунистическое воспитаніе? Я — предсѣдательница „Дома маленькихъ коммунаровъ" и сегодня же пошлю красноармейцевъ за вашимъ сыномъ.

ГРИШИНА. Но я вовсе не желаю! Онъ мой и при мнѣ долженъ быть.

ХАЯ ЛЕЯ. Ну, объ этомъ васъ не спросятъ. Дѣти принадлежатъ республикѣ. Мы, коммунисты, должны сдѣлать изъ дѣтей авангардъ міровой пролетарской революціи. Въ дѣтяхъ—будущее пролетаріата! Вообще, вопросъ, о дѣтяхъ туебуетъ коренной реформы. На дняхъ вношу проэктъ въ Центральный Совнаркомъ по этому вопросу. Чтобы не было больше буржуазнаго поколѣнія я предлагаю скрестить всю интеллигенцію съ трудовымъ народомъ. Для этого надо націонализировать всѣхъ буржуазныхъ женщинъ и распредѣлить среди пролетаріата!

ФЕДОРЪ КОЛЕСОВЪ (*сидитъ въ позѣ диктатора*) Гм!.. не дурно. Секретарь, (*манитъ пальцемъ стоящаго съ портфелемъ у окна молодого человѣка*). Запиши.

ХАЯ ЛЕЯ (*продолжаетъ*). Ну, детали... напримѣръ, за каждую такую женщину надо вносить въ банкъ нѣкоторую сумму — пять, десять тыясячъ, смотря по возрасту. Деньги пойдутъ въ пользу домовъ „Маленькихъ коммунаровъ", гдѣ всѣ дѣти и должны жить. Тамъ они будутъ находиться подъ благотворнымъ вліяніемъ коммунистическихъ воспитателей и уже съ пеленокъ впитаютъ коммунистическія идеи. Только такимъ образомъ мы можемъ уберечь молодое поколѣніе отъ прививки ему

буржуазныхъ предразсудковъ и бѣлогвардейскихъ инстинктовъ!

ГРИЩИНА. Боже мой, что вы говорите?!...

ХАЯ ЛЕЯ. Впрочем, что я вамъ разсказываю. Вашему буржуазному понятію это недоступно. А за сыномъ я пришлю.

ЕЛИСѢЕВЪ. Я беру ея сына къ себѣ въ денщики— заложникомъ...

ХАЯ ЛЕЯ (*Гришиной*). Кто былъ вашъ мужъ?

ГРИЩИНА. Ротмистръ. Погибъ на Кавказскомъ фронтѣ.

ХАЯ ЛЕЯ (*насмѣшливо*). За вѣру, Царя и Отечество... (*Собираетъ бумаги въ портфель*)... Я вижу, что ваше дѣло относится къ контръ-революціи. Товарищи продолжайте (*смотритъ на часы на рукѣ*), а мнѣ нужно спѣшить сейчасъ. (*Одѣваетъ фуражку, поправляетъ стриженные волосы, беретъ портфель подъ мышку, прикуриваетъ у одного изъ комиссаровъ и уходитъ*).

ѲОМЕНКО (*важно и строго*). Гражданка Гришина! За вами много преступленій. Вы покровительствуете офицерамъ. Вы знали о шайкѣ бандитовъ, которые хотѣли продать Туркестанъ англійскимъ имперіалистамъ... Вы насъ не поставили въ извѣстность. Кто не съ нами, тотъ, противъ насъ. (*Смотритъ на нее выразительно*).

ДОРОЖКИНЪ (*передъ женщинами*). Мамзель... не знаю!.. Мадамъ, пардонъ не брезгайте нами. Одна безешка и вы свободны...

КОЛЕСОВЪ (*въ позѣ диктатора*). Что же вы молчите? Бѣлогвардейская организація продана намъ за два милліона. Часть бандитовъ арестована, остальные попрятались. Сознайтесь, куда вы укрыли Якубова и Михѣева, которые жили у васъ?

ГРИЩИНА. Простите, товарищъ Колесовъ, но я удивляюсь, почему вы о нихъ спрашиваете. Они у васъ сидѣли арестованными и вы сами ихъ выпустили.

ѲОМЕНКО. Васъ объ этомъ не спрашиваютъ!

ГРИЩИНА. Объ этомъ самомъ. Товарищъ Колесовъ забылъ, вѣроятно, что за головы Якубова и Михѣева было уплачено 10.000 романовскихъ и кромѣ того кольцо съ брильянтомъ, часы золотые и ведро серебрянное съ кубками.

КОЛЕСОВЪ (*поднимая руку*). Вотъ оно ваше кольцо... Что же изъ этого слѣдуетъ?... (*смѣется*).

ТОБОЛИНЪ. Сударыня! Ваши деньги пойдутъ на великое дѣло: на нужды мiровой пролетарской революцiи.

КОЛЕСОВЪ (*Къ комиссарамъ съ усмѣшкой*). Какъ будемъ дѣлить? (*Всѣ начинаютъ тихо разговаривать между собой, кивая на женщинъ, смѣются... Потомъ Колесовъ, Лобовъ и Тоболинъ подходятъ къ женщинамъ*).

ДОРОЖКИНЪ (*расшаркиваясь передъ женщинами*). Жевупри. Пожалуйте на часочекъ.

ОДНА ИЗЪ ЖЕНЩИНЪ. Куда?

ДОРОЖКИНЪ. Хе-хе-хе, дурашка. Похищенiе сабиняночекъ. Понимаешь?

ЖЕНЩИНА. А бить не будете?

ѲОМЕНКО. Нечего съ ними тутъ долго! Комиссiю задерживаете. (*Колесовъ, Лобовъ, Тоболинъ и Дорожкинъ идутъ съ женщинами къ выходу*).

ДОРОЖКИНЪ (*подставляя руку одной изъ женщинъ, помахивая шляпой и подергивая плечами, поетъ*).

Шли дѣвицы въ лѣсъ гулять, въ лѣсъ гулять да...
Шли онѣ лѣсочкомъ, да лѣсочкомъ...

(*уходятъ, за ними секретарь Колесова*).

ѲОМЕНКО (*Гришиной*). Намъ извѣстно, что вы укрывали офицеровъ. Сознайтесь и мы выпустимъ васъ. (*Встаетъ и подходитъ къ Гришиной*) Канашка! Я цѣловать умѣю не хуже офицерскаго! Такъ и готовъ изсосать, загрызть. (*хочетъ обнять Гришину*).

ГРИШИНА (*отталкивая его*). Уйдите!

КИРИЛЛОВЪ. Гришина, если хотите быть свободной — живите съ однимъ изъ насъ. Подумайте и соглашайтесь.

ГРИШИНА. Такъ меня для этого привели сюда!

БОРОВЕРЪ. Не хорохорьтесь! Возьмемъ въ затылокъ, потомъ сартамъ отдадимъ.

ГРИШИНА. Васъ много, а я одна и безоружна. Но все равно — только троньте меня — хоть одному изъ васъ, да горло перегрызу! (*входитъ матросъ Бѣлоусовъ*)

БѢЛОУСОВЪ (*Кириллову*). Товарищъ комиссаръ, что съ Зоринымъ дѣлать?

КИРИЛЛОВЪ (*комиссарамъ*). Мнѣ надо допросить Зорина. (*Уходитъ съ Бѣлоусовымъ. За сценой голосъ Кириллова: „Сознавайся! Андрей дай ему“. Удары и стоны*).

БОРОВЕРЪ (*указывая за сцену*). Не согласитесь и вы попробуете. А то нарочно матроса Бѣлоусова на васъ приведемъ. Куда и красота дѣвается, какъ носъ - то провалится. (*хохочетъ*)

ЕЛИСѢЕВЪ. Говори, — согласна или нѣтъ? (*хриплымъ голосомъ — въ упоръ направляетъ револьверъ на Гришину*).

ѲОМЕНКО (*отведя руку Елисѣева*). Довольно. Волею народа ты присуждена къ разстрѣлу.

БОРОВЕРЪ (*указывая на красное знамя, важно*). Читай. Смерть врагамъ пролетаріата! Ты — нашъ врагъ.

ѲОМЕНКО (*кричитъ*). Конвой! (*входитъ красноармеецъ — киргизъ*) Смотри, чтобы никуда не дѣвалась. Черезъ часъ разстрѣляемъ. (*Ѳоменко, Елисѣевъ, Бороверъ уходятъ. За стѣной слышны стоны и голосъ Кириллова. Гришина садится въ изнеможеніи*).

КИРГИЗЪ. Ты не бойся. Это у насъ кажинаго дня. Спать не могимъ. Бьють и бьють. Говорятъ за контры. Двухъ бабъ намъ отдали на ночу. Намъ, что? Русска баба якши. Насъ конвойныхъ мало, все больше нѣмцы. Мы то что? Одинъ баба возьмемъ, а тѣ пять, шесть. А тебѣ што? Поспи, а потомъ убѣгешь. Все равно возьмутъ, въ подвалъ посадятъ, бить будутъ.... (*входитъ Ѳоменко*).

ѲОМЕНКО (*конвойному*). Иди, потомъ позову (*конвойный уходитъ. Гришиной*) Давно за вами слѣдимъ. Знаемъ, что скрывали отъ разстрѣла бѣлогвардейскую банду. (*мѣняетъ тонъ*) Не плохо вамъ со мной будетъ. Полюбилъ я васъ и до сихъ поръ берегъ отъ разстрѣла... Все будетъ для васъ — деньги и автомобили. (*Высыпаетъ на столъ золотыя монеты*) Вотъ видите? Берите сколько хотите.

ГРИШИНА. Ничего мнѣ отъ васъ не надо!

ѲОМЕНКО. Все равно, не я, такъ другіе возьмутъ... Я васъ никому въ обиду не дамъ! Сейчасъ я велю автомобиль подать и вы поѣзжайте за сыномъ и будете все время вмѣстѣ. (*кричитъ*) Дежурный! (*Входитъ — мадьяръ*).

ѲОМЕНКО. Подать автомобиль съ конвоемъ и сказать товарищу Елисѣеву, что онъ поѣдетъ съ Гришиной и сыномъ.

МАДЬЯРЪ. Слюшаю. (*уходитъ*).

ѲОМЕНКО. Вы видите, что я не злой. Подумайте и соглашайтесь. Идемте, я васъ провожу. *(Уходятъ, слышенъ звукъ мотора. Пауза).*

ѲОМЕНКО (*входитъ*). Никому не дамъ. Или моя или ничья. (*Подходитъ къ другой двери*) Гдѣ Кирилловъ?

ГОЛОСЪ ЗА СЦЕНОЙ. Только что вышелъ, скоро вернется.

ѲОМЕНКО. Зоринъ сознался?

ГОЛОСЪ. Никакъ нѣтъ. Ничего не беретъ, только посинѣлъ весь, должно издыхаетъ...

ѲОМЕНКО. Намъ онъ еще нуженъ, позвать фельдшера. (*Садится къ столу и записываетъ что то въ карманную книжку. Потомъ подходитъ къ окну и, заложивъ руки въ карманы насвистываетъ „Интернаціоналъ"*).

...Пауза.

(Слышенъ звукъ мотора. Входитъ Гришина съ сыномъ въ сопровожденіи конвоя).

ѲОМЕНКО (*подойдя къ Гришиной хватаешъ ее за руку).* Ну что же? Послѣднее слово?

ГРИШИНА. И послѣднее слово — на это не согласна...

ѲОМЕНКО (*раздраженно*). Въ такомъ случаѣ вы должны поступить къ намъ на службу, иначе вы будете разстрѣляны.., (*красноармейцу*) Послѣди за ними. (*Уходитъ.*)

ГРИШИНА (*сыну тихо и быстро*). Гриша, меня сейчасъ отведутъ въ подвалъ. Чтобы тебя не спрашивали, говори нѣтъ или не знаю. Если скажутъ, что меня убьютъ, не вѣрь.

ГРИША (*плачетъ*). Мама, тебя возьмутъ, а я то какъ же?

ГРИШИНА (*торопливо цѣлуетъ сына*). Не бойся и не плачь.... Я скоро вернусь....

(*Ѳоменко и Кирилловъ входятъ*).

ѲОМЕНКО. Гришина, не время объятій, пожалуйте въ одиночку.

ГРИША (*бѣжитъ за матерью*). Мама! (*Мать торопливо креститъ его и уходитъ за Кирилловымъ*).

ѲОМЕНКО (*садится къ столу и крутитъ папиросу*). Ну, мальчикъ, какъ тебя звать?

ГРИША. Молчитъ и вытираетъ кулаками слезы. (*Входитъ Кирилловъ*)

КИРИЛЛОВЪ. Мы сейчасъ допросимъ ея сына и заведемъ дѣло о контръ-революціи. Мальчикъ, пойди сюда. Скажи, у мамы много бывало офицеровъ и ученыхъ?

ГРИША. Нѣтъ.

КИРИЛЛОВЪ. А я знаю, что да. (*Показывая ему револьверъ.*) Я подарю тебѣ этотъ револьверъ, ты скажешь?

ГРИША. Нѣтъ.

КИРИЛЛОВЪ. А если я пущу къ тебѣ твою маму, ты скажешь?

ГРИША. Нѣтъ.

КИРИЛЛОВЪ. Если ты не скажешь да, мы разстрѣляемъ твою мать сейчасъ же. (*Гриша молчитъ*).

КИРИЛЛОВЪ. Скажи одно: куда на дняхъ мать отправила офицеровъ Якубова, Лапшина и другихъ?

ГРИША. Мама не отправляла.

ѲОМЕНКО. Оставь! Ты видишь, что его научила. (*Гришѣ*) Ты гдѣ учился?

ГРИША (*съ достоинствомъ*). Въ Ташкентскомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича кадетскомъ корпусѣ.

КИРИЛЛОВЪ. Убирайся, щенокъ? Твоя мать отвѣтитъ за все. И за себя и за то, что не хотѣлъ говорить правду.

ѲОМЕНКО (*конвойному*). Прогони мальчишку изъ Чрезвычайки. (*Уходятъ съ Кирилловымъ*)

ГРИША. Гдѣ мама, куда я пойду? (*плачетъ*)

КОНВОЙНЫЙ. Эхъ мальченка! Жрать то къ намъ ужо приходи. Переночуй гдѣ не то. (*За стѣной слышны стоны и ругательства Бѣлоусова*).

ГРИША. А маму бить не будутъ?

КОНВОЙНЫЙ. Авось сегодня то не будутъ, работы

и съ мужиками много. Иди, иди! (*Подталкиваетъ Гришу къ выходу*). Жрать то приходи. (*Опять крики и стоны за стѣной*).

ГРИША. (*Оборачиваясь, въ дверяхъ*). Мама

З А Н А В Ѣ С Ъ.

КАРТИНА 4-я.

Тюрьма. Сцена раздѣлена перегородкой и представляетъ конецъ корридора и внутренность одной изъ камеръ. Прямо передъ зрителями двери въ другія камеры. Направо входная дверь, около нея скамья и маленькій столъ. Нефедовъ и Зыкина.

ЗЫКИНА. О, Господи, и отдохнуть не дали. Всего только два дня тюрьма пустая была, разбѣжались было, а теперь опять началось... Кабы не изъ-за-куска хлѣба, ногой-бы сюда не ступила.

НЕФЕДОВЪ (*равнодушно*). Ничего. Служили при царѣ, а теперь и царя растрѣляли-бы.

ЗЫКИНА. И что й то народъ съума сошелъ. Другъ за другомъ, какъ за звѣремъ гоняются, только и работы. Вотъ бунтъ устроили, сколько пострѣляли, а теперь ихъ стрѣляютъ. Главный-же зачинщикъ, Осиповъ, убѣгъ...

НЕФЕДОВЪ. Ничего. Такъ имъ и надо—не бунтуй.

(*Входятъ два красноармейца и два арестованныхъ*).

КРАСНОАРМЕЕЦЪ. Принимай бѣлогвардейскую сволочь.

НЕФЕДОВЪ (*гремя ключами открываетъ камеру*). Иди, али ноги прилипли? (*Толкаетъ арестованнаго замкомъ).*

КРАСНОАРМЕЕЦЪ. Не надолго, скоро въ расходъ выведутъ. За два дня, почитай, три тысячи ихъ къ стѣнкѣ поставили. А этихъ еще допрашивать будутъ.

(За сценой шумъ. Красноармейцы вводятъ Марусю Поливкину).

КРАСНОАРМЕЕЦЪ (*пьяный*). Товарищъ! Принимай

шкуру. Это говорятъ Осипова невѣста. (*Выталкиваетъ Марусю на середину*).

МАРУСЯ (*всхлипывая*). Какая я невѣста? У него жена есть.

КРАСНОАРМЕЕЦЪ. Молчать! Много васъ бѣлогвардескихъ шкуръ наберемъ и позабавимся!

ЗЫКИНА (*уводитъ Марусю въ камеру и запираетъ*). А вамъ, товарищи, здѣсь дѣлать больше нечего, теперь арестованные у насъ...

КРАСНОАРМЕЕЦЪ (*огрызаясь*). Чего? Сами знаемъ. А ты съ коммунистами полегче! Потому мы—все могимъ! (*уходятъ*).

(*Входятъ еще нѣсколько арестованныхъ, среди нихъ Гришина въ одеждѣ сартянки. Надзиратель разводитъ ихъ по камерамъ. Зыкина поспѣшно вводитъ Гришину въ № 3.*

Гришина въ изнеможеніи садится на полъ).

ЗЫКИНА (*наклоняясь къ Гришиной шепчетъ*). Что надо спрятать—давай, передамъ сынишкѣ. (*оглядываясь*). Только, чтобъ не видѣлъ никто, что я тебя жалѣю.

ГРИШИНА (*очнувшись*). Это ты, Женя? Опять тюрьма... Гдѣ Гриша?

ЗЫКИНА. А гдѣ ты была эти дни?

ГРИШИНА. Когда насъ Осиповъ выпустилъ отсюда, я пришла домой, гляжу, а тамъ Лобовъ, главный сыщикъ Чрезвычайки съ Вѣрой, что у меня жила, расположились, какъ у себя дома, и вещи мои раздѣлили.

Увидѣвъ меня, онъ скрылся, а когда возстаніе подавили, онъ снова явился.

НЕФЕДОВЪ (*подходя къ двери камеры—Зыкиной*). Посмотри тутъ, до двора выйду. (*Уходитъ*).

ГРИШИНА (*продолжаетъ*). Я убѣжала въ кишлакъ, да тамъ десять дней у сартовъ и скрывалась.

ЗЫКИНА. О, Господи, и не поймешь за что людей мучаютъ? Такъ что потомъ?

ГРИШИНА. Денегъ у меня не было, пришлось послать Гришутку въ городъ къ знакомымъ. Тамъ его поймалъ Кирилловъ и отвелъ въ Чека, ждали, что я приду его искать. Да Гриша хоть маленькій, да все-таки кадетъ—вылѣзъ изъ окна и прибѣжалъ ночью ко мнѣ...

ЗЫКИНА. Ну, благодари Бога, что убѣжалъ, а то надняхъ ночью привели сюда подростковъ двадцать шесть

человѣкъ. Слѣдомъ Толкачевъ пріѣхалъ. Даже не выводили, такъ всѣхъ въ камерахъ и прикончили (*оглядываясь*).

Сына то Яковлева Николая 15 лѣтъ съ ними разстрѣляли, а на утро мать за нимъ пришла... Вѣдь мужа-то у ней тоже о ту пору разстрѣляли...

Ну что дальше-то?

ГРИШИНА. Гришутка заболѣлъ, мнѣ самой въ городъ идти пришлось. Сарты дали вотъ эту одежду, чтобы не узнали. А въ городѣ, какъ на грѣхъ, Вѣра встрѣтилась, узнала меня и начала кричать, чтобы меня арестовали. Ахъ! гдѣ-же правда? Гдѣ люди? (*Шумъ, входитъ Федермессеръ съ карауломъ въ сопровожденіи адъютанта*).

ЗЫКИНА (*торопливо выбѣгаетъ изъ камеры*). Обходъ!

НЕФЕДОВЪ (*отпираетъ камеры*).

ФЕДЕРМЕССЕРЪ (*важно*). Кто въ этой? (*проходитъ*).

НЕФЕДОВЪ. Въ обоихъ за контры, Ваше Превосходительство.

ФЕДЕРМЕССЕРЪ. Ага! (*закрываетъ носъ платкомъ*). Почему здѣсь такой неприличный воздухъ?

НЕФЕДОВЪ. Да чего съ ними подѣлаешь, Ваше Превосходительство. Извѣстно, выпущать до двора не приказано, а посудины текуть.

ФЕДЕРМЕССЕРЪ (*идетъ дальше*).

НЕФЕДОВЪ (*забѣгая впередъ*). Евгенія, отопри.

ЗЫКИНА (*отпираетъ камеру Поливкиной*).

ФЕДЕРМЕССЕРЪ (*заглядывая въ камеру*). Здѣсь кто?

НЕФЕДОВЪ. Такъ, нестоющая дѣвченка, Ваше Превосходительство. (*указывая на камеру Гришиной*).

ФЕДЕРМЕССЕРЪ (*дѣлаетъ знакъ не открывать—важно проходитъ мимо камеръ къ выходу, сопровождаемый Нефедовымъ, адъютантомъ и карауломъ*).

ЗЫКИНА (*Гришиной, шопотомъ, оглядываясь*). Это добрый пріѣзжалъ, этотъ новый.

ГРИШИНА. Оставь меня Женя. Устала я, тяжело мнѣ, гадко все.

ЗЫКИНА (*идетъ къ двери*). Ну пойду, пойду. (*возвращается*). Недавно поручика Березина привели сюда съ женой. Такъ его Толкачевъ прикончилъ, а ее съ собой увезъ. Такъ она за жену теперь у Елисѣева. (*отходитъ*)

Въ это время изъ камеры Поливкиной слышится стукъ и голосъ: „Голубушка, выпустите минутку, мнѣ надо“.

ЗЫКИНА. Вотъ ребенокъ-то. И не понимаетъ, на какія страсти ее привели. (*Открываетъ двери камеры Поливкиной*).

МАРУСЯ (*выскакиваетъ изъ камеры и идетъ къ двери Гришиной*). Марія Григорьевна, вы тутъ?

ГРИШИНА (*подходя къ двери*). Да, Маруся.

МАРУСЯ. Какъ вы попали опять?

ГРИШИНА. Вѣра въ городѣ встрѣтилась и предала.

МАРУСЯ. Ахъ, подлая! А меня—Абрамовъ, который всегда ко мнѣ пристаетъ, почтальонъ. Теперь онъ важная птица, комиссаръ коммунистическаго баталіона. Сказалъ чекистамъ, что я невѣста Осипова. А какая я невѣста—сами знаете. Эдакъ за каждаго ухажора отвѣчать придется. А имъ что, развѣ разбираютъ? Привелъ въ мастерскія, гдѣ народу уже биткомъ набито. Такъ всю ночь пробыла тамъ, а на утро...

ЗЫКИНА (*дергаетъ ее за рукавъ*). Иди въ свою, вдругъ придутъ.

МАРУСЯ. А на утро пріѣхали отбирать людей на разстрѣлъ. Думала и меня въ кочегарку, да спасибо Толкачевъ выручилъ. Говорили—страшный, ничуть не страшный. Подошелъ это ко мнѣ, а я ему глазки... А онъ и говоритъ: „Отвезти, говоритъ, ее въ тюрьму. Такъ и жива осталась. Марья Григорьевна, что съ нами дѣлать будутъ?

ЗЫКИНА. Иди, говорю тебѣ!

МАРУСЯ. Меня вели сегодня съ какимъ-то хорошенькимъ Жоржикомъ, не здѣсь-ли онъ? (*бѣжитъ къ дверямъ мужской камеры, оттуда голоса: „Маруся, Маруся“*)... Что насъ здѣсь много, весело будетъ. Здѣсь, Жоржикъ, Ваше благородіе? (*поетъ*).

Былъ я на фронтѣ
Ваше благородіе,
А теперь я—дворникъ
Всѣ зовутъ Володя...
(*За сценой голоса*).

ЗЫКИНА (*Марусѣ*). Скорѣе! Толкачевъ.

(*Маруся поспѣшно вбѣгаетъ въ свою камеру, Зыкина запираетъ, входитъ Толкачевъ въ сопровожденіи Нефедова*).

ТОЛКАЧЕВЪ. Ямы, говоришь? Мало? Ну остальныхъ на грузовикахъ вывеземъ, на Кирпичку, чертъ съ ними! (*становится по серединѣ и кричитъ*).

Всѣхъ буржуевъ въ яму! (*Нефедову снисходительно*). Слушай Нефедовъ, за то что мнѣ хорошо служишь, я тебя повышаю. Теперь ты будешь старшій помощникъ начальника тюрьмы. Служи мнѣ вѣрой и правдой. Га! А когда я буду комиссаромъ всѣхъ тюремъ Туркестана, ты займешь здѣсь мое мѣсто. Вотъ какъ.

НЕФЕДОВЪ (*подобострастно кланяется*). Радъ стараться для вашей милости, Иванъ Иванычъ!.. (*отворяетъ одну изъ камеръ*).

ТОЛКАЧЕВЪ (*входя въ камеру*). Тутъ сколько?

НЕФЕДОВЪ. Двѣнадцать.

(*Голосъ Толкачева*). Что чуете? Ха-ха-ха. Кто я, знаете? Не знаешь, бѣлогвардейское мясо? (*бьетъ*). Ну и чортъ съ вами, все равно житья вамъ только до ночи. Теперь къ бабамъ... (*выходитъ*).

ТОЛКАЧЕВЪ. Гдѣ тутъ бабы?

ЗЫКИНА. Здѣсь, Иванъ Иванычъ. (*Открываетъ камеру Гришиной, а потомъ Поливкиной*).

ТОЛКАЧЕВЪ (*Гришиной*). А-а барыня!.. (*Упершись одной рукой въ бокъ, выставивъ ногу и подпрыгивая всѣмъ корпусомъ*). За что сидишь?

ГРИШИНА. Не знаю.

ТОЛКАЧЕВЪ. Афыцеровъ любила! Насъ не хочешь любить. А если-бы я былъ твой мужъ, я бы стѣнку кулаками разобралъ, но ты бы не сидѣла. А эта сволочь не идетъ тебя выручать. Труситъ, ха-ха-ха...

ГРИШИНА. Съ того свѣта прійти что-ли?

ТОЛКАЧЕВЪ (*тычетъ въ Гришину пальцемъ значительно*). П-а-думай! (*Похохатывая выходитъ и идетъ къ камерѣ Поливкиной.*)

Ну-ка, Маруська, иди сюда. (*Манитъ пальцемъ Марусю*). Что, испугалась?

МАРУСЯ (*кокетничая*). Д-да...

ТОЛКАЧЕВЪ (*беря ее за подбородокъ*). Хочешь выйти отсюда?

МАРУСЯ. Хочу.

ТОЛКАЧЕВЪ. Ѣдемъ сейчасъ ко мнѣ.

МАРУСЯ. Къ вамъ? А... вы женаты?

ТОЛКАЧЕВЪ (*цинично хохочетъ*). Ха-ха-ха. Женатъ! У меня столько женъ, сколько ни одинъ салтанъ турецкій не имѣлъ! А послѣднее время, жены-то все ихнія... (*ука-*

зываетъ на мужскія камеры). Афыцера-то къ стѣнкѣ, а жену къ себѣ. Да на что они мнѣ, надоѣли. Я теперь тебя хочу! Угоди! Не угодишь—къ стѣнкѣ. Ну идемъ... Живо!

МАРУСЯ (*начиная бояться*). А зачѣмъ къ вамъ. Пойдемте лучше къ мамѣ.

ТОЛКАЧЕВЪ. Къ мамѣ? Ха-ха-ха. Да мнѣ твоя мама вовсе не нужна. Куды ее, старую? Развѣ что къ стѣнкѣ, чтобы не мѣшала. Ты прямо говори, не ломайся!

МАРУСЯ. А что я у васъ дѣлать буду?

ТОЛКАЧЕВЪ (*помахивая пальцемъ мимо лица Маруси*). Дурака-то не валяй! Спать со мной будешь. Когда захочу буду пріѣзжать. Зато будешь свободна!.. Никто не посмѣетъ тронуть!...

МАРУСЯ (*въ страхѣ*). А если... будутъ дѣти...

ТОЛКАЧЕВЪ. Дура... А домъ для маленькихъ коммунаровъ на что?

МАРУСЯ (*сквозь слезы*). Я боюсь, отпустите меня домой.

ТОЛКАЧЕВЪ (*выхватывая револьверъ*). Идешь или не идешь?

МАРУСЯ (*заикаясь и плача*). И-и-ду.

ТОЛКАЧЕВЪ (*увлекая Марусю къ дверямъ*). Ну!.. Скорѣй! (*Уходятъ*).

ЗЫКИНА. Пропала дѣвченка!..

НЕФЕДОВЪ. Чаво у ней убудетъ, что-ли? (*смѣется*). Може прибудетъ, что. Да и то сказать, послѣ трудной-то работы Ивану Иванычу и съ бабой не грѣхъ отдохнуть. Хе-хе-хе...

ЗАНАВѢСЪ.

КАРТИНА 5-я.

Сцена 4-ой картины. Ночь. Тускло горятъ лампы. Нефедовъ дремлетъ на табуретѣ у столика. Зыкина спитъ на лавкѣ, Гришина спитъ на полу.

За сценой шумъ. Нефедовъ свиститъ. Зыкина вскакиваетъ. Входятъ Лепа, Ланкоранскій, Елисѣевъ, Толкачевъ, Грикманъ, Дорожкинъ, Хая Лея, Берсудскій, Вершининъ и другіе чекисты и красноармейцы. Всѣ вооружены винтовками, револьверами и бомбами.

ТОЛКАЧЕВЪ. Нефедовъ открывай. (*Чекисты ставятъ столъ по срединѣ и скамьи и развертываютъ красное полотно съ надписью „Смерть врагамъ пролетаріата". Лепа, Грикманъ, Кудрявцевъ и Сидоровъ садятся. Елисѣевъ и часть чекистовъ входятъ въ мужскія камеры*).

ГРИКМАНЪ. Ну, вотъ, чтобы не говорили, что безъ суда разстрѣливаемъ. (*Вынимаетъ списокъ и смотритъ*). По порядку просмотримъ этихъ приспѣшниковъ капитала. Чагадаевъ, привести Чагадаева.

(*Голосъ Елисѣева: „А сіятельный щенокъ, еще не издохъ? Чагадаевъ, вытолкнутый на сцену, весь обвязанный бинтами, съ подвязанной рукой, держится за стѣну*).

СИДОРОВЪ (*пьянъ, навалившись на столъ*). Ишь какимъ волченкомь смотритъ. Не нравится ему народный судъ. (*Смѣется*). Будетъ, пожили! Попили нашей кровушки. Вытравимъ!

ХАЯ-ЛЕЯ (*Визгливо*). Бунтовщики! Противъ власти пролетаріата возстать хотѣли. Мужа моего убили! За каждаго пролетарія васъ по десятку вырѣжемъ.

ТОЛКАЧЕВЪ. Га! Живучій, бѣлогвардейская порода. Три пули въ него пустили недѣлю тому назадъ. Только

въ лобъ и кончишь. (*Уходтъ въ камеру, съ нимъ Лея и нѣсколько другихъ чекистовъ*).

ЛЕПА (*Чагадаеву*). Ты знаешь за что отца твоего разстрѣляли?

ЧАГАДАЕВЪ (*говоритъ съ перерывомъ*). За то, что.. собиралъ деньги... и откупилъ у васъ соборную церковь... чтобы изъ нея... вы кабака не сдѣлали...

ЛЕПА (*насмѣшливо*) Что же Богъ его не спасъ?

ГРИКМАНЪ. И ты вѣришь въ Бога?

ЧАГАДАЕВЪ (*твердо*). Вѣрю.

ЛЕПА. Ну, рабъ Божій, помолись пока, а тамъ пойдешь къ своему Богу. (*смѣхъ*). Увести его. (*Чагадаева уводятъ*).

ГРИКМАНЪ (*смотритъ въ списокъ*) Сомовъ! Эта сволочь продалась буржуямъ — туда ему и дорога.

(*Чекисты выталкиваютъ Сомова*).

ЛЕПА. Ну, что, еще будешь противъ народной власти съ буржуями контры вести? Говори!

СОМОВЪ Мнѣ говорить нечего — за насъ Росія скажетъ.

ГРИКМАНЪ. Какая Россія? Россіи нѣтъ! Есть Р. С. Ф. С. Р. А Россіи нѣтъ — это пора запомнить! — А ты измѣнилъ рабочему народу — съ капиталистами пошелъ.

СОМОВЪ (*угрюмо*). Не я измѣнилъ, а вы измѣнили. Обманули, что за народъ идете.

СИДОРОВЪ А, это ты на митингѣ противъ совѣтской власти кричалъ? Хорошо говоришь. Только жаль— въ послѣдній разъ.

ЛЕПА. Что же намъ здѣсь не изволишь ничего отвѣтить (*бьетъ кулакомъ по столу*). Говори послѣднее слово, сволочь!

СОМОВЪ. Вамъ?! Да развѣ вы поймете послѣднее слово умирающаго! Неужели думаете, что я скажу вамъ свое послѣднее слово?

ЛАНКРАНСКІЙ. Заставимъ!.. (*Шумъ, ругательства со всѣхъ сторонъ*).

СОМОВЪ. Говорите, народу служите? Знаемъ кому нужна ваша робота. Только не думайте, что все такъ и будетъ ваше разбойничье царство. (*Общій шумъ, че-*

кисты хватаютъ Сомова и тащатъ въ камеру, кто-то кричитъ: „Отрѣзать ему языкъ“.

(*Въ каморѣ крики Сомова*).

ЛАНКОРАНСКІЙ (*Возвращаясь изъ камеры*). Пускай теперь поговоритъ .. (*Смѣхъ, ругательства и шумъ*).

ГРИКМАНЪ Тише, товарищи! Продолжаемъ. (*кричитъ*). Попъ Мотылевъ! (*Появляется священникъ Мотылевъ*).

ДОРОЖКИНЪ (*Сильно пьянъ, сидитъ на полу прислонившись къ стѣнкѣ и растянувъ ноги*). А, отче долгогривый... Скоро ли въ поднебесныя палаты отправишься?..

ЛЕПА (*смотритъ въ упоръ на Мотылева*). Во время бунта обѣдню зачѣмъ служилъ?

МОТЫЛЕВЪ. Крещеніе было — православные, просили... Я священникъ, свой долгъ исполнилъ...

ЛЕПА. Бунту, значитъ, радовался со своими „православными“?

ГРИКМАНЪ. Ты не знаешь, попъ, что религія — опіумъ народа? И Богъ, и церковь и вѣра — все это ваши выдумки поповскія.

ЛАНКОРАНСКІЙ. Народъ, значитъ, морочили, онъ вамъ вѣрилъ, а вы пуза свои ростили.

ВЕРШИНИНЪ (*играя хлыстикомъ*). Скажи, попъ, есть Богъ или нѣтъ?

МОТЫЛЕВЪ (*крестится*). Богъ вѣчно былъ, есть и будетъ.

БЕРСУДСКІЙ (*подходя сзади Мотылева, обрѣзаетъ ему волосы*). Ну, попъ, прощайся съ гривой. (*Общій смѣхъ*).

МОТЫЛЕВЪ. Что я сдѣлалъ? Зачѣмъ вы столь злы? Подумайте о душѣ своей — страшный судъ Божій придетъ и вамъ... (*Смѣхъ чекистовъ*).

ЛЕПА. Ты эти басни бабамъ разсказывай. А вотъ мы сейчасъ посмотримъ, спасетъ ли тебя твой Богъ или нѣтъ. Становись къ стѣнкѣ! Если попадемъ тебѣ въ крестъ — отпустимъ, а нѣтъ, — значитъ и Бога твоего нѣтъ.

(*Толкачевъ, Елисѣевъ, Лея и другіе чекисты выходятъ изъ камеры*).

ТОЛКАЧЕВЪ (*подноситъ къ лицу Мотылева револьверъ*). Чуешь, гробомъ пахнетъ?

МОТЫЛЕВЪ. Убейте тѣло мое, но душа не въ вашей власти (*крестится*). Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его...

(*Чекисты зажимаютъ ему ротъ и тащатъ за бороду по коридору. Всѣ начинаютъ со смѣхомъ цѣлится въ Мотылева. Лея бросаетъ въ уголъ папиросу и потушивъ ногой, тоже цѣлится. Дорожкинъ спитъ у стѣны*).

МОТЫЛЕВЪ. И Христосъ былъ распятъ, но онъ воскресъ... А вы — слуги Сатаны, будьте прокляты! (*Раздается нѣсколько выстрѣловъ, въ дыму ничего не видно. Изъ камеръ слышатся крики, стоны и вой. Гришина кричитъ и забивается въ уголъ, дико озираясь*).

ТОЛКАЧЕВЪ (*стрѣляетъ по камерамъ изъ обоихъ револьверовъ*). Молчать! Всѣхъ перебью. (*Пинаетъ ногой трупъ Мотылева*). Убрать эту падаль... (*Въ разсѣивающемся дыму видно, какъ чекисты выносятъ трупъ Мотылева.*)

ЕЛИСѢЕВЪ (*подходя къ столу и смотря въ списокъ*). Что вы тутъ съ ними? Много еще?

ЛЕПА. Товарищи, чтобы намъ долго не возиться съ этой сволочью, отмѣтимъ крестами, которыхъ сегодня въ расходъ вывести?

(*Голоса: „конечно“. „Одинъ конецъ“*).

ГРИКМАНЪ. Никого нѣтъ противъ? Всѣ согласны!

ЛЕПА (*смотритъ въ списокъ*). Павловскій — крестъ. Адвокатъ Ненарокомовъ — крестъ. Борисъ Шалаевъ... Это кто такой?

ГОЛОСЪ ЧЕКИСТА. Мальчишка, въ тифу онъ валяется безъ памяти.

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ. Отецъ его убѣжалъ за-границу, такъ его заложникомъ взяли...

ЛЕПА. Ну туда ему и дорога—крестъ. Часовитиновъ—крестъ. Буровъ съ сыномъ — крестъ. (*Чекисты выводятъ изъ камеръ арестованныхъ*). Гришина? Какъ товарищи, съ этой бабой?

ЕЛИСѢЕВЪ. Долго ли возиться съ ней? Спросить ее, въ послѣдній разъ, не согласится пойти въ совѣтскія служащія, — сегодня же вывести въ расходъ.

ГРИКМАНЪ (*кричитъ*). Эй! Гришина.!

(*Зыкина выбирается изъ-за толпы чекистовъ и семенящими шажками подходитъ къ камерѣ № 3, отпираетъ*)

(*Толкачевъ съ частью чекистовъ ведетъ нѣсколько арестованныхъ за сцену. Шалаева проносятъ на носилкахъ. На дворѣ слышны глухіе выстрѣлы*).

ГРИШИНА (*выходитъ и медленно идетъ къ столу*).

ЛЕПА. Будешь продолжать контръ-революцію?

ГРИШИНА (*волнуясь*). Я... ею не занимаюсь...

ЛЕПА. Да брось дурака то ломать! Знаемъ все. Только изъ вашихъ то ужъ никого не осталось—кого въ расходъ вывели, а кто у насъ служитъ. Ну!

ГРИШИНА (*молчитъ*).

ВЕРШИНИНЪ. Сейчасъ же выпустимъ, если будете служить у насъ.

ГРИШИНА. Нѣтъ не могу. Я совсѣмъ больна.

ГРИКМАНЪ. Должность дадимъ вамъ легкую. Намъ нужны такіе люди, за которыми идетъ толпа. Мы знаемъ, что весь женскій союзъ за вами шелъ.

ХАЯ ЛЕЯ. Соглашайтесь, Гришина. Искупите свою вину передъ народомъ путемъ честнаго служенія рабоче-крестьянской власти...

ГРИШИНА. Нѣтъ мочи. Я не могу работать, я больна.

ЛАНКОРАНСКІЙ. Не можешь? А съ бѣлогвардейской бандой путаться—можешь?

ЛЕПА. Ну, значитъ ты не согласна. (*смотритъ въ списокъ*) Гришина—крестъ. Послѣ золотопогонниковъ—твоя очередь (*продолжая*) Борисъ Вронскій—крестъ.

ЕЛИСѢЕВЪ (*Гришиной*). Пошла! *Гришина держась за голову, идетъ въ свою камеру).*

ВРОНСКІЙ (*появляется въ дверяхъ своей камеры. Толкачевъ входитъ.*)

ТОЛКАЧЕВЪ (*поднося ему къ лицу револьверъ*). Чѣмъ пахнетъ? (*Вронскій молчитъ*). Гробомъ, бѣлогардейская сволочь! (*Бьетъ его рукояткой по головѣ, потомъ ударомъ въ спину выталкиваетъ Вронскаго на сцену. Получая удары со всѣхъ сторонъ, онъ идетъ шатаясь и закрывъ голову руками. Между арестованными и чекистами толчется пьяный Дорожкинъ.*)

ЛЕПА (*продолжаетъ*). Генералъ Гордѣевъ — крестъ. (*Изъ камеры выходитъ ген. Гордѣевъ, въ плащѣ съ капюшономъ*).

ДОРОЖКИНЪ (*дѣлаетъ ему подъ козырекъ*). Ваше

Превосходительство. Сейчасъ поѣдете на Марсъ. Извините-съ не на автомобилѣ-съ...

ЛЕНА (*продолжаетъ*). Назарьянцъ—крестъ. (*въ дверяхъ камеры появляется блѣдный Назарьянцъ*).

НАЗАРЬЯНЦЪ (*въ ужасѣ кричитъ*). Спасите! Пощадите! (*Падаетъ на колѣни и хватаетъ руки чекистовъ*).

ЕЛИСѢЕВЪ (*зажимая ему ротъ*). Молчи, падаль бѣлогвардейская...

ГОРДѢЕВЪ (*поднимая Назарьянца*). Офицеръ, стыдитесь! Кого вы просите о пощадѣ? Передъ кѣмъ унижаетесь?..

НАЗАРЬЯНЦЪ (*истерически рыдаетъ*). Я не могу.. Я не хочу... Жить, жить, хоть до завтра!..

ГОРДѢЕВЪ (*къ чекистамъ*). Я смерти не боюсь. Но считаю позорнымъ умереть отъ руки палача. Я ни о чемъ еще не просилъ васъ. Теперь моя первая и послѣдняя къ вамъ просьба—позвольте застрѣлиться самому.

ТОЛКАЧЕВЪ. Га! Что-жъ, посмотримъ, какъ ты прострѣлишь свой бѣлогвардейскій лобъ. (*Со смѣхомъ подаетъ ему свой револьверъ*).

ГОРДѢЕВЪ (*беретъ, радостно*). О, Боже мой! Въ моихъ рукахъ оружіе (*выпрямляясь, громко*). Смир-рно, господа офицеры! Умремте безстрашно, какъ офицеры русской арміи! Умремте, какъ русскіе патріоты—за родину, за русскую націю, съ горячей вѣрой, что наша кровь поможетъ нашей матери—Россіи. За мной, маршъ! (*Идетъ къ двери. Всѣ арестованные за нимъ, чекисты съ хохотомъ сопровождаютъ ихъ. Сынъ Бурова, мальчикъ-кадетъ прижимается къ отцу и кричитъ: „Боюсь, боюсь“. Послѣ всѣхъ выводятъ Назарьянца, который бьется и кричитъ; „Спасите, спасите“*)...

ЗЫКИНА (*крестится*). Господи, упокой ихъ душеньки...

(*За сценой отдѣльные выстрѣлы, потомъ залпъ*).

ГРИШИНА (*стучитъ кулаками въ двери и изступленно кричитъ*). Я согласна! Согласна!

ЗАНАВѢСЪ.

КАРТИНА 6-ая.

Квартира Гришиной. Гришина съ завязанной головой. Маруся Поливкина, худая, блѣдная. Старуха Якубова съ трясущейся головой, сѣдая. стриженная съ клюкой.

МАРУСЯ (*Гришиной*). За это время, какъ вы къ комиссаріатѣ не бываете, я совсѣмъ измучилась Говорятъ, доноси, а на кого я буду доносить? Каждый день грозятъ разстрѣлять... Толкачеву я больше не нужна... А тутъ еще Абрамовъ пристаетъ на каждомъ шагу... Часто я сама себѣ не рада, готова сквозь землю провалиться, лишь бы не жить на свѣтѣ... (*плачетъ*).

ГРИШИНА (*гладитъ ее по головѣ*). Всѣмъ тяжело, Маруся, побереги себя для матери.

МАРУСЯ. Ну, что мама! Съ тѣхъ поръ, какъ братья убѣжали отъ разстрѣла неизѣстно куда, мама день и ночь плачетъ...

СТАРУХА (*тихо, про себя*). Послѣднія, послѣднія времена настали. Антихристъ народился. Бога забыли, братъ на брата пошелъ, кровь людскую за воду почитаютъ... Гладъ и моръ... Послѣднія времена...

МАРУСЯ (*Гришиной*). Научите, что мнѣ дѣлать?

ГРИШИНА. Что я могу, Маруся? Вѣдь я въ комиссаріатѣ у большевиковъ только бухгалтеръ.

МАРУСЯ. Какъ доносы писать? Чтобы хоть на время отвязались.

ГРИШИНА. Попробуй написать о тѣхъ, которые уже успѣли скрыться. Пиши, что такой-то де собирался остроить заговоръ противъ совѣтской власти. Только суемейныхъ не пиши—возьмутъ заложниками. Можешь

написать, что стояла въ очереди и слышала какъ бабы ругали Ленина и Лейбу Троцкаго. Только не пиши, гдѣ именно слышала, о то всю очередь въ Чека отправятъ.

МАРУСЯ. Про кого же написать?

ГРИШИНА. Да вотъ хоть про ея сына (*кивая на старуху*), про Якубова.

СТАРУХА. Коленька? Уѣхалъ, голубчикъ, славу Богу. Слуги-то Антихристовы искали. Убить его, Коленьку-то искали. А я и говорю имъ (*стучитъ клюкой*). Псы вы, говорю, смердящіе. Кровь то невинная на васъ къ Богу вопіетъ. А ну, какъ вдругъ заставитъ Господь пѣтела возгласить? Что вы тогда себѣ чаете? Земля то. васъ, говорю, не приметъ, воронъ то клевать омерзится (*Слышенъ звукъ автомобиля. Входитъ комиссарша. Она въ тяжеломъ бархатномъ платьѣ, декольте со шлейфомъ, въ кольцахъ, въ зеленой шляпкѣ съ бальшимъ краснымъ перомъ. На рукѣ большая, пестрая шелковая шаль*).

КОМИССАРША. Здравствуйте, душенька, мое почтенье. Меня направилъ къ вамъ товарищъ комиссаръ Бройде.

ГРИШИНА. Здравствуйте. Садитесь Акулина Сидоровна.

КОМИССАРША (*садится расправляя платье*). Благодаримъ. Вотъ такое деликатное дѣло. Мы устраиваемъ коммунистическій вечеръ въ пользу индѣйской секціи пропаганды. Говорятъ, у индіанъ англичане вселились и просто имъ житья нѣтъ. Англичане ихъ голодомъ и холодомъ морятъ и самую большую жемчужину отобрали— своему царю на корону. Товарщи комиссары говорятъ, что англичанъ проучить надо, потому что они—захватчики и имперіалисты...

Такъ вотъ, душенька, не согласитесь вы на вечерѣ какой-нибудь номеръ представить? Вы раньше хорошо на театрѣ представляли...

ГРИШИНА. Я, конечно, очень рада... Только я нездорова сейчасъ. У меня было воспаленіе оболочекъ мозга.

КОМИССАРША. Ну, какіе вы пустяки болтаете! Вѣдь оболочекъ только, а не самаго мозга. На вечерѣ сперва будутъ представлять „Шампанскую мушку", а потомъ разные номера. Нѣмцы на трубахъ сыграютъ, потомъ фокусы китайскіе, а подъ конецъ танцы модные и бой конфетти съ серпантиномъ... Ахъ, какъ жарко (*вы-*

нимаетъ зеркало и пудрится, потомъ встаетъ и, опахиваясь вѣеромъ, прохоживается наступая на шлейфъ).

СТАРУХА. Ишь, ворона, расфуфырилась.

КОМИСССАРША (*натягивая разорванныя у локтя перчатки).* Правда это платье мнѣ къ лицу? Говорятъ, генеральша въ немъ къ самой царицѣ ѣздила. Когда ея платья дѣлили, такъ оно мнѣ досталось. И шляпка тогда же, а распри въ другой разъ, изъ дворца бывшаго вел. князя Николая Константиновича. Тогда же мнѣ достался и фарфоръ сѣверскій, и золоченные стулья. А эту шаль мнѣ мужъ привезъ изъ Бухарскаго похода (*растягиваетъ шаль*). Когда треумфъ красной арміи справляли... А бруслетъ съ Коканскаго похода. Съ брульянтомъ, сама Путеляхова носила, милліонщица-то хлопковая.

СТАРУХА. Чѣмъ хвастаешь, безстыжая!

КОМИССАРША (*смотритъ на старуху*). Что тако-о-е? Допрежъ вы были надъ нами, а теперича мы надъ вами...

СТАРУХА. Кровь на шали-то у тебя! Платье то въ крови. Да и вся-то ты красная, кровавая.

КОМИССАРША (*испуганно оглядывая платье*). Гдѣ, гдѣ? Что она у васъ сдурѣла?

СТАРУХА (*стучитъ клюкой*). Снимай скорѣй, сгоришь. Видишь... видишь—руки убитыхъ къ платью тянутся, хватаютъ.

КОМИССАРША. Что ты каркаешь старая дура! Не испугалась я. А ты не думай, что ты стара, стоитъ мнѣ только слово сказать, такъ духу твоего не будетъ!

СТАРУХА (*вставая*). На! Тяни мои жилы сухія, ломай мои кости старыя. Все отняли у меня...

МАРУСЯ (*грустно*). Я пойду, прощайте (*уходитъ*).

КОМИССАРША (*Гришиной*). Скажите на милость (*указывая на Якубову*). Что это у васъ за особа? Отчего вы не отправите ее въ коммуну старухъ?

СТАРУХА. Не пойду я въ вашу антихристову коммуну. Вонъ Захарьевна до коммуны то еще на ногахъ дошла, а оттуда еле ползкомъ приползла. Помереть. говоритъ, хоть человѣкомъ, а то, какъ пса, безъ креста зароютъ.

КОМИССАРША. А! Такъ ты власти не признаешь? Сегодня мнѣ некогда, а ужо и для тебя въ Чека мѣсто найдется. (*Быстро идетъ къ двери, оборачиваясь грозитъ*

кулакомъ). Я вамъ покажу, что я жена комиссара!.. (*уходитъ*).

СТАРУХА (*охаетъ*). Охъ, шилохвостая, уморила совсѣмъ.

ГРИШИНА. Что вы съ ней связались, бабушка?

ЯКУБОВА. Мнѣ наплевать, гдѣ сидѣть. А я правду-то имъ все-таки скажу...

ГРИШИНА. Надо-бы промолчать вамъ.

ЯКУБОВА. А мнѣ все равно, Машенька, не могу я видѣть этихъ злодѣекъ.

ГРИШИНА. Навредитъ она теперь. Опять потащатъ въ Чрезвычайку. (*Послѣ нѣкотораго раздумья*). Напишу ей записку, что согласна принять участіе въ ихъ „индѣйскомъ" вечерѣ. (*Садится и пишетъ. За дверью шумъ, звонъ шпоръ и голосъ. Тревожно прислушивается. Входитъ Толкачевъ. Онъ въ красной рубахѣ, подпоясанъ шелковымъ поясомъ съ длинными кистями сзади. Въ растегнутомъ френчѣ, галифэ, въ высокихъ лаковыхъ сапогахъ со шпорами, съ двумя револьверами въ кобурахъ, съ нагайкой въ рукѣ, на рукѣ золотой браслетъ, въ ухѣ большая золотая женская серьга.*)

ТОЛКАЧЕВЪ (*Гришиной пьянымъ голосомъ*). Я—къ тебѣ. (*Увидя старуху*). А это что за вѣдьма?

СТАРУХА (*смотритъ на него*). А ты кто такой будешь, батюшка?

ТОЛКАЧЕВЪ (*удивленно*). Ты не знаешь? Я тебѣ такой, что всѣ вы въ моей волѣ! Хочу—со щами хлебаю, хочу—съ кашей ѣмъ! (*снисходительно*). Ну да ладно, старуха, не будешь мѣшать, ничего тебѣ не будетъ, а помѣшаешь—на Кирпичку отправлю (*вынимаетъ двѣ бутылки водки, ставитъ на столъ и садится. Гришиной*) А я къ тебѣ въ гости. Сказал приду и пришелъ!

СТАРУХА. Поди-ка въ гости! А мы тебя и не ждали, да, кажись, и не звали.

ТОЛКАЧЕВЪ. Чего? (*Гришиной*). Убери хрычевку, р-р-р-асшибу.

ГРИШИНА (*тихо старухѣ*). Бабушка, уходите, не злите его. (*Старуха что-то бормочетъ, охаетъ и крестится. Встаетъ, опираясь на клюку и держась за стѣны, уходитъ, шаркая ногами, въ другую комнату.*)

ТОЛКАЧЕВЪ. Хорошо, что убралась, старая вѣдьма, а то бы кончилъ. (*Выбиваетъ пробку изъ бутылки и пьетъ изъ горлышка, потомъ протягиваетъ Гришиной*) Пей!

ГРИШИНА (*отстраняетъ*). Я не пью.

ТОЛКАЧЕВЪ. Пей, говорю! Наплюй на все и пей.

ГРИШИНА. Я вамъ сказала, не пью.

ТОЛКАЧЕВЪ (*обливая ее изъ бутылки*). А я лью... (*Бросаетъ бутылку на полъ, та разливается, обводя взглядомъ комнату и увидѣвъ на столѣ перламутровые часы, кладетъ въ карманъ. Указывая на грамофонъ Гришиной*). Заводи... Музыку желаю...

ГРИШИНА. Онъ испорченъ, шипитъ.

ТОЛКАЧЕВЪ. Прикажу и заиграетъ! заводи (*поднимая палецъ кверху, важно*). Въ первую голову — „интернаціоналъ".

ГРИШИНА. Такой пластинки нѣтъ.

ТОЛКАЧЕВЪ (*ухмыляясь*). Хм... я такъ и зналъ... А „Боже царя" есть? (*снисходительно*). Ну все равно. Заводи мнѣ — ... „Маруся отравилась". Или стой, стой (*ставитъ локти на колѣни и подпираясь, поетъ пьянымъ голосомъ*). „Пу-скай, мо-ги-ла ме-ня на-ка-жетъ". Нѣтъ, нѣтъ, къ черту могилу, и такъ много могилъ! Заводи веселую (*Гришина кладетъ пластинку граммофонъ играетъ „Барыню". Толкачевъ встаетъ, грузно пошатываясь пляшетъ и припѣваетъ*).

„Барыня, барыня
Сударыня-барыня.
Барыня попляши
Завелись въ мошнѣ гроши"...

(*При послѣднихъ словахъ, бьетъ себя по карману и хватаетъ Гришину*).

ГРИШИНА (*вырываясь*). Оставьте, уходите! (*граммофонъ продолжаетъ играть „Барыню"*.

ТОЛКАЧЕВЪ (*останавливаясь*). Да ты, что! въ тюрьмѣ давно не сидѣла? Али декрета Совнаркома не занешь, что коммунистъ въ буржуйномъ домѣ, какъ есть всему хозяинъ! И бабу буржуйную, какую хочу, такую и волочу.

ГРИШИНА. Уходите ради Бога! (*держится за голову*).

ТОЛКАЧЕВЪ (*садится*). Эхъ!.. Сколько я вашей сестры буржуйной перепробывалъ... И все одно... И

что за вами только бары гнались? Не понимаю. Теперь приведется вамъ нашей кровушки попробовать. Пришло времячко и намъ позабавиться... Ха-ха-ха... Не будете афыцериковъ въ погонахъ рожать... а нашего брата... р-р-рабочаго. Ха-ха-ха... Да что мнѣ съ тобой лясы точить (*протягивая ногу*). Сымай...

ГРИШИНА. Зачѣмъ?

ТОЛКАЧЕВЪ. Сымай, говорятъ. Хочу чтобы мнѣ барыня служила. Ну!.. (*Гришина наклоняется и съ усиліемъ стаскиваетъ сапогъ съ его ноги. Толкачевъ торжествующе хохочетъ*): Ха-ха-ха... Сильная шельма! (*тянется къ ней рукой*)... Ну-ка твердая, ты, али мягкая?

ГРИШИНА (*вскакивая*). Что вамъ еще надо отъ меня? (*встаетъ*).

ТОЛКАЧЕВЪ (*пошатываясь, идетъ къ ней*). Толкачевъ къ тебѣ спать пришелъ, а ты еще носъ воротишь, паскуда... (*Гришина бѣжитъ къ двери*).

ТОЛКАЧЕВЪ (*гонится за ней*). Не уйдешь, стерва, (*выхватываетъ револьверъ*). Стой убью!..

ГРИШИНА (*кричитъ*). Убьетъ, убьетъ, спасите! (*Толкачевъ хватаетъ ее и тащитъ къ кровати. Вбѣгаютъ красноармейцы*).

КРАСНОАРМЕЕЦЪ. Товарищъ комиссаръ! Васъ ищемъ. Тамъ происшествіе случилось.

ТОЛКАЧЕВЪ (*бросая Гришину, кряхтя одѣваетъ сапогъ*). Твое счастье, сволочь! Да все равно тебѣ ночи не пережить. Ты контръ-революціонерка. Ты власти не признаешь. Отъ меня не уйдешь! Приду и докончу! (*красноармейцамъ*). Идемъ... (*Уходятъ. Гришина держится за голову и стонетъ*).

СТАРУХА (*выглядываетъ изъ двери*). Ушелъ? (*Замѣтивъ Гришину*). Что ты? Господь съ тобой. Что онъ тебѣ сдѣлалъ, окаянный? (*приближается къ ней*). То-то я слышу, ровно вскричалъ кто (*съ трудомъ помогаетъ подняться Гришиной*).

ПАУЗА.

ГРИШИНА (*медленно поднимаясь*). Бабушка, убить хотѣлъ. Да пришли за нимъ (*сжимая голову руками*). Ахъ, какъ болитъ.

СТАРУХА. Дай-ка помочу тебѣ. Вишь опять голова-то, какъ огонь (*снимаетъ съ головы Гришиной повязку и пробирается къ умывальнику и обратно*). Молиться надо,

Машенька, всѣмъ каяться надо, близко страшное Христово пришествіе (*Входитъ сосѣдка и ведетъ мать Поливкиной. Мать Поливкиной въ голосъ причитаетъ*). Убили! мою Марусю убили!

ГРИШИНА. Какъ, гдѣ, кто убилъ? (*Старуха крестится*).

СОСѢДКА. Куды ее дѣвать? Не въ себѣ баба-то.

ГРИШИНА. Боже мой! Можетъ это еще не правда?

СОСѢДКА (*таинственно*). И... дѣвонька, сама видѣла охальника-то. Весь въ крови, какъ баранъ.

МАТЬ ПОЛИВКИНОЙ (*переставая плакать, въ отчаяніи*). Марья Григорьевна, нѣтъ у меня Маруси теперь. Одна осталась я на бѣломъ свѣтѣ. Погубили злодѣи, замучили. Ой что-же я теперь дѣлать буду?!.. (*причитаетъ*). Дитятко мое, солнышко мое!..

ГРИШИНА. Кто же этотъ убійца?

СОСѢДКА. Абрамовъ, что письма разносилъ, онъ... Почтальонъ-то нашъ. Сказываютъ на площади ей встрѣлся, да ружьемъ ей по плечу, ключицу переломилъ. Она бѣжать, сердешная, а онъ стрѣлять ей во слѣдъ. А какъ упала, онъ ее въ сарай и заволокъ. Очередь у лавки тутъ стояла. Всѣ видятъ, а никто ничего. Кто домой убѣжалъ отъ грѣха, кто еще зубы скалитъ. Охъ-народъ-то нонѣ, ни стыда тебѣ, ни жалости. Всѣ только за свою шкуру трясутся. Стрѣльбу онъ поднялъ въ сараѣ. Ревѣла какъ дѣвка-то. А какъ вышелъ этотъ христопродавецъ, кинулся народъ въ сарай, такъ она—миленкая моя, ровно котлета вся изрѣзана. Онъ ей, и груди и все прочее повырѣзалъ... (*вытираетъ фартукомъ слезы и сморкается*). Тутъ говоръ пошелъ, такъ красноармейцы разогнали всѣхъ и никого не пускаютъ. (*Входитъ Елисѣевъ съ красноармейцами*).

ЕЛИСѢЕВЪ. Сюда сейчасъ старуха вошла, мать бѣлогвардейки.

ГРИШИНА. Мать убитой Поливкиной? Вотъ она. Скажите, за что звѣрски и безъ суда убили эту дѣвушку?

ЕЛИСѢЕВЪ. Какъ это безъ суда? Былъ судъ высшій, народный. Абрамовъ ее арестовалъ, какъ невѣсту бандита—Осипова, того, что поднималъ въ январѣ бунтъ, тогда я больше 3-хъ тысячъ бѣлогвардейцевъ разстрѣлялъ. А эту Толкачевъ выпустилъ. Хорошенькая дѣвченка!..

ГРИШИНА. Что же это? Боже мой! Она служила въ Чрезвычайкѣ. Неужели и это не могло оградить ее отъ произвола?

ЕЛИСѢЕВЪ. А ты что за нее заступаешься? Народнаго суда не признаешь? Абрамовъ привелъ ее въ коммунистическій батальонъ. Коммунисты тутъ-же присудили ее къ разстрѣлу... Абрамовъ поступилъ какъ истинный коммунистъ: онъ уничтожилъ бѣлогвардейку. Смерть врагамъ пролетаріата.

МАТЬ ПОЛИВКИНОЙ (*изступленно*). Проклятые, за что дочь мою погубили?.. (*кричитъ*). Вы не люди... Вы сатанисты... Проклятые!..

З А Н А В Ѣ С Ъ.

ТАЙГА НОЧЬЮ.

Страшно ѣхать темнымъ боромъ
Зимней полночью глухой:
Мнится, лѣшій грознымъ взоромъ
Зорко смотритъ за тобой.
Духъ лѣсной — лохматый лѣшій —
Русскихъ сказокъ Царь-царей,
Снѣгомъ ели разувѣшалъ,
Превратилъ въ богатырей.
Словно грозные Полканы,
Кто съ дубиной, кто съ клюкой,
Вѣковые великаны
Сторожатъ лѣсной покой.
Тамъ, гдѣ дубъ стоялъ косматый,
Иль березъ кудрявыхъ рядъ,
Кто то движется рогатый,
Очи искрами горятъ.
Вмѣсто вязовъ горделивыхъ
Теремъ сказочный встаетъ,
Рой русалокъ суетливыхъ
Водитъ съ вѣдьмой хороводъ.
Выше, громче завывая
Вѣдьма прясть начнетъ кудель,
Нитку ниткой погоняя,
Мигомъ выпрядетъ мятель.
Чуткій сонъ съ мятели сгонитъ,
Та встряхнется, оживетъ,
То заплачетъ, то завоетъ,
Пѣсню дико заведетъ...
Плачъ мятели, вѣдьмы хохотъ.
Чей то въ чащѣ жуткій взоръ,
Гулкій свистъ и трескъ и топотъ.....
Страшенъ въ полночь темный боръ.

Въ Бурятскомъ улусѣ.

Сорокъ верстъ, — по сибирски это не Богъ вѣсть какое разстояніе и поѣздки на воскресеніе въ гости за 30—40 верстъ въ сосѣднее село — не рѣдкость.

Изъ такихъ „гостей“ мнѣ пришлось возвращаться лѣтнимъ вечеромъ. Моя Карюха, запряженная въ легонькую двухколку „качку“ меланхолично поспѣшала домой. Прохлада надвигавшагося вечера навѣвала мечты, воспоминанія. Картины только что оставленной жизни въ большомъ городѣ, на курсахъ, проносились въ мысляхъ. Яркія, живыя, но здѣсь какія то ненужныя, совсѣмъ, совсѣмъ непохожія на то, что меня окружало.

Вдругъ лошадь шарахнулась въ сторону, я чуть не вылетѣла. Прямо изъ подъ копытъ у нея выскочилъ степной сусликъ и быстро юркнулъ въ норку у дороги.

Солнце клонилось къ закату, а оставалась еще добрая треть пути. Вокругъ знакомая Балаганская степь, далеко позади сѣдловины горъ, на горизонтѣ кое-гдѣ чернѣлъ лѣсокъ.

Къ одному изъ нихъ шла моя дорога. Неужели не доберусь засвѣтло до лѣса? А ночью ѣхать лѣсомъ жутко да еще подъ самымъ селомъ на горѣ кладбище. Покойниковъ я не боюсь, но медленный спускъ по косорогу въ темнотѣ... кресты... скверно. Забираю крѣпче возжи и рѣшительно подгоняю лошадь.

Но красный шаръ — все ниже и ниже къ горизонту. Черныя верхушки лѣса выступили на яркомъ фонѣ заката. Еще полчаса... шаръ задѣлъ за нихъ и сталъ медленно уходить за лѣсъ...

— Стой, Карюха, дальше ѣхать нечего. Не свернуть

ли лучше въ улусъ, виднѣющійся невдалекѣ? Заѣду переночую, а утромъ пораньше — домой.

Сворачиваю. Карюха нерѣшительно, недовольно выбрасываетъ ноги и норовитъ свернуть незамѣтно на прежнюю широкую дорогу, но трава подъ ногами скоро привлекаетъ ея вниманіе и она старается на ходу сорвать головки хлеставшей о колеса кровохлебки и колоски дикихъ злаковъ.

Улусъ расположился на берегу рѣчки, юртами къ ней, а утугами къ дорогѣ. Утуги — унавоженные и огороженные жердями бурятскіе покосы. Пырей переросталъ въ нихъ двѣ перекладины жердей и былъ густой, какъ овесъ. Дорога вела прямо къ юртамъ. Я выѣхала на площадь передъ дворами, выбитую копытами животныхъ и старалась припомнить юрту знакомыхъ бурятъ. Цѣлое стадо коровъ расположилось на ночлегъ на площади, и она вся, казалось, курилась парнымъ молокомъ и особымъ животнымъ тепломъ...

Лавирую среди спокойно лежащихъ и жующихъ коровъ, отыскивая знакомую юрту.

Большая, лохматая, бурая собака встрѣчаетъ меня у забора. Не лаетъ, но не сводитъ глазъ.

На дворѣ двѣ женщины хворостинами воюютъ съ телятами; у растворенныхъ дверей большой юрты, занимающей всю середину двора, группа дѣтей сидитъ на корточкахъ.

Подвожу лошадь къ забору и поглядывая на собаку, хочу отпереть ворота. Она медленно, свирѣпо оскалила зубы и зарычала. Съ лаемъ подбѣжало съ десятокъ другихъ собакъ....

На выручку мнѣ поспѣшила одна изъ женщинъ, воевавшихъ съ телятами. Это была Заинка, хозяйская дочка. Она тотчасъ же узнала меня и весело смѣясь заговорила ломаннымъ языкомъ: „Минду, хубэ (здравствуй) наша, да не видѣлъ, что тебѣ приходилъ“.

Отъ смѣха ея черные и безъ того узкіе глаза совсѣмъ пропали среди колоссальнѣйшихъ румяныхъ щекъ. Скулы у нея подходили къ самымъ глазамъ, а вѣки были какъ бы припухлыя, маленькій носъ и почти полное отсутствіе переносицы, смуглая кожа, черныя брови, такіе же прямые толстые волосы, короткая шея и плоская фигура — типичная бурятка.

На ней былъ длинный лѣтній халадай, что то въ родѣ

дамскаго капота и мягкіе унты (сапожки) спускавшіеся гармошкой.

— Въ юрта ходи, саломатъ варимъ, да спить у насъ будешь.... тараторила Заинка, вводя мою лошадь во дворъ.

Спрятавшіеся было въ юрту ребятишки снова высыпали и издали недовѣрчиво оглядывали меня. Маленькіе, до пяти лѣтъ, были совсѣмъ голенькіе, а на остальныхъ и мальчикахъ и дѣвочкахъ — полосатые бѣлые штаны и рубахи, стоявшія коробомъ и отъ нестираннаго крахмала и отъ грязи. Особенно торчалъ правый рукавъ, замѣнявшій носовой платокъ. Желтыя, скуластыя рожицы выражали самое напряженное любопытство.

Заинка повела меня въ юрту. Просторная, шестиугольная, она была сдѣлана изъ коры крупныхъ хвойныхъ деревьевъ. Это была юрта лѣтника — улуса, гдѣ буряты живутъ только лѣтомъ, переѣзжая зимой въ другой болѣе защищенный отъ непогодъ улусъ—зимникъ. По серединѣ крыши было отверстіе діаметромъ, приблизительно, аршина полтора. Какъ разъ подъ этимъ отверстіемъ на земляномъ полу—очагъ; за нимъ, до стѣнки, полъ былъ уже деревянный, на немъ, стоялъ низенькій столъ и лежали ушки; дальше, закрытая занавѣской постель. Налѣво отъ входной двери вдоль стѣнки—рядъ деревянныхъ, обитыхъ жестью сундуковъ, а на нихъ стопками — овчинныя одѣяла, шерстянные, бѣлые войлоки, круглыя подушки изъ разноцвѣтныхъ шкуръ. Правую сторону юрты занимали деревянныя крынки съ молокомъ и домашняя посуда.

— Наша братска тайлганъ (праздникъ) разсказывала Заинка, снимая стопки крынокъ на скамью.

Тайлганъ былъ по случаю начала сѣнокоса. Изъ сосѣднихъ улусовъ понаѣхало много стариковъ. Новый шаманъ приносилъ жертву и старики говорятъ, что сѣнокосъ будетъ удачный.

Въ юрту вошла другая бурятка, она несла деревянное ведро съ молокомъ.

— Кто это? Спросила я Заинку.

— Э! Кукшинъ (жена) Архипкинъ.

Архипка былъ ея братъ, парень лѣтъ 18, не давно еще учившійся въ нашей сельской школѣ. Передъ поступленіемъ въ школу нашъ батюшка Бѣлоусовъ крестилъ его. Жена Архипки была маленькая, робкая. Съ трудомъ несла она ведро и по отдувавшемуся ея халадаю

было замѣтно, что ей скоро предстояло сдѣлаться матерью. Заинка разсказывала, что за невѣсту дали отцу ея большой калымъ—много барановъ, коровъ и кобылъ, что Архипкѣ она нравится больше всѣхъ женщинъ на свѣтѣ и что ей всего 14 лѣтъ.

Женщина, низко опустивъ голову, разливала молоко въ кринки большимъ берестянымъ черпакомъ. Она понимала о чемъ шла рѣчь, хотя и не знала по русски — она была изъ дальняго улуса.

Совсѣмъ стемнѣло. Заинка закрыла дверь и развела огонь на очагѣ. Она поставила на огонь широкій чугунный чанъ и налила въ него свѣжей простокваши.

Ребятишки уже пробрались за занавѣску и выглядывали оттуда все съ тѣмъ же неизмѣннымъ любопытствомъ. Выманить ихъ наружу никакимъ способомъ было нельзя.

Расположившись противъ огня на скамейкѣ, я не безъ удовольствія подкладывала въ огонь щепки и хворостъ.

Между тѣмъ вѣсть о моемъ пріѣздѣ разнеслась по сосѣднимъ юртамъ. У дверей появились безмолвныя женскія фигуры. Онѣ жались къ дверямъ, несмотря на усиленныя приглашенія проходить поближе.

Вошла еще одна. Оказалась знакомая, мы ее звали дома Алзоихой. Ея мужъ, Алзой, нерѣдко заѣзжалъ къ намъ, когда привозилъ въ село масло или шерсть. Она подошла ко мнѣ, похлопала по плечу, погладила по волосамъ и сказала:

— Я услыхалъ, что Петрова дѣвка пришелъ, да ходилъ посмотрѣль.

Подошли и другія, помоложе и посмѣлѣе. Стали разсматривать мой костюмъ, брали на ощупь мою кофточку, смотрѣли на свѣтъ юбку, мочили слюной мой лакированный поясокъ, заглядывали, что у меня внизу. Не знаю, не нравился ли имъ мой костюмъ, или онѣ были нѣмы отъ удивленія, но, въ отвѣтъ на мои вопросы, онѣ только улыбались, растягивая въ щелочку свои глазки и показывая бѣлые зубы.

Я любовалась дикой свѣжестью ихъ лицъ и наивнымъ любопытствомъ; предлагала примѣрять мои сандальи, а сама надѣвала ихъ унты и красныя ожерелья—моржаны. Но что особенно ихъ поразило, такъ это моя ботанизирка. Открыли ее и съ ужасомъ увидѣли тамъ разныя растенія и ножъ.

Шопотомъ, глядя въ землю, одна изъ нихъ спросила — развѣ я хочу стать шаманкой?

Спѣшу разувѣрить ихъ, но напрасно. Слушаютъ меня съ явнымъ недовѣріемъ и очевидно, остаются при своемъ мнѣніи, что травы собираютъ только шаманы, чтобы давать ихъ людямъ и животнымъ, когда бохолда — чертъ проявляетъ надъ ними свои козни...

У Заинки поспѣлъ саламатъ (мучная каша, національное кушаніе бурятъ). Она наложила его — въ чашку и поставила дѣтямъ тамъ же за занавѣской.

Вдругъ на дворѣ поднялся шумъ, залаяли собаки. Мы вышли, оказалось моя Карюха подняла скандалъ. Возмущенная долгимъ „выстаиваніемъ“ она сама пошла искать воду, а такъ какъ была привязана къ качкѣ, то и качка поѣхала по двору... Мы сняли съ лошади высохшую сбрую, напоили ее и выпустили, спутавши въ три ноги...

Улусъ засыпалъ. Кое-гдѣ блестѣли на дворахъ костры, пахло дымомъ и молокомъ. Доносились изрѣдка звуки непонятной пѣсни, отрывистый лай собакъ и запоздалое мычаніе. Гдѣ-то близко журчала рѣчка.....

Когда мы воротились въ юрту, Заинка усадила меня за столъ и насыпала мнѣ въ чашку столько кусковъ свѣже-сваренной баранины, что несмотря на весь мой голодъ, съѣсть все это было бы совершенно невозможно.

Сѣла къ ужину и Архипкина жена. Устало брала она пальцами куски баранины. У нея было еще совсѣмъ дѣтское лицо и, странно, голубые глаза. Не даромъ Архипка любилъ ее больше всѣхъ женщинъ; она могла бы оказать честь и не бурятскому вкусу. Особенно милъ и неожиданенъ былъ ея голубой взглядъ изъ подъ черныхъ густыхъ бровей и дѣтскій пухлый ротикъ... Но вся фигурка дышала какой то безконечной усталостью и рабской покорностью....

Послѣ баранины Заинка угостила насъ саламатомъ и кирпичнымъ чаемъ со сметаною. Кромѣ сметаны въ чай клалась щепотка соли.

Архипкина жена закурила маленькую мѣдную трубочку и принялась было прибирать со стола, но Заинка велѣла ей ложиться спать и ласково толкнула ее за перегородку, гдѣ уже спали дѣти.

Для меня Заинка послала на лавкѣ толстый войлокъ и подложила снизу подъ голову круглую подушку. По-

томъ сняла новое мѣховое одѣяло, такое пушистое, что въ немъ и въ снѣгу спать можно. Я стала укладываться...

Сквозь отверстіе въ крышѣ виднѣлись звѣзды. Подъ стропилами я замѣтила ласточкино гнѣздо—птицы спали. На очагѣ догоралъ огонь...

Вся эта обстановка, этотъ кисло-молочный запахъ, догорающій огонь—все показалось мнѣ такимъ знакомымъ, странно—близкимъ... Непонятная тревога охватила меня. Что то необходимое нужно было вспомнить, понять... Но мысль билась безплодно, а сердце, сердце чуяло родное. Приподымаюсь на локтѣ, окидываю взглядомъ юрту... и мнѣ кажется, что всѣ пережитыя мною ночи не были иными, что всегда потрескивалъ, догорая огонь и освѣщалъ несложную обстановку юрты, только въ дождливую пору прорѣзъ въ крышѣ закрывался лошадиной шкурой и въ юртѣ было темно и холодно... И ласточекъ этихъ, сонно сидящихъ на краю гнѣзда, я знаю уже давно. Днемъ онѣ то и дѣло влетаютъ и улетаютъ изъ юрты, избѣгая дыма.... Все виданное, все слышанное о жизни бурятъ какъ то странно мѣшается и кажется пережитымъ.. Я знаю, знаю навѣрно, что тамъ на полочкѣ у очага стоятъ нѣсколько вырѣзанныхъ изъ дерева фигурокъ—божковъ—бурхановъ... Откуда то изъ забытаго выплываютъ странныя, но будто бы не разъ видѣнныя мною картины: Берегъ рѣки, толпы народа... всѣ напряженно смотрятъ въ одну сторону, гдѣ нѣсколько бурятъ привязываютъ къ столбу жертвенную лошадь. Они связали ей ноги попарно и повалили на земь. Лошадь бьется, взрывая комки земли съ травой, а люди, ухватившись за концы верёвокъ, связывающихъ ей ноги, тянутъ въ разныя стороны. Животное совсѣмъ выбившись изъ силъ переворачивается вверхъ брюхомъ. И вотъ быстро, какъ кошка, подбѣгаетъ увѣшанный бубенцами и фигурками людей и животныхъ, шаманъ. Съ боку у него бубенъ, въ рукахъ ножъ... Секунда и онъ вонзаетъ ножъ въ тѣло лошади... Толпа, замирая, слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ..., еще секунда и на ладоняхъ шамана дрожитъ и дымится кровью вырванное изъ раны еще живое сердце... толпа молчитъ, а надъ нею несутся дикіе выкрики и заклинанія шамана.....

Ужасъ охватываетъ мою душу... Почему, почему это яркое лѣтнее утро, кипящіе на кострахъ котлы, крики возбужденной толпы... бѣшенные пируэты отчаянныхъ

всадниковъ... почему это все такъ волнуетъ и манитъ меня?.. Не голосъ ли это крови моихъ предковъ, еще не такъ давно кочевавшихъ въ этихъ же мѣстахъ, въ этой же степи?..

. . . .

Ночью меня разбудили крики и пѣсни. За столомъ поджавши ноги, сидѣли буряты и бурятки. На столѣ, стоялъ большой деревянный туязъ съ ручкой и деревянныя чашечки. Всѣ сидѣвшіе громко говорили и размахивали руками. Тутъ же были и хозяинъ съ хозяйкой. Хозяинъ, жидковатый, высокій бурятъ, въ праздничномъ халатѣ, подпоясанномъ зеленымъ кушакомъ. На груди халатъ былъ распахнутъ, обнаруживая отсутствіе бѣлья. Вытянувъ жилистую шею и часто привставая на колѣнки хозяинъ видимо горячился и убѣждалъ въ чемъ-то другого бурята. Тотъ, упитанный и спокойный, заложивъ одну руку за пазуху подъ зигзагообразную оторочку бараньей шубы, другою придерживалъ трубку. Изрѣдка онъ вынималъ ее изо рта, держа за головку и прижимая пепелъ большимъ пальцемъ, ловко сплевывалъ къ самому очагу и опять спокойно бралъ трубку въ ротъ.

Третій бурятъ былъ совсѣмъ пьянъ. Покачиваясь въ тактъ онъ пѣлъ однообразную пѣсню о своихъ овцахъ, ходящихъ по лугамъ, о коняхъ, пасущихся въ степи, о горахъ, которые по краямъ степи сторожатъ его стада...

Хозяйка, низенькая, толстая буряткая, сидѣла рядомъ съ сильно выпившей старухой. Лицо ея лоснилось и она часто вытирала его полою широкой безрукавки, одѣтой поверхъ халадая. У обѣихъ на головахъ были низенькія шапочки, обшитыя мѣхомъ, а на груди — мониста, золотыя и серебрянныя монеты и кольца. Старуха то плакала, то жаловалась, то грозила курившему буряту, то порывалась вскочить.

Я хотѣла уже закрыться съ головой и заснуть, какъ вдругъ старуха вскрикнула, быстро вскочила и побѣжала къ двери, но на ногахъ она держалась плохо; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она повалилась прямо на меня.

— Что ты бабка сердишься? спросила я поддерживая ее.

Оглядѣвшись и усѣвшись на мою скамью, она стала пристально меня разсматривать:

— Ты чей дѣпха (дѣвка)?

Видъ у нея былъ взъерошенный, клочечки сѣдыхъ волосъ выбились изъ подъ шапочки. Тоненькія косы были продолжены конскими волосами, связаны вмѣстѣ и перекинуты черезъ шею. На груди, до самаго пояса висѣло много украшеній и монетъ, борты безрукавки были обшиты двугривенными, вставленными въ мѣдныя проволочныя рамочки и двѣ золотыхъ Екатериненскихъ десятирублевки, нанизанныя на два большихъ серебряныхъ кольца, болтались на жидкихъ косицахъ. Изъ подъ полы торчалъ чубукъ трубки, а на немъ — кожанный кошелекъ съ огнивомъ.

— Наша тайлганъ, чисто гуляй... тарасунъ (водка) много... Тебѣ тарасунъ пить будешь?..

Я отказалась, но она побрела къ столу, кое-какъ налила изъ туяза въ чашку и при помощи хозяйки донесла до меня. Чтобы не сердить ее, я взяла въ ротъ глотокъ и когда она отвернулась, поспѣшно выплюнула его: тарасунъ невозможнаго запаха моченыхъ овчинъ...

— Моя теперь не сидѣлъ тарасунъ, теперь Ширыпка новый кукшинъ бралъ, да меня мамка дѣлалъ... снова плаксиво заговорила старуха и опять стала грозить буряту.

Теперь я поняла ея трагедію: среди бурятъ мнѣ были извѣстны случаи, когда родители брали для мальчика въ жены взрослую дѣвушку и пока онъ росъ, она жила въ домѣ, какъ членъ семьи. Мальчикъ выросталъ и дѣвушка становилась его женой. Послѣ онъ бралъ, за большой калымъ, другую, молодую жену, а старая оставалась также въ домѣ, занимая положеніе въ родѣ свекрови.

А старуха продолжала разсказывать, какая хитрая и неумная новая жена Ширыпки, какъ она разоряетъ хозяйство и возстанавливаетъ противъ матери ея старухиныхъ дѣтей.

Я посмотрѣла на нее внимательнѣе и она показалась мнѣ совсѣмъ еще не старой. Какимъ огнемъ ненависти горѣли ея узкіе глаза, какимъ отчаяніемъ звенѣлъ ея голосъ!

Ширыпка всталъ со своей подушки, подошелъ къ очагу, сплюнулъ, потомъ выколотилъ изъ трубки пепелъ, досталъ изъ за пояса кисетъ и, глядя на старуху, спокойно сталъ набивать трубку...

Въ юрту быстро вошла молодая высокая бурятка и оживленно стала что-то говорить Ширипкѣ. Хозяинъ

вскочилъ, подбѣжалъ къ ней, подвелъ ее къ столу, налилъ тарасуну и сталъ угощать.

Увидя молодую женщину, старуха пришла въ ярость, вскочила и стала обѣими руками грозить вошедшей, потомъ присѣла на корточки и стала бѣшенно колотить кулаками по землѣ. Молодая старалась не смотрѣть на нее. Вдругъ старуха показала ей оба кукиша. У бурятъ это одно изъ самыхъ большихъ оскорбленій. Молодуха не вытерпѣла, подскочила къ старухѣ и онѣ обѣ съ воемъ упали на полъ...

Шарыпка спокойно заткнулъ трубку за поясъ, наклонился, схватилъ въ охапку молодую бурятку, потащилъ къ двери и выбросилъ на дворъ. Хозяева и проснувшаяся Заинка хлопотали около старухи. Ширыпка поднялъ валявшуюся на полу шапочку, надѣлъ на старуху и поднялъ ее съ пола; затѣмъ онъ оправилъ ей халадай, поддернулъ унты и, держа за плечи, потихоньку вывелъ изъ юрты.

Близился разсвѣтъ, спать уже не хотѣлось. Я взяла узду и пошла посмотрѣть лошадь. Она ходила съ небольшимъ табуномъ у дороги. Черезъ полъ часа я вошла въ юрту. Все было тихо. Бурятъ, пѣвшій пѣсню, тамъ же и спалъ. Только молодая невѣстка сонно доставала ведра и собиралась доить коровъ. Простившись съ ней я вышла изъ юрты.

Все больше свѣтлѣло, туманъ стоялъ надъ рѣчкой, по небу переливались краски — занималась заря...

ИЗЪ ПИСЕМЪ К. Р.

Пишу тебѣ, милый К. черезъ м-цъ по полученіи твоего письма, (оно дошло до меня 11-го марта), пишу освободившись отъ самаго крупнаго творческаго труда въ сравненіи со всѣмъ донынѣ мною написаннымъ. Это драма „Царь Іудейскій“ въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ въ стихахъ. Задумалъ я ее болѣе 25-ти лѣтъ назадъ. Помню еще въ 1886 году я совѣтывался о ней съ покойнымъ авторомъ Обломова и Обрыва, И. А. Гончаровымъ, и онъ еще тогда, 26 лѣтъ назадъ, благословилъ меня на эту работу. Но принялся я за нее только 3 года назадъ, когда началъ 1-ое дѣйствіе, оконченное въ прошломъ году въ Крыму. А остальные четыре дѣйствія писалъ за время своей болѣзни.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ у меня Христосъ Спаситель, но такъ какъ драма разсчитана для театра, то разумѣется Господь Іисусъ Христосъ ни разу не является на сценѣ: Онъ или только что удалился, или сейчасъ долженъ появиться, но паденіе занавѣса не даетъ его увидѣть; или же Онъ за сценой и Его какъ бы видятъ дѣйствующія лица, мы же, зрители, воспринимаемъ впечатлѣнія только отъ актеровъ его лицезрѣющихъ.

. . . .

Меня обрадовало и тронуло то, что ты разсказываешь объ исполненіи моей поэмы „Умеръ бѣдняга“ слѣпымъ гармонистомъ пѣвцомъ на волжскомъ пароходѣ. Слыхалъ я, случалось, что эта поэма превратилась въ солдатскую пѣсню въ самыхъ сѣверныхъ губерніяхъ. Говорили мнѣ также, что ее распѣваетъ недавно появившаяся въ Петербургѣ и обратившая вниманіе общества пѣвица изъ народа, кажется, Плевицкая. Но я не зналъ,

что стихи, сложенные мною въ первой половинѣ 80-хъ годовъ про рядового Государевой р ты л. г. Измайловскаго полка Федора Евстифѣева, вошли въ народную пѣсню.

. . . .

Посылаю тебѣ нѣсколько открытокъ съ видами изъ Верхняго Египта. на оборотѣ которыхъ написалъ два новыхъ стихотворенія.

I — Дорога въ ущелье (близъ Луксора, на лѣвомъ берегу Нила), ведущая къ царскимъ гробницамъ. Онѣ расположены неподалеку отъ древнихъ Ѳивъ. Гробницъ, выбитыхъ глубоко въ скалахъ, около ста. Каждая состоитъ изъ длиннаго, полаго опускающагося подземнаго хода съ ярко и пестро расписанными стѣнами, ведущаго въ рядъ обширныхъ тоже расписанныхъ и покрытыхъ рѣзьбою по камню, покоевъ, гдѣ располагалась домашняя утварь умершаго фараона. Саркофагъ съ его муміей помѣщался въ самомъ дальнемъ покоѣ. Многіе гробницы были ограблены еще въ древности. Самыя муміи хранятся теперь въ Каирскомъ музеѣ. Одна только оставлена въ своемъ гробу. —

II — Храмъ царицы Хатшепсуетъ 18-ой династіи, устроенный въ 1500 году до Р. Хр. Этотъ храмъ описанъ въ стихахъ на карточкѣ 2. Тотъ же храмъ изображаютъ картинки V. VI и 2. Онъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе своей древностью, своими тремя ярусами (которые особенно хорошо видны на картинкахъ VI и 2) красотою мѣстоположенія у подножія скалы и помостомъ на его вершинѣ; сюда каждое утро царица — строительница всходила, чтобы привѣтствовать своего отца — восходящее солнце. Всѣ фараоны и царицы считали бога солнце, Амона, своимъ отцомъ. Царицѣ съ этого помоста былъ виденъ Карнакскій храмъ Амона по ту сторону Нила.

III — Карнакскій храмъ Амона, верстахъ въ 4-хъ отъ Луксора, на томъ же правомъ берегу Нила. Онъ строился и разростался нѣсколько вѣковъ. Налѣво, а также между двумя обелисками (изъ которыхъ одинъ воздвигнутый упомянутой царицей былъ весь вызолоченъ), видны громадные пилоны, служившіе входами въ капище, видно и священное озеро, въ которомъ держали живыхъ крокодиловъ съ золотыми ожерельями и запястьями. Жаль. нѣтъ у меня картинки аллеи овновъ или сфинксовъ.

IV — Еще видно ущелье царскихъ гробницъ. Усыпальницы царицъ были по близости въ другомъ ущельи.

. . . .

Карточка 1 — Колоссы Мемнона. Оба колосса изображаютъ одного и того же фараона, чуть ли не Аменофиса 11. Они стояли по сторонамъ пути, ведущаго къ одному изъ храмовъ стовратныхъ Фивъ.

Надѣюсь, что эти разъясненія дадутъ тебѣ нѣкоторое понятіе объ упоминаемыхъ въ моихъ стихахъ памятникахъ древности.

Часы бьютъ полночь. Давно пора спать, а потому прощай. Дай тебѣ Господь радостно провести Свѣтлые праздники.

Любящій тебя

Константинъ.

Гимнъ единому Богу.

Единый Богъ, Богъ силы несравнимый,
Создавшій міръ тогда, когда былъ одинокъ.
Твои дѣла для нашихъ глазъ незримы
И многообразны, какъ облачный Востокъ.

Ты жизнь даешь и все, что жизни надо
Всему живущему на Нильскихъ берегахъ,
Въ далекой Сиріи и Нубіи: и гадамъ,
Что ползаютъ внизу, и птицамъ въ небесахъ.

Ты дни исчислилъ ихъ. Языкъ у нихъ различенъ,
Различенъ цвѣтъ лица, волосъ и складка вѣкъ.
Такъ тысячью примѣтъ Тобою былъ отличенъ
Отъ человѣка человѣкъ.

Гимнъ Единому Богу былъ написанъ Фараономъ 18 династіи, Аменхотепомъ IV, приблизительно въ 1500 году до Р. Х. Аменхотепъ IV извѣстенъ главнымъ образомъ своей попыткой водворить среди своего народа единобожіе. Идея объ Единомъ Божествѣ издревлѣ существовала среди египетскихъ жрецовъ, но хранилась ими какъ самая сокровенная тайна, которая не можетъ быть открываема народу во избѣжаніе искаженія ея антропоморфическими взглядами на Божество народныхъ массъ. Побуждаемый можетъ быть самыми возвышенными чувствами, а можетъ быть по просту опасаясь все возростающаго вліянія жрецовъ, Фараонъ рѣшилъ вынести изъ святилищъ храмовъ эту тайну народу. Однако попытка

его успѣха не имѣла. Египтяне не смогли разстаться съ привычными для нихъ формами почитанія Божества подъ видомъ тріады Амона, Тума, Ра (Озириса, Изиды, Ра), поэтическіе мифы о дѣятельности и жизни которыхъ могли каждымъ усваиваться сообразно его пониманію и развитію. Возстали противъ профанаціи и жрецы. Идея единаго Божества еще на триста лѣтъ погрузилась въ таинственную глубь пирамидъ, откуда снова была вынесена народу Моисеемъ уже, вѣроятно, въ царствованіе Рамзеса II, фараона 19 династіи. Чтобъ сохранить эту идею во всей ея чистотѣ, Моисей рѣшилъ сдѣлать носителемъ ея не весь египетскій народъ, невозможность чего показала уже попытка Аменхотепа IV, а самую незначительную часть его — евреевъ, гонимыхъ, страдающихъ, наименѣе привязанныхъ къ традиціямъ страны и, можетъ быть, если придерживаться библейскихъ преданій, родственныхъ Моисею по происхожденію.

Исторія развитія идеи Единобожія среди еврейскаго народа извѣстна: Спустя сорокъ дней послѣ того, какъ прозвучали съ Синая среди грома и молній слова: „Я Богъ твой, да не будутъ тебѣ боги иные кромѣ меня", Еврейскій народъ плясалъ вокругъ отлитаго ими золотого тельца. Напрасно Моисей въ гнѣвѣ разбиваетъ скрижали, напрасно разверзается земля и поглощаетъ Дана и Авирона, — вся исторія „Израиля оправдываетъ его имя народа „Богоборца".

Съ точки зрѣнія ближайшихъ послѣдствій, вторую Моисееву попытку насильственнаго водворенія въ народѣ единобожія нельзя считать болѣе удавшейся чѣмъ первую Аменхотеповскую. Пройдя мимо замученныхъ, побитыхъ камнями пророковъ, пройдя мимо страшнаго Голгофскаго Креста идея Единаго Божества вновь скрылась среди еврейскаго народа въ тайны его каббалы, а для рядового еврея, тщательно исполняющаго всѣ предписанія Талмуда, Великій Іегова и сейчасъ рисуется, въ лучшемъ случаѣ, какъ предсѣдатель ученой коллегіи равиновъ.

У БАШЕНЪ МОЛЧАНІЯ.

За три недѣли своего случайнаго пребыванія подъ небомъ громаднаго и знойнаго индійскаго порта, меня болѣе всего плѣняли его тихіе и отдаленные сады, въ пальмовой глубинѣ которыхъ прячутся Башни Молчанія.

Башенъ Молчанія—пять.

Круглыя, низкія, сложенныя изъ бѣлыхъ, раскаленныхъ солнечными лучами, глыбъ—они хорошо извѣстны всѣмъ правовѣрнымъ парсамъ *), разсыпаннымъ по Индостану.

Тихіе сады Башенъ раскинуты на широкой косѣ, врѣзающейся въ голубыя воды моря. Для того, чтобы проникнуть за ихъ ограду, необходимо долго взбираться вверхъ по каменнымъ ступенямъ, проложеннымъ по крутому обрыву.

Направо и налѣво отъ ступеней—непроходимая чаща вьющихся растеній, остроконечныхъ отпрысковъ пальмъ, злого и колючаго бурьяна.

*) Парсы или Гебры--огнепоклонники, остатки послѣдователей Зороастра или Заратустры До VII вѣка по Р. Х. ученіе Заратустры--Мозеизмъ -- было господствующей религіей во всемъ Иранѣ и даже въ Азербейджанѣ. На берегу Каспійскаго моря, въ Баку, у нихъ были храмы съ вѣчно горящими нефтяными фонтанами. Послѣ паденія персидскихъ Сасанидовъ, Зороастрійцы шагъ за шагомъ отступали передъ Исламомъ, и принуждены были, въ концѣ-концовъ, покинуть Персію и укрыться въ Индіи. Въ Персіи отъ нихъ сохранилась только небольшая группа, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, приниженныхъ, отправляющихъ свои богослуженія въ скромномъ храмѣ около Тегерана. Тамъ же, около развалинъ древняго города Рей, въ горахъ, стоитъ ихъ Башня Молчанія. Въ Индіи, около Бомбея, живетъ до 50.000 парсовъ. Они не представляютъ собою отдѣльной касты, какъ ошибочно указываетъ авторъ, и живутъ вполнѣ независимо отъ религіозной жизни индусовъ. Пр. Р.

Въ этой чащѣ живутъ ящерицы и змѣи, среди которыхъ не мало кобръ; съ послѣдними можно легко встрѣтиться на лѣстницѣ послѣ вечерней зари, когда онѣ выползаютъ изъ своихъ дневныхъ убѣжищъ на гладкіе камни и наслаждаются ночною прохладою.

Въ каждой башнѣ — всего одна желѣзная дверь, тяжелая, строгая, снабженная массивнымъ и прочнымъ запоромъ.

Эти двери — граница новой, невѣдомой, но прекрасной жизни.

Сквозь нихъ, рано или поздно, проходитъ каждый парсъ, каждое дитя и женщина касты, проходятъ для того, чтобы никогда не возвратиться обратно.

Въ башни уходятъ всѣ умершіе, такъ какъ ихъ тѣла не предаются ни землѣ, ни огню.

Мертвое человѣческое тѣло не имѣетъ права осквернять того, что священно — и для быстраго исчезновенія грѣшной оболочки душа найдетъ другой путь.

Этотъ путь найденъ во тьмѣ вѣковъ, значительно ранѣе того, какъ построены башни молчанія.

. . . .

Неподвижно, уподобясь скорѣе чучеламъ, чѣмъ живымъ пернатымъ, днемъ и ночью сидятъ вдоль верхняго края башни ряды сѣрыхъ угрюмыхъ птицъ.

Пепельно сѣрый цвѣтъ перьевъ, голая шея, громадный клювъ, крѣпкіе, какъ желѣзо, когти.

Эти неподвижныя, безцвѣтныя птицы замѣняютъ умершему парсу землю и огонь.

Онѣ мгновенно слетаются на принесенное въ башню мертвое тѣло, которое совершенно обнаженнымъ кладется на горячія плиты верхней галлереи.

Плотно закрывается тяжелая желѣзная дверь.

Черезъ часъ птицы возвращаются къ своимъ обычнымъ мѣстамъ на стѣнѣ башни, оставляя отъ недавно принесеннаго тѣла однѣ чистыя кости.

Горячее солнце и насыщенный солью воздухъ, спустя короткій срокъ, превращаютъ эти кости въ распыленный прахъ. Вода проливныхъ дождей смываетъ его въ глубокій колодецъ, уходящій отъ середины башни въ нѣдра земли, и расходится въ четыре стороны сквозь уголь и песокъ громадныхъ, съ поразительнымъ искусствомъ устроенныхъ фильтровъ.

Изъ послѣдняго фильтра вода снова выходитъ на по-

верхность земли. Этою водою, чистою, прозрачной и холодной, поливаютъ въ вечерніе часы пестрыя куртины душистыхъ цвѣтовъ, круглый годъ не увядающихъ около Башни Молчанія.

. . . .

Тамъ, гдѣ кончается обрывъ, ниспадающій отъ садовъ бѣлыхъ башенъ, проходитъ извилистое, гладкое, какъ мраморъ, шоссе, уходящее далеко внизъ, въ Бомбей, въ его людные, шумные, пропитанные запахомъ кокосоваго масла, кварталы.

За лентою шоссе—второй обрывъ, еще болѣе величественный, болѣе страшный по крутизнѣ и размѣрамъ.

Далеко внизу—весь громадный городъ съ его пестрой канвою неправильныхъ кварталовъ, вышками пагодъ и голубою, океанскою далью, и разбросанными по ней черными точками стоящихъ на якорѣ кораблей.

У самаго края обрыва—рядъ скамеекъ, на которыхъ дремлютъ и отдыхаютъ индусы, по тѣмъ или другимъ причинамъ приходящіе къ Башнямъ Молчанія.

На одной изъ этихъ скамеекъ я и завелъ свое знакомство съ Ким-Раввама, пятидесятилѣтнимъ парсомъ, ежедневно приходящимъ къ Башнямъ Молчанія изъ отдаленныхъ кварталовъ Бомбея.

Онъ первый завелъ раговоръ со мною, заинтересовавшись моею русской офицерской гимнастеркой, къ которой были приколоты орденскія ленточки, и въ особенности оживился тогда, когда узналъ, что я пробираюсь черезъ Индію въ Сибирь, въ армію Колчака.

— Русскіе,—заговорилъ парсъ. О, я знаю, много знаю о вашей странѣ. Я встрѣчалъ вашихъ купцовъ и банкировъ, вашихъ моряковъ, приплывающихъ въ Бомбей... Раньше они часто появлялись въ Делли, Калькутѣ и Коломбо... Я много узналъ о Россіи и отъ профессоровъ Бомбейскаго университета...

Ким-Раввама хорошо владѣлъ французскимъ языкомъ, что и дало намъ возможность вполнѣ понимать другъ друга.

— Куда же вы ѣдете и зачѣмъ? задалъ мнѣ вопросъ Кимъ. Почему вы плывете въ Вашу Россію черезъ нашу Индію, когда можно проѣхать отъ края до края вашей страны по желѣзной дорогѣ? Я хорошо помню эту магистраль.

Я постарался вкратцѣ объяснить парсу смыслъ

моей поѣздки и упомянулъ ему о тяжеломъ положеніи Россіи, большевикахъ и гражданской войнѣ.

Ахъ, да, большевики, большевики, кивнулъ головою Кимъ. О нихъ много пишутъ въ англійскихъ газетахъ... Индусамъ извѣстно это слово...

Я насторожился. Вспомнилъ, что еще утромъ газеты Бомбея были полны статьями о планахъ Ленина, о возможности наступленія на Индію красныхъ армій.

Вспомнилъ и о томъ, какъ еще недавно видѣлъ въ туземныхъ кварталахъ разосланные властями патрули англійскихъ территоріальныхъ войскъ и двѣ батареи артиллеріи, расположившіяся у входа въ бомбейскій зоологическій садъ.

Все это было сдѣлано на случай возникновенія какихъ то предполагаемыхъ безпорядковъ, имѣющихъ большевистскую подкладку.

И мало по малу, бесѣдуя съ Ким-Раввама, я перешелъ съ нимъ и на эту тему.

. . . .

— Я ничего не знаю, я не постигъ тайнъ предвидѣнія будущаго, я не факиръ, не лама, не принадлежу къ религіи Іоговъ... говорилъ Ким-Раввама. Но я хорошо вижу только одно — что вы, бѣлые, безконечно смѣшны въ своемъ самомнѣніи... Всѣ вы, бѣлые, безразлично кто, французы, англичане, русскіе, бельгійцы.. Вы думаете, что имѣете какое-то основаніе учить насъ, людей съ цвѣтною кожею, потому, что считаете насъ людьми низшей культуры, низшаго порядка, почти животными... Поймите, что это не болѣе, какъ смѣшная нелѣпость...

Кимъ положилъ въ ротъ свернутый листокъ бителя, пожевалъ, сплюнулъ красную слюну и продолжалъ:

— Почему вы думаете, что старые, трехсотмилліонные народы Индіи должны слушать васъ бѣлыхъ и жить по вашей указкѣ, учиться вашимъ теоріямъ и согласно этимъ теоріямъ строить свою жизнь... Вы жестоко ошибаетесь въ этомъ самомнѣніи... Старой Индіи никто не можетъ указывать. —

Уже вечерѣло, и внизу, гдѣ раскинулся покрытый легкимъ туманомъ Бомбей, одинъ за другимъ зажигались огни электричества.

— Вы, европейцы, въ теченіе четырехъ лѣтъ дрались между собою, залили всю свою Европу кровью, уничтожили милліоны лучшихъ людей, до основанія разрушили прекрасные города и превратили въ голодные пустыни

цвѣтущія области... И превративъ свою „цивилизованную“ Европу въ кладбище, все еще продолжаете драться между собою, стремясь къ какимъ-то новымъ, лучшимъ формамъ жизни... Чему же мы можемъ у васъ учиться? Цѣлый вѣкъ вы насъ учили одному, теперь хотите учить другому. —

Я пытался возражать, и указалъ, что господствующіе надъ Индіей англичане старались перенести на Индостанъ все лучшее, что дала человѣчеству настоящая цивилизація, и что разрушающіе эту цивилизацію большевики ничего общаго съ англичанами не имѣютъ.

— О, не въ томъ дѣло— воскликнулъ Кимъ. Поймите, что народы Индіи, въ глубинѣ души, не дѣлаютъ различія между народами Европы... Для насъ, всѣ вы только—бѣлые... Всѣ вы намъ чужды, непонятны, и если кто кому нуженъ, то мы вамъ, а не вы намъ.

Въ голосѣ его почувствовались нотки глубокаго гордаго гнѣва.

Ни ваши Ленины, ни ваши Толстые и Уэльсы—ничему новому не научатъ членовъ индійскихъ кастъ. Мы все давно постигли, мы все знаемъ лучше васъ. Развѣ станетъ парсъ вѣрить тому, кто не чтитъ земли и огня, развѣ сочтетъ браминъ за учителя жалкаго бѣлаго, не уяснившаго себѣ смысла борьбы Вишну съ Сива... Постигъ ли вашъ Ленинъ смыслъ жизни и смерти, который постигъ каждый нашъ нищій, бредущій пѣшкомъ отъ Делли къ долинамъ Ганга... Сказать короче— мы не можемъ уважать васъ, бѣлыхъ, мы васъ только терпимъ, но никого изъ васъ не цѣнимъ и никому изъ васъ не вѣримъ. --

Онъ замолчалъ, подумалъ, и вдругъ сдѣлалъ совершенно неожиданный выводъ, выслушавъ который я понялъ, что мой случайный знакомый далеко не такъ неосвѣдомленъ въ европейскихъ дѣлахъ, какъ это должно было казаться съ перваго взгляда.

-- Коммунисты, коммунисты. Коммунисты хотятъ идти походомъ на Индію... Все это хорошо извѣстно по газетамъ... А для насъ ясно, вполнѣ ясно, что здѣсь дѣло не въ какихъ то коммунистахъ, а въ бѣлыхъ, передравшихся между собою... Англичане побили нѣмцевъ, нѣмцы, будучи побиты, создали коммунистовъ и натравливаютъ ихъ на англичанъ... Не коммунисты хотятъ идти на Индію, а нѣмцы хотятъ, чтобы мы индусы выгнали отъ себя англичанъ. Они хотятъ использовать въ своихъ интересахъ нашу общую ненависть ко всѣмъ бѣлымъ, къ которымъ принадлежатъ и англичане... А народамъ Индіи это все только

смѣшно... Вся ваша маленькая, холодная и сырая Европа намъ кажется жалкою клѣткой, въ которой безъ конца дерутся хилые, скучные, не понимающіе смысла жизни интриганы... —

Совсѣмъ стемнѣло. Ким-Раввама всталъ и вѣжливо попрощавшись со мною, исчезъ въ голубыхъ сумеркахъ.

. . . .

До своего отъѣзда изъ Индіи я успѣлъ еще разъ побывать въ садахъ Башенъ Молчанія, и опять встрѣтилъ Кима, сидѣвшаго на старомъ мѣстѣ у обрыва, молчаливо пережевывая бетель.

Я узналъ, что Ким-Раввамъ принадлежалъ къ числу довольно извѣстныхъ бомбейскихъ поэтовъ и ученыхъ, хорошо знавшихъ нравы, настроенія и ученія всѣхъ кастъ.

Онъ говорилъ на трехъ европейскихъ языкахъ, лучше многихъ русскихъ зналъ Толстого, и какъ англичанинъ цитировалъ Шекспира и Байрона.

Около двухъ лѣтъ назадъ Кимъ потерялъ свою красавицу дочь, тѣло которой скрылось за тяжелою желѣзною дверью одной изъ башенъ.

Такъ же какъ и всегда у парсовъ, это прекрасное тѣло, котораго не успѣло еще коснуться тлѣніе, было въ теченіе часа уничтожено птицами, а превращенныя въ прахъ бѣлыя кости прошли вмѣстѣ съ водою черезъ чистилище песка и угля и кристальною струею упали на лепестки розъ и индійскихъ левкоевъ, наполняющихъ своимъ дыханіемъ сады Башенъ Молчанія.

— —

Мотивы персидской поэзіи.

Джеляль-ед-Дин Руми
(1207 — 1273)

Однажды утромъ мнѣ она сказала,
Чтобъ испытать:
„Мой нѣжный другъ, о какъ бы я желала
Одно лишь знать, —
Изъ насъ двоихъ, кто для тебя дороже
Ты самъ иль я“
— „О свѣтъ очей моихъ, одно и то-же
Вѣдь Ты и я.
Я весь въ Тебѣ, я весь Тобою полонъ,
До пальцевъ рукъ,
И отъ меня осталось только имя —
Одинъ лишь звукъ...
Я какъ рубинъ на солнцѣ: съ трепетаньемъ
Горю какъ лучъ...
Рубина нѣтъ, лишь все полно сіяньемъ...
Нѣтъ больше тучъ.

Омаръ-Хейямъ (ум. 1123)
Рубаят (четверостишія).

Утренній вѣтеръ срываетъ покровы ночные,
Встань, выпей кубокъ. Что за тревога въ очахъ?
Полно, не вѣчно-ль надъ прахомъ земнымъ золотые
Будутъ зорьки... и станетъ землею нашъ прахъ.

Рокъ не любитъ, Хейямъ, тѣхъ, что хмуро сидятъ,
У кого недовольный, тоскующій видъ.
Пей бокаломъ вино, и пусть струны гремятъ.
Пей, покуда бокалъ твой въ куски не разбитъ.

На мотивъ Хафиза

Не ломай небрежно розы,
Не касайся лепестка.
Можетъ, это дѣвы грезы
Были жаркіе уста...

Вотъ червякъ. Какой противный!
Нѣтъ не надо, не дави.
Ты не знаешь: очи дивной
Это... полные любви.

Кто то знойными ночами
Эти очи цѣловалъ,
И уста свои съ устами
Трепетавшими сливалъ...

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СУФІЯХЪ И СУФИЗМѢ.

Когда, томимый религіозными исканіями, Мохаммедъ задумалъ основать для своихъ соотечественниковъ арабовъ-язычниковъ пантеистовъ, новую религію, когда онъ отыскивалъ для нихъ Единое Божество,—два образа стояло передъ нимъ: грозный и мстительный Іегова евреевъ, и кроткій, непонятный, въ Троицѣ славимый, Христосъ.

Преклоняясь передъ образомъ Христа, Мохаммедъ не смогъ увидѣть въ немъ Божества. Христосъ казался ему слишкомъ человѣкомъ, слишкомъ подобнымъ ему самому, Мохаммеду, и онъ призналъ во Христѣ только Посланника Единаго Бога для христіанъ, такового же, какимъ онъ долженъ стать для остальныхъ правовѣрныхъ. Христіане, по мнѣнію Мохаммеда, сдѣлали грубую ошибку, признавъ Христа за Божество и онъ особенно предупреждаетъ своихъ послѣдователей отъ повторенія подобныхъ ошибокъ.

Грозный Іегова, среди грома и молній Синая вѣщающій своему народу заповѣди добра и зла болѣе поразилъ впечатлительнаго Мохаммеда. Онъ былъ готовъ признать въ немъ и свое божество и уже приказалъ мусульманамъ обращаться на молитвѣ лицемъ къ Сіону, но не надолго. Мохаммедъ скоро разочаровался въ іудаизмѣ. Можетъ быть причиной этого были сами евреи, а можетъ быть познакомившись ближе съ Талмудомъ и увидѣвъ, что Единый Богъ измѣряется тамъ чуть-ли не на аршины, Мохаммедъ призналъ и это божество Талмуда слишкомъ человѣкоподобнымъ. Какъ-бы то ни было, но онъ рѣшилъ вознести своего Аллаха „превыше всего высочайшаго“ и повернулъ своихъ правовѣрныхъ на молитвѣ отъ Сіона къ Меккѣ.

Оставаясь личнымъ Аллахъ Мохаммеда почти лишенъ аттрибутовъ. Въ этомъ вся сила мусульманства для умовъ, несклонныхъ къ мистикѣ и отвлеченной философіи. Догматика мусульманства заключена въ 7 словахъ: „Нѣтъ Бога кромѣ Аллаха и Мохаммедъ его пророкъ“. Остальное въ

Коранѣ—правила какъ жить и какъ молиться. Арабы, по существу безразличные къ вопросамъ религіи, съ восторгомъ приняли это простое и опредѣленное ученіе. Такъ-же мало склонные къ философіи тюркскіе племена были и остаются самыми вѣрными послѣдователями Ислама, но совсѣмъ другое отношеніе встрѣтилъ Коранъ въ Персіи, въ странѣ арійцевъ, гдѣ всегда богоискательство и мистицизмъ были такъ-же развиты, какъ „въ лѣсахъ“ и „на горахъ“ Россіи. Правовѣрный Исламъ въ Персіи сталъ только оффиціальной религіей ея властителей, сначала арабовъ, затѣмъ турокъ и монголовъ, сами-же персы, принявъ по принужденію форму этой религіи вложили въ нее, да и сейчасъ вкладываютъ, самое разнообразное содержаніе. Въ религіозномъ отношеніи Персія вся раздѣлена на секты. Суфизмъ, возникшій въ 11 вѣкѣ—одна изъ такихъ сектъ. Философское основаніе суфизма—пантеизмъ, самыхъ разнообразныхъ толковъ и настроеній; такимъ образомъ по содержанію онъ не представляетъ собою ничего новаго, сравнительно съ другими пантеистическими воззрѣніями Индіи и старой Парфіи. Вся его оригинальность въ формѣ, въ яркой, иногда грубо чувственной символикѣ. Сами суфіи—аскеты, мистики, со своеобразной іерархіей своеобразными монастырями, гдѣ иногда они живутъ вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми. Ихъ монахи или миссіонеры имѣютъ значительное число посвященій, въ которыхъ укладываются всѣ оттѣнки религіозныхъ воззрѣній отъ почти правовѣрнаго Ислама, до истерическаго восклицанія пантеиста: „Богъ—это я“. Мудрецы и учители суфизма, начиная отъ Джелляль-ед-Дина (1207—1273), Саади Ширазскаго (ум. 1292) и Ферид-ед-Дина и кончая современными, отмѣриваютъ каждому изъ своихъ учениковъ столько пантеистической мудрости, сколько можетъ вмѣстить неофитъ, и если слабый разумъ послѣдняго ужаснется слишкомъ безбожному, съ точки зрѣнія правовѣрнаго, положенію, то стиху дается новое толкованіе и только. Символика суфійской философіи позволяетъ это дѣлать легко.

Философское творчество поэтовъ-суфіевъ процвѣтало въ эпоху самыхъ жесточайшихъ гоненій на философію и науку тюркскихъ и монгольскихъ властителей Персіи. Въ эту эпоху слѣпого и грубаго фанатизма новообращенныхъ мусульманъ сжигались не только библіотеки, той-же участи не рѣдко подвергались ученые и философы. И вотъ, еретики суфіи, полные презрѣнія къ матеріальнымъ благамъ и

наслажденіямъ міра, благамъ въ ту эпоху, какъ можетъ быть и сейчасъ, дѣйствительно слишкомъ непрочнымъ, скрыли свои мысли о Богѣ и суетности всего мірского въ стихахъ, полныхъ по формѣ самаго необузданнаго стремленія къ жизни, къ вину и женщинѣ, къ разгулу и чувственности. Трудность изложенія мыслей въ поэтической формѣ не могла особенно ихъ стѣснить. Въ Персіи—всѣ поэты. И сейчасъ еще, въ нашъ вѣкъ прозы и матеріализма вся Персія звенитъ пѣснью. Вечеромъ, на закатѣ солнца съ верхушекъ минаретовъ несется серебристая пѣснь муеззиновъ. Звонкими „шаркіе" перекликаются по дорогамъ погонщики муловъ, пастухи, носильщики. Одинъ поетъ о томъ, какъ у него сегодня пропалъ мулъ и какъ онъ искалъ его по зеленымъ зарослямъ и холмамъ; и не успѣетъ онъ кончить своей пѣсни, какъ въ отвѣтъ ей откуда-то издали несется звонкая, дрожащая въ прозрачномъ воздухѣ, высокая нота. На лету схватывается только что оборвавшаяся чужая рифма и снова пѣсня о томъ, какъ гдѣ-нибудь на базарѣ лунолицая красавица поручила хамалу покупку, какъ дала ему серебрянную монетку и подарила взглядомъ, котораго онъ не забудетъ до смерти. А въ крохотныхъ мастерскихъ безъ переднихъ стѣнокъ, какъ въ клѣткахъ, менѣе громко, но за то непрерывно распѣваютъ столяры, инкрустаторы, сапожники, токари... и вспоминается Россія съ ея лирниками, бандуристами, съ ея балалайками и частушками. Вѣдь и сейчасъ, вся покрытая то веригами, то кандалами, поетъ, смѣется и плачетъ... убогая, больная, во Христѣ юродивая Русь.

Неудивительно, поэтому, что стихи суфіевъ быстро разносились по всей Персіи. Пѣлъ ихъ и грубый тюркъ, за чашей запретнаго вина и томный, медлительный фарсіецъ напѣвалъ ихъ возлюбленной. А въ то же время гдѣнибудь въ затерянномъ монастырѣ учитель, аскетъ и философъ разъяснялъ ихъ дѣйствительный смыслъ жадно внимавшему его словамъ неофиту. Форма не смущала ученика. Только западный аскетизмъ считалъ плотское всегда враждебнымъ духовному. На Востокѣ чувственное—прообразъ духовнаго. Какъ среди нашихъ хлыстовъ, чувственный экстазъ и экстазъ религіозный нерѣдко сливаются тамъ во едино. „Никто не можетъ говорить людямъ на небесномъ языкѣ и быть понятымъ", а потому утверждаютъ суфіи, чтобы передать восторгъ чисто религіознаго экстаза, необходимо иногда говорить словами экстаза чувственнаго.

О ЯСИМА НО КУНИ.

(Страна восьми острововъ — Японія)

Въ тиши священныхъ храмовъ Шинто,
Затерянныхъ на склонахъ горъ,
Въ тѣни сосны и старыхъ гинко
Пѣвца пытливый бродитъ взоръ.

Тамъ гдѣ жилище древнихъ тѣней,
Люблю я гонга странный звукъ.
Мечтой таинственныхъ видѣній
Все облекается вокругъ...

И за вопросами вопросы,
За думой думы чередой,
Какъ снѣжныхъ вьюгъ сѣдыя косы,
Сплетаясь, вьются предо мной...

И хочется въ тотъ мигъ тревоги
Проникнуть чуткою душой
Въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ уму дороги,
Гдѣ царство сказки золотой...

РЕЛИГІОЗНЫЕ МИѲЫ ЯПОНІИ.

Хаосъ.

... Лишь Хаосъ по волнамъ эфира
Носился въ безднѣ и надъ ней,
И первозданный образъ міра
Скрывался въ отзвукахъ тѣней...

Земля и Небо, нераздѣльно,
Какъ два живые близнеца,
Слились и были безпредѣльны
И безъ начала, безъ конца...

Но постепенно отдѣлялся
Тончайшимъ облакомъ эфиръ.
Онъ, ширясь, въ небо превращался...
И ждалъ созданья новый міръ.

Появленіе первыхъ боговъ.

Явились три Хасиро—гами
Въ эфирныхъ облакахъ небесъ—
Мечты, навѣянныя снами,
И первообразы божествъ.

И въ первозданьѣ постепенномъ,
Въ волнахъ эфира, протекли...
Всѣ трое въ образѣ нетлѣнномъ
Изъ міра Хаоса ушли...

А послѣ нихъ Хитори--ками
Явились въ міръ, какъ дивный даръ,
Пришли могучими богами—
Сковали Хаосъ силой чаръ.

Они тотъ хаосъ раздѣлили
На дерево, огонь, металлъ...
Съ водою землю разлучили,
И зашумѣлъ прибой у скалъ...

Появленіе божествъ, создавшихъ Японію.

И вскорѣ за Хитори--ками
Произошли два существа,
Имъ было суждено богами
Дать міру силу естества.

Богъ назывался Изанаги.
Какъ моря грознаго волна
Былъ полонъ силы и отваги...
А съ нимъ--прекрасная жена.

Ей было имя Изанами,
И всѣмъ чудеснымъ естествомъ
Она сливалась съ небесами,
Сама являясь божествомъ...

Съ богиней вмѣстѣ, Изанаги
Стоялъ на облачномъ мосту....
Въ пространствѣ бурь, небесной влаги,
Былъ брошенъ мостъ чрезъ пустоту.

Въ тотъ мигъ, какъ мечъ свой драгоцѣнный
Богъ Изанаги погружалъ
Въ живыя волны влаги пѣнной—
Изъ капель островъ выросталъ.....

Чтобъ міру отыскать опоры
И тѣмъ творенье завершить,
Два божества, какъ двѣ авроры,
Рѣшили путь вокругъ свершить.

И въ первый мигъ желанной встрѣчи,
Когда любовь, какъ лучъ, горитъ,
Вдругъ Изанаги слышитъ рѣчи
То Изанами говоритъ:

— „Какъ радостно для сердца встрѣтить
Мужчину милаго! Всегда
Ему любовію отвѣтить
Готова женщина тогда!“ —

Но Изанаги огорчился,
Что первой рѣчи дивный звукъ
Не отъ него на свѣтъ родился....
И... совершили новый кругъ....

И въ нѣжный мигъ ихъ новой встрѣчи,
Когда любовь какъ лучъ горитъ,
Вдругъ Изанами слышитъ рѣчи
То Изанаги говоритъ:

— „Какъ сердцу сладко и отрадно
Мою любимую встрѣчать!
И счастья мигъ ловлю я жадно,
Хочу любовью отвѣчать“! —

И по мосту они спустились
На островъ, первою четой....
Тогда и люди зародились,
И пѣсня съ вѣчною мечтой....

Наука Запада и мистика Востока.

„Востокъ“ и „Западъ“.

Въ представленіи европейца эти два слова составляютъ вполнѣ опредѣленную антитезу: „Западъ“—символъ культуры и цивилизаціи, „Востокъ“—варварства и невѣжества.

Это противоположеніе кажется европейцу настолько безспорнымъ, что даже современное международное право, признаетъ своими полноправными субъектами только народы Европы и Америки, народы же Востока признаются до сихъ поръ объектами права и беззастѣнчиво исключены изъ круга „общенія цивилизованныхъ народовъ“.

Выйти изъ этого положенія каждый неевропейскій народъ можетъ лишь тогда, когда силою оружія покажетъ что производить надъ собою эксперименты какъ надъ объектомъ права онъ уже болѣе не позволитъ. Такъ было съ русскимъ народомъ, разбившимъ въ свое время шведовъ, такъ было съ Японіей, показавшей свою силу въ войнѣ съ Россіей.

Послѣ этого народъ-побѣдитель признается „цивилизованнымъ“.

Попавши на Востокъ цивилизованный европеецъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно незнакомый ни съ языками, ни съ исторіей Востока, еще болѣе убѣждается въ правотѣ своихъ воззрѣній на культуру. Вѣдь для этого достаточно сравнить хотя бы комфортабельные первоклассные отели Европы съ караванъ-сараями Азіи.

Но проживши нѣкоторое время въ странѣ, если онъ достаточно внимателенъ и не слишкомъ гордъ, чтобы войти въ соприкосновеніе съ туземцами, европеецъ вдругъ съ удивленіемъ начинаетъ замѣчать, что то же противополо-

женіе живетъ и въ представленіи азійца, но въ смыслѣ какъ разъ обратнымъ. Востокъ—символъ культуры, Западъ—страна невѣжественныхъ „бѣлыхъ варваровъ“. Удивленіе его становится еще большимъ, когда онъ убѣждается, что это смѣшное представленіе общее не только тѣмъ, кто никогда не былъ въ Европѣ, но даже, довольно умные, съ его точки зрѣнія, азіаты, побывавшіе въ европейскихъ университетахъ и имѣющіе всю возможность сравнивать комфортабельные отели съ караванъ-сараями, такъ странно заблуждаются.

Возвратясь на родину европеецъ, конечно, не разъ станетъ разсказывать объ этомъ курьезѣ, всегда встрѣчая сочувственную, презрительно-недоумѣлую улыбку слушателей.

Въ чемъ же однако дѣло? Развѣ можетъ быть для кого-нибудь не ясно все подавляющее, очевидное величіе культуры Европы и сравнительная культурная бѣдность Востока?

На чемъ основано это странное недоразумѣніе?

„Востокъ“ и „Западъ“—противоположеніе не только того, что европеецъ называетъ „культурой“ и „варварствомъ“; это также красивая тема для европейскихъ поэтовъ, противополагающихъ „грезы Востока“ „дѣловитости Запада“, „нежизненность Азіи“ „матеріализму Европы“ „сказки Шехеразады“ „блестящимъ научнымъ открытіямъ“...

Серьезнаго европейца, конечно, эта тема не интересуетъ, какъ пустякъ, хотя можетъ быть и достойный вниманія поэтовъ. Вѣдь поэзія, для серьезнаго человѣка—скорѣе пріятное, чѣмъ нѣчто дѣйствительно нужное, необходимое...

А въ этомъ какъ разъ и кроется коренная причина взаимнаго непониманія.

Въ то время, какъ европеецъ считаетъ основной первую антитезу, совершенно пренебрегая второй, какъ мало серьезной, и на основаніи ея противополагаетъ „Культурный Западъ“ „Варварскому Востоку“, относя на одну сторону сильныя арміи, благоустроенныя города, университеты, съ болѣе или менѣе стройными научными системами, отели, больницы, автомобили, аэропланы и т. д., а на другую недисциплинированныя, неумѣющія сражаться войска, примитивныя селенія, философствующихъ дервишей, невѣжественныхъ докторовъ и судей, азіецъ, всю эту „культуру“ считаетъ скорѣе пріятной и удобной, чѣмъ

дѣйствительно необходимой для человѣчества, а единственно серьезнымъ основаніемъ для раздѣленія людей на культурныхъ и варваровъ признаетъ вторую антитезу, причемъ и оцѣнка частей ея прямо противоположна оцѣнкѣ европейца.

Изученіе и какъ можно болѣе глубокое знаніе того, что европеецъ считаетъ нереальнымъ, нежизненнымъ и сказочнымъ и что, можетъ быть въ согласіи съ Кантомъ, азіецъ признаетъ единственной реальностію—должно, по его убѣжденію лежать въ основаніи всей культурной жизни человѣка, обоснованіе же ея на томъ, что европеецъ считаетъ „матеріальнымъ“, „практическимъ“ и „научнымъ“, азіецъ называетъ „европейскимъ варварствомъ“...

На чьей сторонѣ правда?

Вѣроятнѣе всего, что гдѣ-нибудь посрединѣ, но вся жизнь Европы, въ особенности за послѣдніе ея годы должна казаться внимательно наблюдающему ее азійцу такой дикой, кошмарно странной и... неумной....

•

Шли съ развѣвающимися знаменами, опьяненные жаждой славы и власти шли умирать за Отечество, убивать за благо Государства.

Народы провожали ихъ ликующими кликами. Матери благословляли сыновей. Они шли бодрые, смѣлые, умирали и убивали...

Зачѣмъ?

Четыре года продолжалась борьба. Какъ спруты перевившись, въ предсмертныхъ судоргахъ другъ съ другомъ, Государства пожирали своихъ дѣтей. А тѣ умирали, съ улыбкой восторга, съ крикомъ побѣды, какъ изступленные индусы подъ ногами слоновъ колесницы своей богини, какъ супруги раджей въ пламени похоронныхъ костровъ...

Почему?

Но... что то порвалось... Въ ужасѣ отпрянувъ другъ отъ друга, гибли и распадались Левіофаны подъ ударами своихъ же вдругъ озвѣрѣвшихъ дѣтей. Обожаніе смѣнилось ненавистью, восторгъ изступленной злобой. Отбросивъ прежніе идеалы Отечества и Государства, Славы и Могущества, ринулись другъ на друга сыны одной и той же Родины. Братья на братьевъ, сыны на отцевъ...

Въ новомъ, еще болѣе кровавомъ угарѣ гибнутъ старые кумиры, а на милліонахъ труповъ, на грудахъ костей,

воздвигаются новые Молохи и требуютъ новыхъ жертвъ, новой крови...

Кровь льется...

Во имя чего ?

Во имя того, кто цѣпкими лапами обхватилъ за послѣднее столѣтіе истекающую сейчасъ кровью Европу.

Во имя Матеріализма.

За то, что боги ея въ этомъ вѣкѣ были только изъ золота и стали, за то, что новое божество, передъ которымъ она сейчасъ ложится во прахъ... изъ земли и хлѣба.

Сверкающія золотомъ и серебромъ стальныя чудовища прошлаго вѣка многимъ слѣпили глаза, холодный бездушный матеріализмъ, составляющій ихъ сущность, рядился въ пышныя порфиры, и на пурпурѣ ихъ не было видно ни крови, ни пота.

Основанный на принужденіи законъ охранялъ матеріальныя блага государей и подданныхъ, давая иллюзію моральнаго развитія и подъема, научныя открытія и „блестящія мысли“ дали иллюзію культуры духа.

Казалось матеріализмъ желѣзной рукою велъ народы къ вершинамъ земного счастья, къ вершинамъ человѣческой культуры... но, что то порвалось, рухнули законы и двадцати-вѣковая культура, вмѣстѣ со всѣми ея научными открытіями и блестящими мыслями, гибнетъ въ бѣшеной пляскѣ дикарей XX вѣка.

Напрягая, можетъ быть, уже послѣднія силы, власть золота и стали борется съ новымъ идоломъ, подъ ноги котораго падаютъ одинъ за другимъ народы Европы.

Пурпурныя мантіи не скрываютъ болѣе крови, презирая все, что выше земли и хлѣба, новый видъ торжествующаго матеріализма видитъ счастье человѣчества только въ сытости и въ удовлетвореніи низкихъ страстей. Нѣтъ больше иллюзій, морали, духа—Земля и Хлѣбъ.

Передъ неприкрытымъ ужасомъ опускающагося на степень животной жизни человѣчества, трепещетъ каждый, кто еще сознаетъ въ себѣ частицу духа. Одни стремятся дрожащими руками удержать уходящихъ боговъ Золота и Стали, чтобы вновь убаюкать себя блестящими иллюзіями и красотой формы, другіе прозрѣвая, что золото и сталь есть та же земля, тотъ же прахъ, стремятся отъ матеріальныхъ боговъ къ Богу-Живому.

Гдѣ-то далеко-далеко, во тьмѣ столѣтій, чуть брезжитъ путеводная звѣзда, освѣщая начало давно брошеннаго забытаго пути. Это путь Вѣры, вѣры въ Провидѣ-

ніе, въ Сына Божьяго, въ Ангеловъ, въ чертей, вѣдьмъ и колдуновъ, вѣры во все забытое, такъ блестяще осмѣянное, такъ научно опроверженное.

Когда то, и не такъ давно, этимъ путемъ шли и не только отдѣльныя лица, но и народы, искренно считавшіе себя избранными Божествомъ для тѣхъ или иныхъ Его цѣлей, шли и вполнѣ добросовѣстно вѣрили, что каждымъ ихъ шагомъ руководитъ Божество. Радостно умирали за гробъ Господень и съ вѣрою посылали восьмилѣтнихъ младенцевъ на завоеваніе Святой Земли. И теперь имъ идутъ многіе, случайно избѣжавшіе тлетворнаго вліянія матеріализма и его научныхъ „истинъ". Путь этотъ самый простой и наиболѣе приспособленный: на немъ повсюду, сообразно вкусамъ и потребностямъ путешественниковъ, разбросаны станціи, гдѣ усталый путникъ находитъ и отдыхъ и подкрѣпленіе—храмы, пагоды, синагоги, мечети; въ нихъ его встрѣчаютъ проводники—священники, жрецы, шаманы. Сообразуясь съ пониманіемъ каждаго, они преподаютъ имъ необходимыя для дальнѣйшаго пути правила и руководства, искусственно скрывая глубины тайнъ духа, еще не понятныя для слабыхъ разумомъ и не испытанныхъ. Цвѣтными, часто можетъ быть нелѣпыми, фонариками прикрываютъ они источникъ божественнаго свѣта отъ неокрѣпшихъ еще глазъ, чтобы не ослѣпилъ ихъ блескъ Высшей Правды; а когда глаза окрѣпнутъ, когда подымающемуся отъ Земли духу человѣка станетъ пріемлемъ и понятенъ небесный голосъ интуиціи, священники и жрецы отходятъ въ сторону. Іерусалимскій Храмъ и гора Харизинъ одинаково больше не нужны и могущій поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, слышитъ уже непосредственно Его голосъ, его поддерживаютъ и ведутъ руки уже иныхъ существъ.

Путь вѣры и интуиціи—это путь неразсуждающей наивной толпы и путь подвижниковъ, аскетовъ и святыхъ. Первые идутъ беззаботно, довѣрчиво, какъ дѣти, каковыхъ есть Царствіе Небесное; вторые сознательно, громаднымъ усиліемъ воли, отгоняя сомнѣнія, внушаемыя знаніемъ матеріалистическихъ „истинъ". Чтобы укрѣпиться въ вѣрѣ и недопустить сомнѣнія, они признаютъ самую свою способность мысли и слова недостаточной для познанія и выраженія свойствъ Духа и внушаютъ себѣ, что всякая „мысль изрѣченная есть ложь", что „все то, что можно подумать ложно". Отгоняя мысль и замкнувшись въ молчаніи, они усиліемъ воли и духа развиваютъ въ себѣ главнымъ образомъ чувство любви и вѣры, безграничной люб-

ви къ своему идеалу (Кришнѣ, Буддѣ, Христу) и слѣпой покорной вѣры въ смыслъ и въ форму великихъ истинъ, сообщенныхъ Учителемъ.

Эта слѣпая вѣра хранитъ ихъ до той минуты, когда начинается интуиція, т. е. внутреннее пониманіе законовъ міра и духа, увѣренность несравненно болѣе сильная чѣмъ та, которая дается умственнымъ пониманіемъ мыслей и фразъ объ истинѣ, пониманіемъ, въ большинствѣ случаевъ только кажущимся или поверхностнымъ, всегда стоящимъ въ прямой зависимости отъ нарождающейся, еще несознанной, интуиціи.

Но горе тѣмъ идущимъ по пути вѣры, не во время окрывшимъ свои полуслѣпые, неокрѣпшіе глаза. То немногое, что смогутъ они разглядѣть ужаснетъ ихъ: бездонная холодная бездна матеріальнаго міра, впереди чуть видная, еле освѣщенная страннымъ свѣточемъ тропинка, теряющаяся въ непроглядной мглѣ и проводникъ, самъ еле знающій нѣсколько шаговъ по этой тропинкѣ. Ужасъ охватываетъ душу, смѣшнымъ и безцѣльнымъ кажется карабканье въ непроглядную тьму. Смѣхомъ отчаянія засмѣется человѣкъ и надъ собой и надъ проводникомъ съ его невѣрнымъ свѣточемъ, и побѣжитъ внизъ, такъ же безцѣльно, но вѣдь бѣжать внизъ и пріятнѣе и легче.

Пріятное и легкое — въ этомъ онъ скоро найдетъ кажущуюся цѣль своего движенія и, не имѣя другихъ цѣлей, постарается обставить всѣмъ возможнымъ комфортомъ свой, сознательно безцѣльный путь внизъ. Ни жалѣя ни своей ни чужой крови и пота, на всѣхъ парахъ сверкающей золотомъ и сталью культуры, полетитъ онъ внизъ, въ бездонную холодную бездну.

Въ такомъ положеніи, не во время открывшихъ глаза, находимся всѣ мы. Мы смѣявшіеся смѣхомъ Вольтера, заглянувшіе на міръ слѣпыми глазами Бюхнера, ужаснувшіяся вмѣстѣ съ Гартманомъ и Шопенгауеромъ и нашедшіе, наконецъ, свой идеалъ въ „Великолѣпномъ Тигрѣ“ Нитше. Мы — взорвавшіе въ воздухъ въ безпримѣрной бойнѣ, результаты трудовъ десятковъ поколѣній, залившіе Европу кровью милліоновъ братьевъ, въ стремленіи къ пріятному и легкому, въ пренебреженіи труда и крови мы пришли сейчасъ къ какой то роковой границѣ. Еще шагъ и произойдетъ что то ужасное.

Въ томъ же направленіи какъ Вольтеръ, Бюхнеръ и Нитше дѣйствовали и другіе: Марксъ, Энгельсъ, Штирнеръ. Они насильно открывали народнымъ массамъ ихъ слѣпые

глаза и массы, доселѣ довѣрчиво и безропотно шедшіе путемъ своей наивной вѣры, вдругъ ужаснулись своего матеріальнаго рабства, холода и голода и расхохотались въ сознаніи своей физической мощи и силы. Въ этомъ дьявольскомъ хохотѣ рушатся станціи — храмы и алтари, гибнутъ проводники, въ клочья разрываются цвѣтные фонарики. „Великолѣпный Тигръ" окруженъ стаей взбѣсившихся, голодныхъ волковъ. Напрасно рветъ онъ ихъ своими стальными когтями — ихъ слишкомъ много. Уже разносятся вѣтромъ клочья великолѣпной золотистой шкуры, еще немного — и на землѣ останутся только волки, и не будетъ другихъ идеаловъ кромѣ волчьихъ—Homo homini lupus.

Долго ли продолжится на землѣ эта новая эра волчьей жизни человѣчества? Можетъ быть ее смѣнитъ какая нибудь другая, еще болѣе ужасная форма проявленія матеріализма, а можетъ быть скоро опять, въ результатѣ этой борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, начнется снова, какъ уже было (по мнѣнію Гобеса) много много вѣковъ тому назадъ, возрожденіе культуры человѣчества, т. е. поступательнаго его движенія впередъ въ область Духа. Можетъ быть человѣчеству снова суждено будетъ стать передъ тѣмъ же распутьемъ Матеріи и Духа, можетъ быть оно снова пойдетъ тѣмъ же путемъ, повторяя свой „кругъ вѣчнаго возвращенія", можетъ быть изберетъ новые пути, чтобы судить обо всемъ этомъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, но для тѣхъ, кто сейчасъ уже видитъ тотъ конечный этапъ, къ которому влечетъ насъ бѣшенный бѣгъ современной матеріалистической культуры, оставаться на этомъ пути очевидно невозможно, хотя бы просто изъ чувства самосохраненія. Такимъ образомъ передъ нами встаетъ насущная необходимость, повелительно требующая или вернуться на старый, давно брошенный путь вѣры, или, во что бы то ни стало, найти новый путь, новый выходъ.

Отбрасываемые насильственно на старый, забытый путь, отравленные до глубины души матеріализмомъ и скептицизмомъ, сможемъ ли мы заставить себя снова закрыть глаза и слѣпо отдаться руководству нашего безхитростнаго проводника съ его слабымъ и такимъ непонятнымъ свѣточемъ. Я боюсь, что этого сдѣлать мы уже не сможемъ, что путь вѣры и интуиціи закрытъ для многихъ изъ насъ окончательно и, насильственно на него возвращенные, мы будемъ только обманывать сами себя,

оставаясь, въ лучшемъ случаѣ на одномъ и томъ же мѣстѣ и не будучи въ силахъ сдѣлать ни шагу впередъ.

Въ такомъ случаѣ остается искать новыхъ выходовъ новыхъ путей.

И такой, новый для насъ, хотя древній какъ міръ, путь существуетъ. Это путь сокровеннаго знанія и науки.

Конечно, не той только науки, которая въ нашемъ движеніи въ холодныя, мертвящія духъ глубины матеріальнаго міра замѣнила намъ нашихъ проводниковъ и ихъ свѣточи. Достигнувъ колоссальнѣйшихъ результатовъ въ смыслѣ покоренія человѣку такъ называемыхъ физическихъ силъ природы, эта наука не смогла разобраться въ задачѣ пониманія мірозданія, его цѣлей и сущности. Болѣе того, послѣ вѣковыхъ усилій, послѣ тріумфальнаго шествія въ качествѣ побѣдительницы природы, заключивъ ея громы и молніи въ свои колбы и реторты, такъ называемая, положительная наука стоитъ сейчасъ, также безоружная и слѣпая, какъ и въ первый день ея опытовъ, передъ основной, но неприступной для нея задачей о внутренней природѣ вещества, изученіе свойствъ котораго дало ей такъ много. Она не нашла, какъ когда то хвалилась, Бога въ ретортѣ и должна сознаться, что все величественное, возведенное ею зданіе виситъ въ воздухѣ, безъ фундамента, ибо тотъ фундаментъ, на которомъ она нѣкогда основала свое зданіе — матерія, познаваемая нашими пятью чувствами,— призраченъ, не существуетъ, и на чемъ въ дѣйствительности покоится ея зданіе положительная наука не знаетъ.

Признавъ реально существующимъ только матеріальное, а матеріальнымъ сперва только непосредственно познаваемое нашими пятью чувствами, положительная наука, сначала только къ своему удивленію и гордости эмпирически доказала, что по обѣ стороны солнечнаго спектра тянутся какіе то ультра-фіолетовые и инфра-красные лучи, она опредѣлила свойства этихъ лучей, ихъ дѣйствія на тѣ или иные химическіе составы, но реально показать ихъ, т. е. заставить наше зрѣніе непосредственно реагировать на эти лучи — не смогла.

Другими словами положительная наука доказала, что всѣ предметы міра, кромѣ воспринимаемыхъ нашими глазами семи красокъ спектра, окрашены еще въ какіе то невѣдомыя намъ цвѣта, и слѣдовательно, если бы глазная сѣтчатка человѣка была такъ же чувствительна къ этимъ невѣдомымъ цвѣтамъ, какъ тѣ или иные химическіе составы, то Вселенная, хотя бы съ точки зрѣнія окраски,

имѣла бы для насъ совершенно другой видъ, видъ, о которомъ мы въ настоящее время не можемъ имѣть ни малѣйшаго представленія.

Благодаря этому въ понятіи „матерія, какъ основное вещество непосредственно познаваемое нашими пятью чувствами“, самой положительной наукой пробита брешь, ибо разъ доказано одно какое нибудь сверхчувственное свойство матеріи то уже стало невозможно принципіально отрицать возможность существованія и другихъ подобныхъ свойствъ. И дѣйствительно, такихъ свойствъ матеріи, непосредственно нами непознаваемыхъ, но дѣлающихся очевидными благодаря тѣмъ или инымъ химическимъ или физическимъ аппаратамъ, было открыто множество. Подъ микроскопомъ открылись безчисленные, безконечно-малые міры бактерій и инфузорій, телескопъ разложилъ туманности неба на безконечно огромные міры звѣздъ, реторта наглядно показала, какъ воспринимаемые нашими органами чувствъ виды матеріи подъ вліяніемъ температуры переходятъ въ невоспринимаемый ими газъ, колбы и холодильники улавливаютъ снова этотъ газъ и приводятъ его въ форму снова нами воспринимаемую. Профессоръ Ренгенъ открываетъ типъ излученій предметовъ, невидимый для глазъ, но дѣйствующій на фотографическую пластинку.

Такимъ образомъ, даже со строго научной точки зрѣнія, стало вполнѣ допустимымъ — хотя положительная наука и не стремится оффиціально дѣлать этого вывода — реальное существованіе сверхчувственнаго міра, съ ея точки зрѣнія матеріальнаго, но, однако, вполнѣ отличнаго отъ того, который мы непосредственно познаемъ нашими пятью чувствами и въ которомъ этотъ послѣдній занимаетъ, можетъ быть, очень и очень незначительное мѣсто. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что положительная наука стала называть именемъ „матеріи“ не ту сущность, которую мы познаемъ непосредственно нашими органами чувствъ, какъ это было въ началѣ, а сущность, тѣ или иныя свойства которой, подъ той или иной формой, при помощи тѣхъ или иныхъ препаратовъ могутъ быть въ концѣ концовъ нами восприняты.

Допуская такое распространительное толкованіе понятія „матерія“, положительная наука, можетъ быть сама того не сознавая, переноситъ свои изслѣдованія въ область, которую она первоначально отрицала — въ міръ сверхчувственный. — Переходъ этотъ вначалѣ едва замѣтенъ, но каждый новый шагъ въ этомъ мірѣ, открывая

новые необозримые горизонты, вызывая новыя невѣдомыя ранѣе силы, все болѣе и болѣе сводитъ на нѣтъ, съ точки зрѣнія, конечно, чистой науки, а не прикладныхъ знаній, результаты предшествующей, многовѣковой работы въ области, оказавшейся столь ограниченной, столь зависимой, какъ міръ вещественный, т. е. вызывающій на себя реакцію пяти чувствъ, человѣка.

Изучая матерію и ея свойства положительная наука неизбѣжно должна была столкнуться съ вопросомъ о сущности и свойствахъ энергіи. Уже въ половинѣ 15 вѣка Леонардо да Винчи въ своихъ замѣткахъ по механикѣ разрабатывалъ вопросы о сложеніи и разложеніи силъ. Спустя два столѣтія Ньютонъ открылъ законы всеміарнаго тяготѣнія и выяснилъ значеніе силы взаимнаго притяженія матеріальныхъ массъ. На основаніи всего этого положительная наука разсматривала силу — притяженія, движенія, инерціи и т. п. — какъ одно изъ ощущаемыхъ нами свойствъ матеріи. Трудно сейчасъ сказать вѣрилъ ли самъ Ньютонъ въ безусловную истинность основныхъ положеній своихъ изысканій. Скорѣе нѣтъ, иначе малопонятнымъ представляется пессимизмъ его словъ: „Я не знаю чѣмъ кажусь свѣту, но я сравниваю себя съ ребенкомъ, который ходя по берегу моря, собираетъ гладкіе камни и красивыя раковины, а между тѣмъ великій океанъ глубоко скрываетъ истину отъ моихъ глазъ“. И дѣйствительно дальнѣйшее развитіе въ наукѣ понятія силы дало результаты не болѣе утѣшительные для матеріалистическаго міровоззрѣнія, чѣмъ научныя изслѣдованія свойствъ матеріи. Дойдя въ разложеніи матеріи до атомовъ, положительная наука, въ лицѣ своихъ самыхъ выдающихся физиковъ, спеціально посвятившихъ себя изученію вопроса объ энергіи (профес. Тетъ, Лордъ Кельвинъ), заявила, что энергія представляетъ собою вполнѣ самостоятельную сущность, имѣющую не менѣе реальное существованіе, чѣмъ вещество. Такимъ образомъ, рядомъ съ единой когда то сущностью — матеріей, положительной наукой была признана „невещественная и неосязаемая свободная энергія, имѣющая опредѣленное и дѣйствительное физическое существованіе“. Соотвѣтственно съ этимъ измѣнилось и все матеріалистическое представленіе о мірѣ. Прежнюю картину физическаго міра, изживающаго свое собственное свойство — энергію, и постепенно дряхлѣющаго и обреченнаго на уничтоженіе и смерть, смѣняетъ картина вещественныхъ инертныхъ атомовъ матеріи, безпрерывно и без-

конечно сгоняемыхъ все въ новыя и новыя формы какой то невещественной и неосязаемой реальной сущностью, называемой энергіей и имѣющей свое дѣйствительное и независимое отъ матеріи физическое существованіе.

Однако и этотъ взглядъ на энергію, еще болѣе подорвавшій прежнее чисто матеріалистическое представленіе о Вселенной, не удержался въ положительной наукѣ, она пошла еще далѣе по пути уничтоженія прежняго понятія „матерія". Открытіе новыхъ свойствъ электричества, сущность котораго для положительной науки еще совершенно не выяснена, „Лучистая Матерія" Вильяма Крукса, „Лучистая Энергія", открытіе свойствъ Радія и атомный распадъ, все это окончательно смѣшало всѣ представленія и понятія положительной науки.

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ Вильямъ Круксъ назвалъ „Лучистой матеріей" электрическіе лучи своихъ трубокъ съ разряженнымъ газомъ, состоящіе изъ мельчайшихъ частицъ, заряженныхъ отрицательнымъ электричествомъ и несущихся отъ катода съ огромной скоростью. Затѣмъ развилась цѣлая теорія электроновъ,„ гдѣ подъ электрономъ понимался „атомъ электричества, совершенно лишенный матеріи". Такимъ образомъ, рядомъ съ вещественной матеріей и невещественной энергіей положительная наука поставила какъ бы какую то новую, невѣдомую сущность — электричество, вѣрнѣе она просто не могла уже опредѣлить къ какой изъ извѣстныхъ ей сущностей, матеріи или энергіи, слѣдуетъ отнести явленія электричества. Потомъ стали одно время разсматривать атомы вещества какъ цѣликомъ построенные изъ электроновъ, „которые производятъ возмущеніе въ средѣ, безъ всякихъ перерывовъ занимающей все міровое пространство и которую мы называемъ эфиромъ, не особенно еще много зная объ ея дѣйствительной природѣ".

Такимъ образомъ, путемъ постепенной эволюціи научнаго мышленія, положительная наука свела свое прежнее понятіе „матерія" къ электричеству, совершенно лишенному матеріи, т. е. къ энергіи, а на приблизительное мѣсто прежней матеріи поставила „міровой эфиръ", въ средѣ котораго эта энергія производитъ какія то возмущенія. Такъ какъ энергія сама по себѣ „невещественна и неосязаема" равно какъ, очевидно, и міровой эфиръ, понятіе въ высшей степени туманное и нереальное, то необходимо допустить, что именно эти „возмущенія", вызывая на себя реакцію нашихъ органовъ чувствъ, создаютъ все то, что мы называемъ вещественнымъ міромъ.

Такимъ образомъ, такъ называемое „матеріалистическое міровоззрѣніе“ положительной науки сводилось къ слѣдующему; Въ невѣдомой для насъ сущности, наполняющей всю Вселенную и называемой нами „міровой эфиръ“, въ сущности, на которую наши органы чувствъ непосредственно не реагируютъ, дѣйствуетъ другая какая то невѣдомая для насъ сущность, невещественная и неосязаемая, которую мы называемъ „свободная энергія“. Эта послѣдняя производитъ въ средѣ мірового эфира какія то возмущенія, благодаря которымъ міровой эфиръ слагается въ матеріальные атомы, принимающіе, подъ вліяніемъ все той же энергіи, тѣ или иныя формы вещественнаго міра.

Казавшіеся вначалѣ столь революціонными, ниспровергающими всѣ основы химіи и физики вновь открытыя явленія радіоактивности измѣняютъ сравнительно очень мало въ вышеприведенномъ міровоззрѣніи. Они сводятся къ установленію факта атомнаго распада, т. е. того что, считавшіеся ранѣе недѣлимыми, атомы матеріи распадаются на свои составныя части. Въ нѣкоторыхъ элементахъ (Уранъ, Радій, Торій) распадъ этотъ настолько интенсивенъ, что положительной наукѣ удалось его подмѣтить. Дальнѣйшія работы Беккереля, Кюри, Ретчерфорда и профессора Содди, изъ книги котораго „Радій и его Разгадка“ взяты мною поставленныя здѣсь въ скобки цитаты, выяснили, что „любой изъ элементовъ, кажущихся устойчивыми и нерадіоактивными, могъ бы разлагаться“ т. е. что атомный распадъ есть явленіе общее для всѣхъ атомовъ матеріи.

Атомы Радія, Торія, Урана, Актинія и т. д. распадаются на альфа, бета, и гамма частицы.

„Альфа частица представляетъ собою заряженный (электричествомъ) вещественный атомъ“, бета частица представляетъ собою только безтѣлесный электрическій зарядъ“, характеръ гамма частицы положительной наукой еще не выясненъ. При распадѣ атомовъ выдѣляется эманація, родъ газа, которая въ свою очередь распадается и даетъ, повидимому, тѣ же частицы альфа, бета и гамма. Получившаяся въ результатѣ распада какого либо матеріальнаго атома альфа частица представляетъ собою атомъ новаго болѣе легкаго вещества и подлежитъ дальнѣйшему распаду съ выдѣленіемъ новыхъ альфа, бета и гамма частицъ. Выдѣляемыя бета и гамма частицы представляютъ собою повидимому уже чистую энергію. Профессору Содди удалось прослѣдить до 13 такихъ послѣдовательныхъ рас-

падовъ. Несомнѣнно они продолжаются и дальше, съ послѣдовательнымъ выдѣленіемъ бета и гамма энергіи, можетъ быть до совершеннаго уничтоженія альфа частицъ, но положительная наука сейчасъ еще не въ силахъ прослѣдить эти дальнѣйшіе распады. Они происходятъ съ выдѣленіемъ колоссальнѣйшаго количества энергіи, такъ какъ продуктъ распада, матеріальная „частица альфа получаетъ при этомъ первоначальную скорость свыше 20.000 километровъ въ секунду. Несущіеся съ такой невѣроятной скоростью атомы вещества, проходятъ на своемъ прямолинейномъ пути сквозь всѣ встрѣчные атомы матеріи такъ, какъ если бы ихъ тамъ вовсе не было и такимъ образомъ въ моментъ столкновенія эти два атома одновременно занимаютъ одно и то же пространство. Эта способность взаимнаго проникновенія массъ есть, можетъ быть, одно изъ характерныхъ свойствъ вещества, движущагося со скоростями, которыя можно назвать сверхвещественными. Эта скорость умноженная сама на себя или взятая въ квадратѣ дастъ намъ мѣру той энергіи, которою обладаетъ альфа частица. Если ихъ скорость будетъ въ 500 разъ больше всякой извѣстной ранѣе, то кинетическая энергія, которой они обладаютъ, при такой же массѣ, будетъ въ четверть милліона разъ больше чѣмъ та, съ которой мы могли имѣть дѣло до сихъ поръ“.

Въ вышеприведенныхъ цитатахъ профессора Содди заключаются всѣ важнѣйшія, могущія насъ интересовать данныя относительно атомнаго распада. Внося ихъ въ формулированное нами выше міровоззрѣніе положительной науки, получимъ:

> „Въ невѣдомой для насъ сущности, наполняющей всю Вселенную и называемой нами „Міровой эфиръ“, въ сущности на которую наши чувства непосредственно не реагируютъ, дѣйствуетъ другая какая то невѣдомая для насъ сущность, невещественная и неосязаемая, которую мы называемъ „Свободная энергія“. Эта послѣдняя производитъ въ средѣ міровового эфира какія то возмущенія, въ результатѣ которыхъ получается то, что мы называемъ „Атомами Матеріи“ и что представляетъ собою концентрацію колоссальнѣйшихъ количествъ энергіи и, можетъ быть, еще частицъ Мірового эфира, поскольку послѣдній вообще можетъ быть научно обоснованъ. Сконцентрированная такимъ образомъ въ форму матеріальныхъ атомовъ, свободная, невещественная и неосязаемая энер-

гія способна уже вызывать на себя реакцію нашихъ пяти органовъ чувствъ. Различныя сочетанія этихъ атомовъ, заключающихъ въ себѣ каждый: альфа частицу — вещественную съ наиболѣе сгущенной энергіей, бета частицу — зарядъ энергіи уже „безтѣлесный“ и гамма частицу — тоже энергію, характеръ которой еще не выясненъ, образуютъ всѣ явленія и предметы познаваемаго міра“.

Становится повидимому очевиднымъ тотъ circulus vitiosus, который совершила положительная наука въ своемъ, такъ называемомъ, матеріалистическомъ міровоззрѣніи:

Начавъ съ признанія міра сверхчувственнаго, смѣшнымъ и нелѣпымъ предразсудкомъ она должна была признать наличность сверхчувственной матеріи; начавъ съ опредѣленія силы какъ свойства матеріи, она принуждена признать существованіе, сначала на ряду со сверхчувственной матеріей сверхчувственной безтѣлесной силы, вполнѣ независимой отъ матеріи, а затѣмъ съ недоумѣніемъ увидѣть, какъ распадается въ ретортахъ ея тѣлесное божество — Матерія — переходя постепенно въ свое безтѣлесное свойство Силу.

Возможность подобнаго перехода сама по себѣ уже даетъ всѣ основанія заключить, что матерія, какъ основное начало, вообще не существуетъ, а отсюда слѣдуетъ, что положительная наука, въ теченіи вѣковъ изучала не основное начало, а только безконечно разнообразныя свойства и проявленія чего-то, въ основѣ сверхчувственнаго.

Матерія — тѣлесный богъ — умеръ, распался. Считавшая его столь долго единымъ и вѣчнымъ, положительная наука, можетъ быть съ огорченіемъ, констатируетъ эту смерть.

Живой Богъ, Богъ силы и могущества, живетъ въ мірѣ сверхчувственномъ и безтѣлесномъ.

Насколько же этотъ міръ можетъ быть намъ доступенъ. Насколько этотъ Богъ можетъ быть нами постигнутъ и познанъ.

Выбросившая сама себя за бортъ своихъ первоначальныхъ научныхъ методовъ, сдѣлавшая въ этотъ таинственный міръ пока только нѣсколько нерѣшительныхъ, робкихъ шаговъ, въ которыхъ ей самой еще почему то стыдно признаться, положительная наука сейчасъ, очевидно, не можетъ дать намъ на эти вопросы никакого отвѣта. Современная европейская философія, въ лицѣ наиболѣе выдающагося своего представителя Э. Канта поставившая

уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ вопросъ о границахъ человѣческаго познанія, также не даетъ намъ сколько нибудь положительныхъ отвѣтовъ. Главнѣйшіе вопросы, выдвинутые въ „Критикѣ чистаго разума", оставлены самимъ Кантомъ, и всѣми его послѣдователями или безъ всякаго рѣшенія или съ рѣшеніемъ двусмысленнымъ...

(*Продолженіе въ слѣдующемъ №.*)

СОДЕРЖАНІЕ:

S